

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№1
2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 1/2020

Главный редактор
П.А. Ореховский

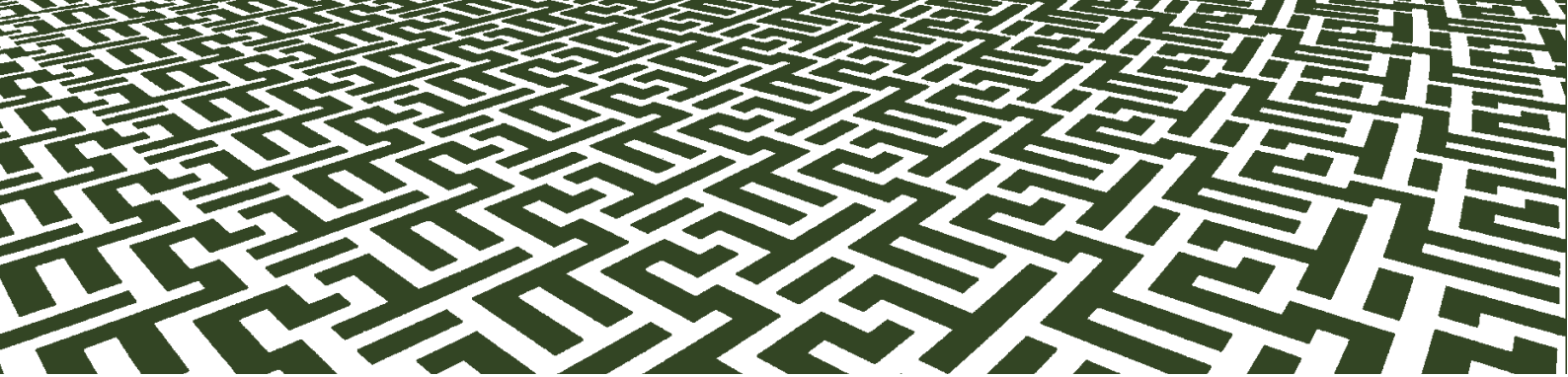
Редакционная коллегия

В.С. Автономов	В.И. Маевский
О.И. Ананьин	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
А.Е. Варшавский	В.С. Мартьянов
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	В.Ю. Музычук
Г.Д. Гловели	Р.М. Нуреев
Р.С. Гринберг	Н.М. Плискевич
В.Е. Дементьев	Л.И. Полищук
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	В.М. Полтерович
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	Б.А. Хейфец
А.М. Либман	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **From theory to economic policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº1
2020

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 1/2020

Chief Editor
P.A. Orekhovsky

Editorial board

V.S. Avtonomov	V.I. Mayevskiy
O.I. Anan'in	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
A.E. Varshavskiy	V.S. Martyanov
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	V.U. Muzychuk
G.D. Gloveli	R.M. Nureyev
R.S. Grinberg	N.M. Pliskevich
V.E. Dementiev	L.I. Polishchuk
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	V.M. Polterovich
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	B.A. Kheyfets
A.M. Libman	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Д.Ш. Гогохия	
От теории денег к теории и практике банковского дела	7
А.И. Волынский	
Панинституционализм и институциональная теория реформ	21

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.М. Ефимов	
Три видения социальных порядков, сложившихся на Западе и в России (ответ С.Г. Кирдиной-Чэндлер)	31

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.В. Верников	
Патернализм государства и гарантирование банковских вкладов.....	46
А.И. Яковлев	
Первый среди равных (Fedcoin как форма CBDC)	61

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Э.Н. Соболев	
Человеческий капитал: взгляд со стороны экономической теории К. Маркса	70
Г.Д. Гловели	
Дилеммы политэкономии мануфактурного периода	77

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Лукьянова	
Политические режимы, коррупция и конституционализм	92
А.В. Одинцова	
Общественный локальный интерес как фактор современного пространственного развития	106

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Мамаев	
Дискуссия о муниципальных налогах в начале XX в.: возможная, но не реализованная финансовая реформа в имперской России	119

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский	
Топосы отечественного институционализма и структурной динамики (О творчестве профессора О.С. Сухарева)	136

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

D. Gogohia From the Theory of Money to the Theory and Practice of Banking	7
A. Volynskii Pan-Institutionalism and Economic Reforms	21

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

V. Yefimov Three Visions of Social Orders in the West and in Russia (The Answer to S.G. Kirdina-Chandler)	31
--	----

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

A. Vernikov State Paternalism and Deposit Guarantee	46
A. Yakovlev First Among Equals (Fedcoin As a Form of CBDC)	61

HISTORY OF THOUGHT

E. Sobolev Human Capital: a View from the Side of Economic Theory K. Marx	70
G. Gloveli Dilemmas of Political Economy of Manufacturing Period	77

INTERDISCIPLINARY STUDIES

E. Lukyanova Political Regimes, Corruption and Constitutionalism	92
A. Odintsova General Local Interest As a Factor of Modern Spatial Development	106

ECONOMIC HISTORY

A. Mamaev The Discussion about Municipal Taxes in the Early XX Century: Possible but not Realized Financial Reform in Imperial Russia	119
--	-----

SURVEYS & REVIEWS

P. Orekhovsky Topos of Domestic Institutionalism and Structural Dynamics (About the Works of Professor O.S. Sukharev)	136
--	-----

Д.Ш. Гогохия

д.э.н., в.н.с., Институт экономики РАН, Москва

ОТ ТЕОРИИ ДЕНЕГ К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ БАНКОВСКОГО ДЕЛА

Аннотация. Статья посвящена анализу устройства и возможностей центрально-банковской системы с частичным резервированием депозитов в контексте теории и истории денег. Рассмотрены основания, позволяющие четко разграничивать спрос на деньги как на средство накопления и спрос на деньги как средство платежа за производственные ресурсы и другие капитальные активы. Показано, что теория предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса, как она сформулирована в 17-й главе «Общей теории занятости, процента и денег», и теория экономического развития Й.Шумпетера, дают основные ориентиры для поиска таких оснований и, соответственно, выявления потенциальных возможностей Центрального банка обеспечивать посредством дифференцированной процентной политики безусловную сохранность стоимости денежных активов, без ущерба для производства и занятости.

Ключевые слова: *спрос на деньги, предложение денег, банковские депозиты, Центральный банк, ликвидность, издержки содержания.*

JEL: F02, F34, F43.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10101

Настоящая статья примыкает содержательно к статье «Деньги как ликвидный актив: теория и история», опубликованной в журнале «Вопросы теоретической экономики» (№2 за 2019 г.). Вместе с тем переход от теории денег к теории и практике банковского дела сопряжен с особыми трудностями благодаря глубоко укоренившемуся поверхностному взгляду на деньги как на средство обращения. Не будет лишним поэтому наметить основные вехи такого перехода, указав на основания, позволяющие по-новому взглянуть на происхождение (назначение) денег.

О чем умалчивает экономическая наука

Далеко не нова мысль о том, что культурное и институциональное разнообразие форм человеческой жизни не исключает исторически устойчивых человеческих предпочтений, которые «...не изменяются сколько-нибудь существенно с ходом времени и не слишком разнятся у богатых и бедных или даже среди людей, принадлежащих к разным обществам и культурам» [Беккер, 2003. С. 31]. Но исследования в этом направлении не обязательно ограничивать рамками естественных, сформировавшихся в ходе биологической эволюции потребностей или стремлений людей на том основании, что они устойчивы. Такой подход к человеческим предпочтениям неоправданно узок. Человек может иметь предпочтения, цели, желания, которые возникают вне его собственной биологической природы, причем, и это главное, некоторые из них, подобно биологически заданным потребностям или стремлениям, исторически устойчивы, неподвластны никаким социальным условиям и институтам.

Человек отделен от других живых существ непроницаемой стеной, воздвигнутой в тот момент, когда ему и только ему было дано осознать конечность своего земного суще-

ствования. Этим определяется своеобразие человеческих устремлений, особая мотивация даже у тех людей, которые верят в свое бессмертие (жизнь после смерти). Ведь по сравнению с земной жизнью жизнь после смерти – это какая-то другая, совершенно непонятная жизнь¹. Вот почему люди, независимо от своих верований, привязываются к земной жизни, страшатся смерти и вместе с тем, зная, что этого избежать невозможно, желают оставить на земле плоды своей деятельности.

Человек испытывает чувство глубокого удовлетворения, когда ему удастся создать что-либо долговечное. Все его существо наполняется радостью недаром прожитой жизни. Но давно замечено, что сходное чувство возникает и по отношению к деньгам, когда они приобретены напряженным трудом и бережливостью. «Как поэты любят свои творения, а отцы – своих детей, так и разбогатевшие люди заботливо относятся к деньгам – не только в меру потребностей, а так, словно это их произведение» [Платон, 1999. С. 38].

Углубленный анализ побудительных мотивов человеческой деятельности позволяет по-новому взглянуть на происхождение денег. Ведь получается, что деньги могут быть выведены из изначальной и непреходящей (естественной) потребности людей сохранять и накапливать плоды своей деятельности, с одной стороны, и из неустранимых (естественных) различий между хозяйственными благами с точки зрения их пригодности для этой цели, с другой. Исторически деньги – один из обмениваемых предметов, который, однако, пользуется спросом, прежде всего, потому, что в наибольшей степени пригоден к накоплению. На вырученные от продажи товара деньги можно приобрести любой другой товар. Но отсюда еще не следует, что появление денег связано с трудностями или издержками безденежного обмена. Если товар есть продукт специализированного производства, то с точки зрения элементарной логики первым товаром может быть только такой товар, который пользуется гарантированно устойчивым спросом. Данный товар должен удовлетворять особую и вместе с тем всеобщую потребность, а именно – потребность сохранять и накапливать плоды хозяйственной деятельности, что и делает его деньгами [Гогохия, 2019].

Хотя история свидетельствует о разнообразии вещей, которые использовались людьми в качестве денег, далеко не случайно общепринятыми деньгами стали, в конечном счете, деньги, изготавливаемые из благородных металлов, то есть деньги в наибольшей степени пригодные к накоплению. Правда, это не помешало экономистам, начиная с классиков, утверждать, что полезность денег основана исключительно на их меновой стоимости, т.е. полезности тех благ, которые на них можно купить. Хотя никто из экономистов не отрицал и не отрицает, что деньги, изготавливаемые из драгметаллов, имеют внутреннюю стоимость, мало кто признавал, что эта внутренняя стоимость сама по себе способна исполнять роль меры и регулятора стоимости товаров, ибо ее величина сама нуждается в выяснении. Проблема, однако, снимается, если есть основания рассматривать стоимость денег как нечто данное и неизменное или во всяком случае как нечто по своей природе более устойчивое, чем стоимость товаров. Поиску таких оснований препятствует традиционный взгляд на деньги как на средство обращения. Но он же препятствует, как будет показано, выработке надежных мер по искоренению инфляции без ущерба для производства и занятости с учетом устройства и возможностей современной денежно-кредитной системы.

¹ Как отмечал В.Соловьев, для человека, способного к самостоятельному критическому мышлению, существование воспринимаемого мира и его самого есть тайна, которая никогда не будет разгадана. Никакая наука не в состоянии дать разумное объяснение загадке существования, ибо нет логического моста от небытия к бытию. Но если это так, нет логического моста и от бытия к небытию. Вера человека в свое бессмертие (жизнь после смерти) не может быть отброшена, как нечто иллюзорное, не выдерживающее проверки разумом. Вместе с тем успех атеистической пропаганды основывается, в частности, как раз на предполагаемом сходстве небесной жизни с земной. Одним из излюбленных приемов атеистической пропаганды французских просветителей, например, было указание на то, что человеку много легче представить адские муки, чем вечное блаженство, ибо все приятное, в отличие от мук, очень скоро приедается и не вызывает столь острых ощущений.

Несмотря на усилия экономистов-классиков, взгляды меркантилистов, которые видели в деньгах предпочтительную для накопления форму богатства, вряд ли можно считать полностью изжитыми. Правда, сегодня очень легко показать, что позиция меркантилистов по вопросам внешней торговли, активного торгового баланса как источника денежных накоплений была ошибочной. Ведь выпуск, к примеру, одной 100 долларовой банкноты обходится всего в несколько центов, тогда как желающим приобрести эти 100 долл. приходится продавать за доллары те или иные товары, издержки производства которых, намного выше. Но во всяком случае они (издержки) в долларовом исчислении не выше 100 долл. А чем они ниже, тем очевиднее выгода такого обмена для тех, кто поставляет за доллары товары. Данное положение не может быть оспорено при том условии, что стоимость денег отличается от стоимости товаров большей устойчивостью. Разумеется, стоимость доллара или, скажем, нынешнего рубля, может колебаться несравненно сильнее, чем стоимость золотых монет. Но, если мы хотим придать деньгам большую устойчивость, нужно, прежде всего, отказаться от понятия денег как средство обращения, поскольку оно совершенно бесполезно и даже вредно для понимания устройства и возможностей современной денежно-кредитной системы.

В прошлом (вплоть до XIX в.) отношение к деньгам и денежным накоплениям было совершенно иным не только потому, что деньги изготавливались из благородных металлов. Оно объединяло меркантилистов с государственными и деловыми людьми, поскольку никто не сомневался в преимуществах для страны положительного (активного) торгового баланса и серьезной опасности пассивного баланса, особенно если последний приводит к утечке денег за границу. Однако с конца XVIII в. выявилась разительная разница во взглядах. Если государственные деятели и люди практики остались верны старой меркантилистской доктрине, то практически все экономисты-теоретики стали считать эти опасения не обоснованными, ибо, как они доказывали, механизм внешней торговли способен к саморегулированию и, следовательно, попытки вмешательства в его действие ведут лишь к утрате тех выгод, которые связаны с международным разделением труда. Сегодня, однако, дело выглядит несколько сложнее. В частности, как показал Дж.М. Кейнс, никакая внешняя торговля не отменяет зависимости производства и занятости от инвестиций. Внешняя торговля лишь делит инвестиции на внутренние и внешние. При этом, в прошлом внешние инвестиции в накопление благородных металлов (денег) имели принципиальное значение для стран, лишенных возможности поставлять эти металлы (деньги) на мировой рынок. Дело в том, что «...забота государственной власти о поддержании активного торгового баланса служила сразу двум целям и была к тому же единственным доступным средством их достижения. В те времена, когда государственная власть не оказывала прямого воздействия на норму процента внутри страны и другие побуждения к внутренним инвестициям, меры, принимавшиеся в целях увеличения активного сальдо торгового баланса, были единственным *прямым* средством в распоряжении государства для увеличения заграничных инвестиций. В то же время влияние активного торгового баланса на приток драгоценных металлов было единственным *косвенным* средством понижения нормы процента и, следовательно, усиления побуждения к внутренним инвестициям» [Кейнс, 1993. С. 247].

В современном обществе вопрос об уровне процента по денежным долгам стоит не столь остро, поскольку практика частичного резервирования банковских депозитов позволяет коммерческим банкам расширять масштабы денежного кредитования, используя в качестве залога или обеспечения менее ликвидные активы. Вместе с тем достаточно очевидно, что такая практика ставит под сомнение традиционную трактовку денег. Ведь деньги как средство платежа за товары и одновременно средство платежа по долгам никак не уместаются в понятие «средство обращения», когда масштабы кредитования не ограничиваются ранее накопленными суммами денег, как это имеет место при частичном резервировании банковских депозитов.

Правда, в экономической литературе практика частичного резервирования банковских депозитов оценивается неоднозначно. Достаточно указать на экономистов австрийской школы, которые относятся к ней крайне негативно, хотя родоначальник этой школы К. Менгер внес существенный вклад в теорию денег, показав, что по происхождению своему деньги являются спонтанно возникающим неформальным институтом [Менгер, 2005]. Поскольку то же самое можно сказать о банковских депозитах и практике их резервирования, было бы неверно полагать, что создаваемые банками деньги не отвечают их происхождению (назначению). В частности, электронные записи на банковских счетах, как это можно вывести из учения К. Менгера, станут восприниматься как деньги в силу самого процесса расширения групп людей, вовлеченных в товарно-денежные обмены с помощью этих счетов. Вместе с тем отсюда еще не следует, что любое государственное регулирование для такого социального института как деньги излишне или противопоказано. Современные деньги исторически и логически представляют собой сочетание неформальных и формальных институтов. Чтобы разобраться в их структуре и путях совершенствования следует, прежде всего, поставить вопрос: почему денежно-кредитная система развивается во всех странах как центрально-банковская система с частичным резервированием депозитов.

Такая постановка вопроса может иметь далеко идущие последствия. Ведь изучение центрально-банковской системы с частичным резервированием депозитов как закономерной ступени в развитии общественного производства означает расширение предметного поля фундаментальной экономической теории. Сказать об этом тем более необходимо, что вопрос о таком расширении давно назрел [См., Ананьин и др., 2008. Гл. 1].

Центрально-банковская система с частичным резервированием депозитов

Устройство современной денежно-кредитной системы вызывает немало вопросов, особенно в периоды финансовых кризисов. Теория предпочтения ликвидности Дж.М.Кейнса и теория экономического развития Й.Шумпетера дают надежные ориентиры, позволяющие прояснить ключевые аспекты этой важной темы.

Как отмечалось [Гогохия, 2019], теория предпочтения ликвидности Дж.М.Кейнса покоится на том факте, что во всяком человеческом обществе деньги ценятся как *форма богатства, накопление которой снижает беспокойство относительно неопределенного будущего*. Сам Кейнс (в отличие от современных авторов) указывал в этой связи не только на ликвидность денег, т.е. возможность использования их для достижения различных (неопределенных заранее) целей, но также на минимальные издержки содержания (хранения). Ведь вместо денег можно было бы отчасти накапливать товары, увеличивая разнообразие и величину их запасов. Но, как справедливо подчеркивает Кейнс (в 17 главе «Общей теории занятости, процента и денег»), деньги – это такая форма богатства, накопление которой и, соответственно, растущий спрос не встречают противодействие со стороны растущих издержек содержания. Хотя, как считал Кейнс, все блага длительного пользования также отличаются той или иной степенью ликвидности и издержками содержания, расходование денег на капитальные активы (по определению менее ликвидных, чем деньги) чревато риском убытков. Отсюда следует, что норма процента не отделима от денег как ликвидного актива, ибо процент – это не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью, за преодоление страха перед риском возможных убытков, когда деньги, так или иначе, инвестируются или отдаются в долг другому лицу.

Вместе с тем, по Кейнсу, без кредита невозможно обойтись как раз потому, что в капиталистическом обществе покупка и продажа за деньги распространяется на капи-

тальные активы. Ведь спрос на деньги в этом случае в значительной части порождается планами на будущее. Но если значительная часть спроса на деньги порождается планами на будущее, причем в разных местах, в разное время и у разных людей, и все это не совпадает с распределением наличного денежного запаса, то равновесие на денежном рынке предполагает возможность заимствовать деньги и, в этой связи, достаточно развитую денежно-кредитную систему. Обычно, в данной связи, отмечается особая роль государственных долговых обязательств в становлении внутренне единой денежно-кредитной системы, обеспечивающей стабильность национальной валюты [Фергюсон, 2010; Марчелло де Чеко, 2004]. Но дело здесь не только в том, что часть спроса на деньги как на средство накопления переключается на долговые обязательства, высвобождая свободные денежные средства для производительного использования. Дело в том, что процент по долговым обязательствам, которые являются более надежными, чем частные облигации, приобретает особое значение. Он не может не влиять и одновременно не реагировать на процессы ценообразования на всех рынках.

Кейнс совершенно правильно указывал, что любое хозяйственное благо длительного пользования воспринимается и оценивается людьми не только с точки зрения его непосредственного назначения (предмет потребления и/или средство производства), но также как актив, характеризующийся той или иной степенью ликвидности и издержками содержания. Общие поступления или доходность, ожидаемая от собственности на любое хозяйственное благо в течение некоторого периода, равна $(q+L-c)$, где q – специфическая услуга, польза или доход, присущий данному благу как средству производства или предмету потребления, L – премия за ликвидность, c – издержки содержания [Кейнс, 1993. С. 175]. Нетрудно заметить, однако, что поскольку поведение цен зависит от ожидаемой доходности капитальных благ, универсальная формула доходности $(q+L-c)$ должна проливать свет на процессы ценообразования, в том числе, что особенно важно, при заключении срочных (фьючерсных) контрактов. Кейнс с этим не спорит, напротив, развивает эту мысль, но особо подчеркивает, что формула $(q+L-c)$ может быть использована для исчисления норм доходности, независимо от того, измеряется эта доходность в деньгах или товарах. Вместе с тем поскольку деньги ценятся из-за высокого (L), норма процента на деньги, измеренная в них самих, не может принимать отрицательное или нулевое значение². Поэтому есть смысл и, по меньшей мере, формальные основания исчислять и сравнивать другие нормы процента, отправляясь от нормы процента на деньги. Так, например, если норма процента на деньги составляет, допустим, 5%, а денежная цена, скажем, пшеницы, установленная при заключении срочной сделки (с доставкой товара через год), на 4% превышает ее текущую денежную цену, сегодняшняя единица пшеницы обменивается на 105/104 единицы пшеницы, которые должны быть доставлены покупателю через год. Иначе говоря, ставка процента на пшеницу составит примерно 1% в единицах пшеницы. Понятно, если бы норма процента на деньги составляла не 5, а 3%, и при такой ставке цена пшеницы по срочной сделке отличалась от текущей не на 4, а на 6%, ставка процента на пшеницу составила бы примерно минус 2% [Кейнс, 1993. гл. 17; Хикс, 2003. Гл. 11]. При любом заданном уровне нормы процента на деньги средневзвешенная величина товарных ставок процента, т.е. ставок процента на различные товары, выраженные в единицах этих же товаров, составит либо положительную, либо отрицательную, либо нулевую величину. Нулевая средневзвешенная ставка процента означает, что в совокупности товары оцениваются рынком не выше и не ниже, чем деньги, что, проливает свет на механизм

² Хотя, как предполагается, деньги, в отличие от товаров, не приносят дохода в форме (q), издержки содержания (c) для денег также практически равняются нулю.

установления устойчивых товарных цен и, соответственно, меновой стоимости денежной единицы в любой момент времени³.

Дж.М. Кейнс, однако, не проявил должного интереса к равновесным свойствам нулевой средневзвешенной ставки процента. Сопоставление товарных и денежных ставок процента нужно было Кейнсу, чтобы разъяснить, почему объем выпуска продукции и занятость связаны с деньгами и нормой процента на деньги более тесно, чем с нормой процента на пшеницу или на капитальное оборудование, или на дома и т.д.

По мнению Кейнса, относительная редкость товаров длительного пользования находит непосредственное выражение именно в различных нормах процента, причем для фиксации этих различий пригоден любой стандарт стоимости. Вместе с тем, поскольку хозяйственные блага существенно различаются по степени ликвидности и издержкам содержания, привлекательность для накопления актива с наивысшим ($L-c$) может воспрепятствовать достаточно масштабным частным инвестициям в другие активы, угнетая тем самым производство и занятость, в частности потому, что эластичность производства денег для частного сектора практически равняется нулю [Кейнс, 1993. Гл. 17]. В посткейнсианской литературе этот последний вывод поставлен под сомнение, поскольку в последние десятилетия стало более или менее очевидно, что в периоды экономических подъемов контроль за денежной массой ускользает от денежных властей, чему, впрочем, не стоит удивляться, учитывая всегдашнюю заинтересованность коммерческих банков и теневых банковских структур «размывать» нормы резервирования депозитов, устанавливаемые Центральным банком.

Основная характеристика банковской деятельности, как известно, заключается в том, что этот институт гарантирует (обещает) беспрепятственный доступ к деньгам тем, в чей собственности они находятся, даже если большая часть этих денег инвестирована в активы, которые нельзя оперативно перевести в звонкую монету. Все дело в том, однако, что, обещая беспрепятственный доступ к деньгам для широких слоев бизнеса и публики, коммерческий банк, несмотря на свою «финансовую хрупкость», является доминирующим институтом среди всех других финансовых институтов, призванных аккумулировать деньги как форму богатства, снижающую беспокойство относительно неопределенного будущего. Никакое развитие производства и финансовых рынков не способно отменить эту роль коммерческого банка, в частности потому, что капиталистически организованное производство отчасти само порождает или усиливает то, что беспокоит людей, когда они пытаются строить планы на будущее. Как метко заметил Дж.Хикс, экономика, использующая в больших масштабах капитальные блага длительного пользования, не могла бы возникнуть, если бы не нашла в более или менее готовом виде то, что мы называем банковским (денежным) кредитом [Хикс, 2003. Гл. 9]. Об этом, кстати сказать, свидетельствует, сам того не ведая, и А.Смит, описывая хитроумные «вексельные уловки» предпринимателей (которых он называет «прожектерами»), пролонгирующих краткосрочные банковские ссуды для финансирования долгосрочных инвестиционных проектов [Смит, 2007. Кн. 2. Гл. 2].

Неодобрительно высказываясь об уловках «прожектеров», А.Смит, в частности, исходил из того, что, в отличие от оборотного капитала, который непрерывно возвращается к владельцу для повторного вложения, основной капитал характеризуется невозвратностью, долгосрочной закрепленностью в одной и той же форме. Но отсюда можно

³ При формировании уровня равновесной нормы процента на деньги важное значение имеет степень разрыва между фактической ценой товара в будущем и той предполагаемой (прогнозируемой) ценой, которая формируется на фьючерсных рынках. Если бы ценовые ожидания были бы абсолютно определены (полностью оправдывались), что означало бы полное отсутствие риска возможных убытков, норма процента на деньги, как и средневзвешенная ставка процента, могла быть сколь угодно близкой к нулю. (См., подробно [Хикс, 2003, гл. 12]). Должно быть ясно, однако, что поскольку люди не обладают полнотой знаний о будущем, положительная норма процента на деньги, обеспечивающая нулевую средневзвешенную ставку процента по товарным активам, играет, во всяком случае должна играть, исключительно важную роль.

вывести как то, что банки должны ограничиться финансированием оборотного капитала (хотя, согласно логике рассуждений А.Смита, в этом нет особой нужды), так и то, что люди в этом полном неопределенности мире будут «омертвлять» немалый основной капитал только при определенных гарантиях свободного доступа к ликвидному капиталу, на что указывал Дж.Хикс. Вместе с тем, поскольку спрос на более ликвидный капитал возрастает с повышением ставки банковского процента, при повышении ставки возникают трудности с финансированием долгосрочных инвестиционных проектов, что, очевидно, чревато тем большими негативными последствиями для рыночной экономики, чем больше таких проектов уже запущено. Не удивительно, что в посткейнсианской литературе широко представлено мнение, согласно которому главная причина финансово-экономических кризисов состоит в дороговизне или недостаточной гибкости предложения денег. При этом часто высказывается мысль о том, что кредитная природа современных (банковских) денег имеет мало общего с прежними взглядами на деньги, согласно которым необходимое количество денег определяется их функцией как средства обращения.

Во всяком обществе деньги приобретаются как в обмен на товары, так и в обмен на долговые обязательства, т.е. в кредит. Но когда масштабы кредитования не ограничиваются ранее накопленными суммами денег, как это имеет место при частичном резервировании банковских депозитов, кредит выступает как особый и самостоятельный источник предложения денег. Согласно некоторым «сильным» версиям кредитно-ориентированных концепций денег, назначение центрально-банковской системы с частичным резервированием депозитов состоит как раз в том, чтобы сделать предложение денег полностью эндогенным, т.е. определяемым в рамках самой экономической системы спросом на деньги со стороны фирм и домашних хозяйств [Вымятина, 2014; Трунин и др., 2015]. Тот факт, что деньги приобретаются в обмен на долговые обязательства, не делает предложение денег менее гибким при том условии, что ставка процента по банковским кредитам остается достаточно низкой и устойчивой во времени, что опять же вполне согласуется с устройством и возможностями современной денежно-кредитной системы. Нельзя не отметить в этой связи, что в периоды финансовых кризисов Центральные банки склонны наращивать банковские резервы, щедро кредитуя по чрезвычайно низким процентным ставкам крупные коммерческие банки. Правда, коммерческие банки обычно не спешат распространять льготное кредитование на своих заемщиков, ограничивая тем самым предложение денег. Это сказывается, конечно, на положении людей, привыкших пользоваться дешевым кредитом при покупке товаров. Данное обстоятельство приобретает существенное значение для экономики в целом, когда речь идет о таких товарах, как производственные ресурсы.

Заметное место в аргументации в пользу кредитной природы денег принадлежит Й.Шумпетеру. Из его «Теории экономического развития» [Шумпетер, 1982] следует, что основной причиной создания денег банками является спрос на них со стороны предпринимателей новаторов. Шумпетер прав, конечно, подчеркивая, что в рыночной экономике (в условиях господства частной собственности) новое, более производительное применение производственных ресурсов осуществимо лишь через сдвиги в покупательной силе хозяйственных субъектов. Вместе с тем в модернизации рыночной экономики участвуют, как отмечает сам Шумпетер, не только предприниматели-новаторы, но также их последователи и конкуренты, перенимающие удачные инновации, т.е. такие инновации, которые способны более или менее заметно снижать совокупные затраты в расчете на единицу полезного эффекта, будь то в отраслях обрабатывающей или добывающей промышленности, транспорта, торговли или сельского хозяйства. По-видимому, именно массовый спрос на деньги, связанный с внедрением таких инноваций, порождает практику частичного резервирования банковских депозитов, во всяком случае тогда, когда она заметно расширяется и становится общераспространенной.

Далеко нелишним будет заметить также, что банковский (денежный) кредит эффективен как средство размещения производственных ресурсов в той мере, в какой владельцы производственных ресурсов воспринимают и используют деньги не только как средство приобретения товаров. Шумпетер затратил немало усилий, пытаясь доказать, что денежная форма капитала имеет самостоятельное значение, что запас денег как фонд покупательной силы не сводим к запасам каких бы то ни было товаров [Шумпетер, 1982. Гл. 3]. Но достаточно строгое обоснование данного положения возможно только на основе признания чистого денежного дохода (как источника денежных накоплений) в качестве *универсального стимула для всех хозяйствующих субъектов*. Иначе говоря, в ходе товарно-денежных обменов каждый хозяйствующий субъект должен стремиться (посредством планируемых продаж и покупок) получать чистый денежный доход. Только в этом случае предприниматели смогут получать в свое распоряжение достаточные для их целей объемы ресурсов, принадлежащих другим⁴.

Специфика предпринимательской прибыли не отменяет того факта, что любая прибыль есть форма чистого денежного дохода, который образуется во всяком хозяйстве по той простой причине, что люди желают сберечь и накапливать плоды своей деятельности в денежной форме и готовы платить за это товарами, расширяя по мере возможности их предложение. Игнорирование данного обстоятельства ведет к ложному представлению о том, что объем выставляемого на продажу труда при капиталистической организации производства определяется исключительно уровнем ожидаемого (планируемого) потребления, в то время как спрос на труд – ожидаемой прибылью. Между тем существуют достаточно веские основания, позволяющие утверждать, что чем выше уровень развития товарно-капиталистического производства, тем больше людей способны выступать на рынке рабочей силы, как в качестве продавцов, так и покупателей.

Численность трудоспособного населения, без предварительного деления на покупателей и продавцов рабочей силы – несравненно более уместная предпосылка анализа взаимосвязи цен и доходов в товарно-капиталистическом производстве, чем заданный объем факторов производства⁵.

Многие люди, трезво оценивающие свои возможности, наклонности и способности, ни при каких условиях не пожелают, по-видимому, взваливать на себя бремя ответственности и риска, связанного с организацией производства на началах свободного (наемного) труда. Но чем многочисленнее трудоспособное население, тем больше оснований считать, что предпринимательские и любые другие способности, чувство ответственности, восприятие и отношение к риску и т.д. распределены между людьми в виде *непрерывной градации отклонений* от какого-то среднего уровня. При данной предпосылке анализа всякое увеличение дохода в форме заработной платы должно иметь результатом увеличение числа продавцов рабочей силы за счет покупателей и наоборот; сокращение заработной платы будет стимулировать переход части продавцов рабочей силы в лагерь покупателей. И только после того, как количество покупателей, продавцов, уровень заработной платы и прибыли

⁴ Можно повысить цену требуемого товара (скажем, трудовых услуг), но это не приведет к расширению его предложения, если товары выносятся на рынок только ради приобретения других товаров. Более того, повышение цены позволяет за меньшее, чем прежде количество продаваемого товара получать прежний доход, т. е. доход, вполне достаточный для удовлетворения привычных потребностей. Как отмечает М. Вебер, до промышленной революции подобная реакция на повышение цены была вполне естественной, поскольку она обуславливалась «определенным стилем жизни, тем более устойчивым, что он обычно выступал в этическом обличе» [Вебер, 2002. С. 40].

⁵ Неоклассическую теорию вознаграждения (оплаты) труда и капитала на основе их предельной производительности нельзя рассматривать как теорию заработной платы и прибыли, поскольку она не учитывает взаимосвязь между уровнем вознаграждения и предложением факторов. Те основания, которые обычно приводятся в целях обоснования экзогенного (фиксированного) количества всех производственных факторов в качестве предпосылки анализа процессов распределения, не выдерживают, как показал А. Маршалл, критики [Маршалл, 1984. Книга 6].

приобретут некоторую устойчивость, можно ожидать равновесия на других взаимосвязанных товарных рынках⁶.

В современных обществах достаточно большие группы людей не привязаны ни к лагерю покупателей, ни к лагерю продавцов рабочей силы. И если снижение уровня дохода в форме заработной платы, как мы утверждаем, стимулирует переход в лагерь покупателей рабочей силы, должно наблюдаться расширение этой группы в периоды финансово-экономических кризисов. Именно это происходит и фиксируется статистикой. Экономическая социология давно интересуется этим явлением. Существует, в частности, целая литература, объясняющая возникновение новой высокой волны предпринимательства в кризисные 1970-е годы активизацией процессов расслоения членов общества на покупателей и продавцов рабочей силы в связи с ожидаемыми доходами [См. Радаев, 2005. С. 218–222].

Получается, таким образом, что процесс деления дохода на заработную плату и прибыль находится в органической связи с процессом расслоения членов общества на продавцов и покупателей рабочей силы. Чем больше членов общества способны реагировать на падение уровня заработной платы переходом из лагеря продавцов в лагерь покупателей рабочей силы, тем больше оснований считать, что деление дохода на заработную плату и прибыль подчиняется определенным экономическим законам, регулирующим спрос и предложение на рынке рабочей силы. Вместе с тем отсюда вовсе не следует, что чем чаще меняются цены на рынке рабочей силы по сравнению с товарными ценами, или наоборот, тем эффективнее действует этот механизм. На самом деле не столь заметное, но постоянное действие этого механизма, основанного на различиях в прирожденных и приобретенных способностях людей, предполагает устойчивость цен, и прежде всего такой цены, как ставка процента по кредитам. Ведь чтобы располагать определенной суммой денег для покупки рабочей силы не обязательно предварительно ее накопить, если ее можно одолжить. Но процент по кредитам должен быть не только устойчив, но и достаточно низок, чтобы иметь практическое значение, т.е. заметно влиять на выбор людей. Считается, что дешевый кредит подрывает устойчивость стоимости денег. Однако это не совсем так. Устойчивость стоимости денег обеспечивается в первую очередь тем фактом, что деньги не только расходуются, но и сберегаются, причем стимулы к сбережению, как показал Дж.М.Кейнс на обширном историческом материале, практически не зависят от поведения процента по кредитам [Кейнс, 1993. Гл. 23].

Спрос на деньги

В современном обществе накопленный запас денег включает не только те формы денег (наличные и банковские вклады до востребования), которые используются для покупки товаров и других расчетов, но также деньги на сберегательных и срочных банковских депозитах (денежный агрегат М2) и, кроме того, денежные суммы, вложенные в надежные государственные ценные бумаги (денежный агрегат М3). Разумеется, денежные сбережения могут частично или полностью расходоваться теми, кто берет деньги в займы. Вместе с тем само существование банковских депозитов означает, что если бы их не было, вложенные в них деньги оставались бы по большей части не израсходованными. Ведь деньги, находящиеся на банковских счетах, передаются банкам на хранение. Другой вопрос, что делают с ними банкиры, и почему развитие банковского бизнеса привело

⁶ Одним из существенных недостатков модели общего рыночного равновесия Л.Вальраса является игнорирование того факта, что на некоторых взаимосвязанных рынках (ценных бумаг, рабочей силы) нет и не может быть жесткого деления людей на покупателей и продавцов.

к практике частичного резервирования депозитов, что позволило банкам не требовать, как прежде, некоторой платы за хранение денег, а, напротив, выплачивать процент. Это другой вопрос, поскольку следует четко различать спрос на деньги как средство накопления и спрос на деньги как средство платежа за товары, который предъявляется заемщиками. Неслучайно, спрос на деньги как средство накопления занимает центральное место в системе Дж.М. Кейнса.

Несколько уточняя позицию Кейнса, можно сказать, что для современной экономики первостепенное значение имеют два факта. Во-первых, стимулы к накоплению денег всегда и везде сильны в своем постоянстве, и современная экономика в этом отношении не является исключением. Разумеется, денежные сбережения зависят от величины доходов. Но, какую бы долю из доходов не сберегали различные слои населения, общие сбережения могут достигать весьма значительной величины просто благодаря времени, в течение которого часть доходов сберегается. Данное обстоятельство приобретает немаловажное значение, учитывая то, что, при прочих равных условиях, стимулы к накоплению физических активов, покупаемых за деньги, тем слабее, чем они специфичнее по своему назначению, и чем выше характерные для них издержки содержания. Ведь чем ниже оценивается (L) и выше (с), тем накладнее (убыточнее) и хранить физические активы, и продать за деньги (наименее специфичный актив) в случае неблагоприятного изменения рыночной конъюнктуры. Как отмечал Кейнс, в некоторых ситуациях хозяйствующие субъекты какое-то время продолжают использовать физические активы, несмотря на то, что они приносят убытки, ибо чистые убытки от простого хранения, не принося никакого дохода, выше, чем убытки использования. Вместе с тем Кейнс не обходит вниманием тот факт, что помимо физических активов и денег существуют финансовые активы, а среди них ценные бумаги, приносящие положительный процентный доход на свою номинальную денежную стоимость. В этой связи, естественно, возникает вопрос: имеются ли достаточные основания для хранения (накопления) денег сверх преходящего запаса, диктуемого транзакционным мотивом, когда на рынке предлагаются такие ценные бумаги?

Кейнс отвечает на этот вопрос положительно, ибо всякий, кто приобретает ценную бумагу, должен принимать во внимание, что он может пожелать или быть вынужденным использовать свои средства до наступления срока погашения ценной бумаги. Если бы это случилось, потребовалось бы продать ценную бумагу на открытом рынке. Но если в период между первоначальным вложением средств в приобретение ценной бумаги и датой ее продажи рыночная ставка процента по ценным бумагам возросла, держатель ценной бумаги рискует не найти покупателя, который даст ему хотя бы первоначальную цену, не говоря уже о цене выше той, по которой ценная бумага была приобретена. Отсюда важная роль ожиданий по поводу изменений ставок процента в будущем (ожиданий, влияющих на формирование текущих ставок процента) и в этой связи мотива предосторожности и особенно спекулятивного мотива в формировании спроса на деньги. Но можно ли считать, что вся величина процента сводится к факторам риска, т.е. к риску, связанному с возможностью неуплаты долга, и риску, связанному с возможностью потери части стоимости из-за неопределенности будущих процентных ставок?

Хикс, Баумоль, Тобин и другие экономисты пытались развить в этом направлении теорию спроса на деньги и в известном отношении с ними трудно не согласиться. Допустим, существует настолько краткосрочная ценная бумага и настолько надежная (выпущенная, например, Центральным банком), что оба вида риска составляют практически неразличимую величину. Можно ли считать, что процент по такой бумаге во всех случаях также будет практически равняться нулю? По-видимому, нет.

Если бы люди могли без всяких хлопот и издержек приобретать надежные ценные бумаги и столь же легко превращать их обратно в деньги, они пожелали бы обращать все свои деньги в ценные бумаги, пока существует хоть какой-то процентный доход. Но труд-

ности и издержки, связанные с совершением *отдельных* сделок, имеют для них значение⁷; они и объясняют, почему неопределенность будущих процентных ставок не в состоянии «поглотить» всю величину процента, особенно, когда речь идет о норме процента по достаточно надежным активам.

Вместе с тем, если решения, принимаемые людьми по поводу приобретения, держания и продажи надежных ценных бумаг практически не сопряжены ни с каким видом риска, а ограничиваются только издержками транзакций, почему люди в целях снижения издержек не расплачиваются за товары наряду с деньгами ценными бумагами? Очень просто закрыть этот вопрос, указав, что даже самые надежные ценные бумаги, в отличие от денег (средства обращения), не являются обще принимаемым средством платежа. Если бы это было не так, люди, конечно же, расплачивались за товары наряду с деньгами ценными бумагами, сокращая, тем самым, издержки транзакций [Хикс, 1993. Гл. 13]. Подобные суждения, однако, покоятся на шатком фундаменте, поскольку для того чтобы деньги принимались всеми хозяйствующими субъектами в качестве платы за товары, им вовсе не обязательно быть посредником при обмене [Гогохия, 2019].

Люди не используют ценные бумаги, о которых идет речь, для приобретения товаров по той простой причине, что чем надежнее ценная бумага, тем в большей степени она ценится как средство накопления. Возьмем предельный случай. Допустим, Центральный банк наряду с деньгами выпускает вексель, причем обязуется принимать (покупать) этот вексель каждый день по номинальной или нарастающей цене вплоть до срока погашения. Иначе говоря, при выпуске векселя Центральный банк доводит до сведения потенциальных держателей цену или стоимость этого векселя в любой день до срока погашения. Спрашивается, будет ли такой абсолютно надежный вексель обращаться наравне с деньгами? Скорее всего, нет, но *не потому, что кто-то из хозяйствующих субъектов не желает принимать такой вексель в качестве платы за товары, а потому, что многие не захотят расставаться с ним ради приобретения товаров*. В самом начале XX в. американское казначейство выпустило билеты достоинством в 2 долл., обещав изъять их через три года с выплатой процента. Но эти билеты практически сразу же исчезли из обращения, хотя выпускались с целью расширить массу денег, обращающуюся на товарных рынках.

Таким образом, положительный спрос на деньги сверх запаса, диктуемого транзакционным мотивом, легко объясним, если на рынке обращаются или предлагаются активы, которые в качестве средства сохранения стоимости практически ни в чем не уступают наличным деньгам. Краткосрочные государственные долговые обязательства или еще лучше сберегательные, приносящие процент банковские депозиты – суть деньги, ибо риск потери части стоимости этих активов не выше, чем риск потери части стоимости наличных денег. Само существование таких активов, как отмечалось, означает, что если бы их не было, вложенные в них деньги оставались бы по большей части не израсходованными. Банковские депозиты являются деньгами независимо от того, приносят они процентный доход или нет, учитывая то обстоятельство, что любые банковские депозиты могут быть востребованы по первому требованию. А это важная черта с точки зрения свойств денег как предпочтительной для накопления формы богатства, минимизирующей риски, порождаемые неопределенностью будущего. Ведь страх или беспокойство, связанные с возможностью возникновения каких-то непредвиденных обстоятельств в будущем не придают какой-то форме денег большую ценность, если любая форма денег по желанию в любой момент может быть превращена в другую. При этом ставка процента по денежным активам может корректироваться достаточно часто, без особого влияния на спрос на деньги как средство накопления, чего никак нельзя сказать о ставке процента по кредитам заемщикам, которые используют деньги как средство

⁷ М. Фридмен в середине 50-х годов как-то сказал, что люди хранили бы все свои деньги на процентных депозитах, изо дня в день забирая нужную сумму, если бы не издержки в виде износа обуви.

приобретения производственных ресурсов. Рыночная экономика, несомненно, обрела бы большую устойчивость, если бы колебания ставки процента по кредитам каким-то образом сгладить посредством более частых корректировок ставки процента по денежным активам. *Это означало бы, что предложение денег приобрело бы большую гибкость при стабильном спросе на деньги как средстве накопления.*

Центральный банк как кредитор и заемщик последней инстанции

Создание (учреждение) центральных банков никогда и нигде не обходилось без участия государства (правительства и законодательных органов). Но это не отменяет того факта, что иерархическая банковская система является вполне закономерным результатом развития банковского бизнеса.

Когда банкиры начали ссужать часть помещенных у них на сохранение денежных средств, они были уверены, что всегда будут в состоянии выполнить свои обязательства, т.е. без задержки выкупить предъявленные к оплате требования, даже если они ссудят часть вкладов (депозитов) под проценты. В частности, они полагали, что при нужде всегда можно будет продать часть активов или обеспечений, полученных от заемщиков. Опыт, однако, вскоре убедил их в том, что единственный достаточно быстрый способ пополнения резервов – это займы у других, более крупных банков, расположение (доверие) которых нужно было завоевывать, держа какую-то часть денежных резервов на их счетах. Зарождающиеся банковские системы конца XVIII в. (в Англии и Шотландии) в этом отношении мало чем отличаются от современных [Смит, 2007, Книга 2, Гл. 2].

Вместе с тем, поскольку современные центральные банки не ограничены резервными требованиями по выпуску национальной валюты, они в состоянии проводить несравненно более гибкую процентную политику в целях стимулирования товарного производства, с одной стороны, и стабилизации уровня цен (меновой стоимости денег), с другой. Как мы видели, посредством пересмотра процента по денежным активам (банковским депозитам) можно в известной мере нейтрализовать колебания товарных ставок процента и, соответственно, товарных стоимостей. Никакая норма процента, конечно, не в состоянии учитывать и/или воздействовать на все факторы, обуславливающие изменчивость товарных стоимостей. Но норма процента по денежным активам может подстраиваться под товарные нормы процента (товарные стоимости) таким образом, чтобы средневзвешенная норма процента товарных активов не отклонялась заметно от нулевого уровня. Вместе с тем в той мере, в какой изменчивость товарных стоимостей порождается модернизацией рыночной экономики, требующей подчас (в зависимости от глубины и масштабов модернизации) вовлечения в хозяйственный оборот крупных сумм новых денег, нет достаточных оснований считать, что равновесная норма процента по денежным активам, обеспечивающая стабильность покупательной силы денег, не превысит норму процента по банковским кредитам, необходимых для финансирования нововведений. Понятно, такое соотношение процентных ставок означало бы разорение частных банков, но этого никак нельзя сказать о Центральном банке.

Для решения задач, стоящих перед правительством в области обеспечения устойчивого экономического развития в длительной перспективе, следует наделить Центральный банк полномочиями не только кредитора, но и заемщика последней инстанции. Проще всего это сделать, если в области аккумуляции денежных средств на банковских депозитах коммерческие банки будут выступать как простые филиалы Центрального банка. Это нисколько не подорвет ресурсную базу коммерческих банков, если Центральный банк, помимо обычных кредитов, будет устанавливать лимит кредитования коммерческих банков по весьма низкой ставке процента в зависимости от размеров денежных средств,

собранных банком посредством открытия по поручению Центрального банка депозита, гарантирующего безусловную защиту от инфляции. Пересматривая ставку процента по данному депозиту (назовем его стабилизационным счетом центрального банка – ССЦБ) и кредитам по отдельности, Центральный банк в короткий срок способен погасить инфляционные ожидания, улучшив вместе с тем перспективы развития отраслей и производств, независимо от их ориентации на внешние или внутренние рынки. Для двойного решения по ставкам процента нет никаких препятствий. Нужно только исключить возможность появления денег, выданных в кредит по льготной ставке одному банку, на ССЦБ в других банках. Сделать это не трудно путем фиксации разницы в сроках предоставления кредитов и выплаты процентов по этому счету. Коммерческий банк ничего не выиграет, а напротив потеряет, если, взяв сравнительно дешевый кредит у Центрального банка, разместит его на ССЦБ в других банках. Ведь ему нужно будет вернуть одолженную сумму в строго оговоренные сроки. Но если держатель ССЦБ сможет претендовать на процентные выплаты только по истечении большего срока (хотя бы на один день), спекулировать на дешевых кредитах окажется себе в убыток.

Впрочем, открытие по поручению Центрального банка постоянного счета (ССЦБ) вовсе не будет означать, что ставка процента по этому счету будет постоянно находиться на более высоком уровне, чем ставка процента по кредитам, на которую ориентируются коммерческие банки как на цену централизованных резервов. Ставка по депозиту (ССЦБ) будет чаще пересматриваться (корректироваться), но как раз поэтому темпы инфляции редко будут достигать такого уровня, при котором для ее усмирения необходимо будет превышение ставки по депозиту (ССЦБ) над ставкой процента по кредитам. Вместе с тем равенство ставок будет вполне нормальным явлением при ускорении темпов экономического роста.

Главное достоинство концепции ССЦБ состоит в том, что в случае ее осуществления произойдет стагнация рыночных стимулов в области управления банковскими пассивами. На смену конкуренции и инновациям в этой области придут стандартизованные процедуры, что в данном случае, отнюдь не является признаком регресса. Во-первых, банковское сообщество вынужденно будет считаться с тем, что специфические банковские риски, связанные с отбором достаточно надежных индивидуальных заемщиков, не передаваемы другим финансовым институтам без ущерба для качества управления этими рисками. Во-вторых, участники товарного производства, наконец, получают то, что им в действительности нужно: безусловную сохранность стоимости денежных сбережений при прозрачных и привычных процедурах управления неизменным по своим параметрам и условиям персональным банковским счетом. Эта сохранность обеспечит условия для более плодотворной конкуренции в сфере банковского кредитования именно благодаря тому, что ценовая конкуренция за привлечение свободных денежных средств на банковские счета будет устранена.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьин О., Кошовец О., Одинцова А., Одинцова М., Ольсевич Ю. (2008). Экономика как искусство. М.: Наука.
- Вебер М. (2002). Протестантская этика и дух капитализма. Ист-Вью.
- Беккер Г. (2003). Экономический подход к человеческому поведению: Избр. труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ.
- Вымятнина Ю. (2014). Теория денег. СПб.
- Гогохия Д. (2019). Деньги как ликвидный актив: теория и история. // Вопросы теоретической экономики. №2. С. 7–20.
- Кейнс Дж.М. (1993). Общая теория занятости, процента и денег // Избранные произведения. М.: Экономика.
- Марчелло де Чекко (2004). Золотой стандарт. New Palgrave. Экономическая теория. М.: ИНФРА-М.
- Маршалл А. (1984). Принципы политической экономии. М.: Прогресс.
- Менгер К. (2005). Избранные работы: Основания политической экономии. Гл. 8. Учение о деньгах. М.: Территория будущего.
- Платон. (1999). Диалоги. Харьков.

- Радаев В. (2005). Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ.
 Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
 Хикс Дж. (1993). Стоимость и капитал. М.: Прогресс.
 Хикс Дж. (2003). Теория экономической истории. М.: НП «Журнал вопросы экономики».
 Трунин П., Ващелюк Н. (2015). Анализ эндогенного предложения денег в России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 103–132.
 Фергюсон Н. (2010). Восхождение денег. М.: Изд-во Института Гайдара.
 Шумпетер Й. (1982). Теория экономического развития. М.: Прогресс.

Гогохия Доримендон Шотаевич

gogohia.dorik@yandex.ru

Dorimendon Gogohia

doctor habilitatus in economics, Lead, Researches, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

gogohia.dorik@yandex.ru

FROM THE THEORY OF MONEY TO THE THEORY AND PRACTICE OF BANKING

Abstract. The article is devoted to the analysis of the structure and capabilities of the Central banking system with partial reservation of deposits in the context of the theory and history of money. The grounds for clearly delineating the demand for money as a means of accumulation and the demand for money as a means of payment for production resources and other capital assets are revealed. It is shown that the theory of liquidity preference J.M. Keynes, as it is formulated in the 17th Chapter of the “General theory of employment, interest and money” and the theory of economic development. Schumpeter, provide basic guidance for the search for such grounds and, accordingly, identify the potential of the Central Bank to provide through a differentiated interest rate policy unconditional preservation of the value of monetary assets, without prejudice to production and employment.

Keywords: *demand for money, money supply, Bank deposits, Central Bank, liquidity, maintenance costs.*

JEL Classification: F02, F34, F43.

REFERENCES

- Anan'in O., Koshovets O., Odintsova A., Odintsova V., Ol'sevich Yu. (2008). *Economica kak iskusstvo [Economics As an Art]*. М.: Nauka.
 Veber M. (2002). *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]*. Ist-V'yu.
 Bekker G. (2003). *Ekonomicheskiy podkhod k chelovecheskomu povedeniyu. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii [The Economic Approach to Human Behavior: Fav. Works on Economic Theory]*. М.: GU VSHE.
 Vymyatnina Y. (2014). *Teoriya deneg [Theory of money]*. SPb.
 Gogokhiya D. Sh. (2019). *Den'gi kak likvidnyy aktiv: teoriya i istoriya. [Money as a liquid asset: theory and history]*. // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. №2. С. 7–20.
 Keynes J.M. (1993). *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [The General theory of employment, interest and money]*. М.: Ekonomika.
 Marcello de Cecco (2004). *Zolotoy standart [Gold standard]*. New Palgrave. *Ekonomicheskaya teoriya*. М.: INFRA-M.
 Marshall A. (1984). *Printsypy politicheskoy ekonomii. [Principles of political economy]*. М.: Progress.
 Menger C. (2005). *Osnovaniya politicheskoy ekonomii [Foundations of Political Economy] / Menger C. Izbrannyye raboty [Selected works]*. М.: Territoriya budushchego.
 Platon. (1999). *Dialogi [Dialogs]*. Khar'kov.
 Radaev V. (2005). *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]*. М.: GU VSHE.
 Smith A. (2007). *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov [A Study on the Nature of the Causes of the Wealth of Nations]*. М.: Eksmo.
 Hicks J. (1993). *Stoimost' i capital [Cost and Capital]*. М.: Progress.
 Hicks J. (2003). *Teoria ekonomicheskoy istorii [The Theory of Economic History]*. М.: Izd-vo Zhurnal Voprosy ekonomiki.
 Trunin P., *Vashchelyuk N.* (2015). *Analiz endogenogo predlozheniya deneg v Rossii [Analysis of Endogenous Money Supply in Russia]* // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. № 1. S.103-132.
 Ferguson. N. (2010). *Voskhozhdenie deneg [The Rising Money]*. М.: Izd-vo Instituta Gaidara.
 Schumpeter J. A.(1982). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya [The Theory of economic development]*. М.: Progress.

А.И. Вольнский

м.н.с., Институт экономики РАН (Москва)

ПАНИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ РЕФОРМ

Аннотация. В 2019 г. Р.И. Капелюшников в целой серии публикаций подверг критике подход в экономической теории, обозначенный им как «панинституционализм»: направление, согласно которому динамика экономического роста напрямую определяется набором действующих формальных институтов как политических, так и экономических. В качестве образцов панинституционального подхода им были избраны работы «Насилие и социальные порядки» Д. Норта, Дж. Уоллисса и Б. Вайнгаста, а также «Почему одни страны богатые, а другие бедные» Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона. Последовательно разбирая обе монографии, Р.И. Капелюшников подвел читателей к мысли о фактической несостоятельности представленных моделей объяснения экономической истории человечества. Это не первый случай критики указанных исследований, в каждом из которых теории Д. Норта и соавторов, а также Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона представляются конструкциями, основанными на исторических неточностях и значительных допущениях. Вместе с тем, при известной шаткости панинституциональных концепций, институционализм в данном прочтении представляется нам теорией, сила которой лежит не в ее объяснительном потенциале. Институциональный смысл книг «Насилие и социальные порядки» и «Почему одни страны богатые, а другие бедные» состоит в концептуальном высказывании перформативного характера: идея о взаимосвязи институтов и экономического роста подтверждается множеством исследований и легко воспринимается с позиций бытового здравого смысла. Главное в том, что, если мы знаем, какие институты хорошие, а какие нет, строительство хороших институтов можно выдвинуть как политическую программу реформ как минимум и знамя политической борьбы – как максимум. В теоретическом ключе именно такое политическое развитие панинституционализм получает во множестве исследований, которые мы объединяем в понятие «институциональная теория реформ».

Ключевые слова: институциональный дизайн, мезоуровень, мезоэкономика, институционализм, экономические реформы.

JEL: B15, B25, P16, P 51.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10102

Введение

В 2019 г. Р.И. Капелюшников в серии публикаций под общим названием «Contra панинституционализм» [Капелюшников, 2019а; 2019б; 2019в] подверг критике направление современной экономической теории, названное им «панинституционализмом», суть которого – в объяснении исторического процесса и разницы между макроэкономической динамикой различных государств набором действующих в этих государствах экономических, социальных и политических институтов. За образцы теории им были взяты работы «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» [Норт Д. и др., 2011] и «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» [Аджемоглу, Робинсон, 2012]. Основой смысловой конструкции обоих трудов, а равно как и неоинституциональной теории, согласно Р.И. Капелюшникову является предположение о том, что первопричиной перехода от мальтузианского к шумпетерианскому росту стало стабильное урегулирование прав собственности. Ссылаясь на широкий круг исследований, Р.И. Капелюшников показывает, что условие наличия урегулированных и защищенных прав собственности далеко

не уникально для обществ Западной Европы, в частности Англии с середины XVIII в. В логике «критики панинституционализма» доказательство того, что права собственности существовали в более широком круге обществ, чем только Англия периода Промышленной революции, а их урегулирование не всегда коррелирует с периодом перехода к шумпетерианскому росту, опрокидывает саму «панинституциональную» теорию, как если бы мы лишили здание краеугольного камня.

Критика панинституционализма привлекла сравнительно широкое внимание со стороны специалистов в области институциональной теории и дала толчок дальнейшим дискуссиям об обоснованности вывода о панинституционализме и парадигмальных основаниях экономической теории [Шаститко, 2019; Бузгалин, Колганов, 2019]. С нашей точки зрения, «критика панинституционализма» заслуживает внимания не только благодаря дискуссиям, которые она порождает относительно институциональной теории, но также с точки зрения того, почему «панинституционализм» столь популярен в современной российской экономической науке. Ответу на данный вопрос и будет посвящено наше исследование. Как мы полагаем, внимание к «панинституционализму» связано с перформативной силой высказывания этой теории: мысль о связи «хороших» институтов и экономического роста рождает концепции в русле институциональной теории реформ, более похожие на политическую программу.

Обосновывая свою идею о том, что описательная концепция «панинституционализма» перформативна по своей сути и побуждает к созданию реформаторских программ, мы опираемся на концепцию Дж.Л. Остина, в своей классической работе «How to do things with words» утверждавшего, что многие описательные речевые акты не просто повествуют о реальности, но формируют и изменяют ее [Austin, 1955]. Идея о связи между высказыванием – формированием концепции – в экономической науке и действием, конструированием экономической реальности далеко не нова. Обнаруживая перформативность панинституционального высказывания (о перформативности экономических концепций см.: [Re-Imagining..., 2015; Vollmer, 2016]), мы, по существу, ступаем на путь дискуссий о связи между идеологией и деятельностью экономистов, а также о влиянии идеологии на экономическую политику (см. об этом: [Полтерович, 2017]). Компромиссный взгляд на проблему связи влияния идеологии на экономическую теорию предложил еще Й. Шумпетер в своей работе «Наука и идеология»: «идеологии не являются просто ложью, – это правдивые утверждения о том, что человек, по его мнению, видит» [Шумпетер, 2012. С. 252]. Согласно Шумпетеру идеология – это та система ценностей и ориентиров, исходя из которых ученым формируется исследовательская задача. В этом смысле панинституционализм для многих исследователей выступает в роли той самой идеологии. Результаты исследований в русле вопроса «какие институты способствуют экономическому развитию» далее переносятся на работы по институциональной теории реформ, а они уже служат научным обоснованием политических программ. Таким образом, панинституциональная концепция, предложив универсальную схему институционально-экономического описания реальности, начинает саму эту реальность формировать. Рискнем предположить, что панинституционализм, вырвавшись за пределы строго научного дискурса, может становиться своего рода самосбывающимся пророчеством (о связи между «теоремой Томаса» и развитием институтов см.: [Merton, 1995; Taylor, 1989. P. 147]: доказанность благотворного влияния инклюзивных институтов на экономический рост в любом случае способствует росту доверия к такого типа институтам, что само по себе уже может оказать позитивный эффект (как минимум инклюзивные институты по понятным причинам вызывают большее доверие в среде инвесторов).

В первой части работы мы рассмотрим основу критики панинституционализма, во второй обратимся к связи панинституционализма и институциональной теории реформ.

«Критика панинституционализма»: частное против общего

«Критика панинституционализма» Р.И. Капелюшниковым – не единственное исследование, критически оценивающее теорию о связи между институтами и экономическим развитием. Так, блестящий разбор основных уязвимых позиций работы «Почему одни страны богатые, а другие бедные...» был представлен в работе В.В. Арсланова [Арсланов, 2016], автор которой указал на пренебрежение фактами или их вольную трактовку Д. Аджемоглу и Д. Робинсоном, а так же на невнимание к другим факторам роста. Как мы полагаем, примеры критики панинституционализма следует рассматривать в более широком контексте: в центре критики в данном случае оказывается не просто определенный, распространяющийся на все институты «пан-...», но и, косвенно, сам институционализм и широкий спектр исследований экономической истории, проводимых в русле институционализма (имя Дугласа Норта можно назвать в ряду довольно узкого списка фамилий отцов-основателей неинституциональной теории). Институционализм в прочтении Норта – концепция прежде всего междисциплинарная, заявленный масштаб которой – выработка универсальной объяснительной конструкции для всемирной истории на всем известном периоде. Именно как глобальная объяснительная конструкция она и оказывается оспариваемой как экономистами, так и историками. Стабильное неприятие панинституционализма как подтверждает известный тезис о смерти «больших теорий» общественного развития¹, так и обнаруживает слабые места междисциплинарного подхода в том смысле, в каком их видят представители отдельных дисциплин, в нашем случае – экономисты.

Теоретическая конструкция трудов Д. Норта и Д. Аджемоглу интуитивно понятна, но вписать ее в логику современных экономических исследований достаточно тяжело, несмотря на формально широкое признание экономистами мейнстрима основных положений неинституциональной теории. Неинституционализм может предложить общую картину мира, как минимум общие концептуальные рамки для его осмысления, однако проблема в том, что для современного экономического дискурса просто признание права на существование такой теории – вопрос крайне болезненный. Позволим себе процитировать другое исследование Р.И. Капелюшникова: «Похоже, “типичный” современный экономист живет в мире расколотой, “балканизированной” реальности, где каждый фрагмент существует по большей части отдельно от других» [Капелюшников, 2018. С.15]. Контекст приведенной цитаты заключался в указании на проблему современного, как это именуется Р.И. Капелюшников, «эконометриковерия» – мы можем обнаружить набор основанных на анализе данных исследований, в которых доказываются противоположные по своей сути утверждения, при этом противоположность выводов относительно экономической теории не смущает исследователей. В рамках достигнутого консенсуса примат оставлен за эконометрическими исследованиями, а не теоретическими конструктами. Вероятно, это черта не последнего времени, а свойство экономической науки как таковой. В своем исследовании «Риторика экономической науки» Д. Макклоски пишет: «В рамках одной теории не может быть отражена вся экономика <...> Работа экономиста может сравниться с работой медиевиста, который по некоторым остаткам реконструирует фрагменты целого, переводя с одного языка на другой. При этом границы правильности интерпретаций постоянно оспариваются и переопределяются» [Макклоски, 2015. С. XXI]. По мере накопления больших массивов данных в области экономической истории, задача описания и объяснения целого бесконечно усложняется. Слабые места нортского неинституционализма обнаруживаются именно через рассмотрение фраг-

¹ Ради справедливости отметим, что хоронить «большие теории» готовы далеко не все, так в работе «Экономическая история России (опыт институционального анализа)» мы обнаруживаем обратную позицию [Нуреев, Латов, 2016].

ментов. Однако же и критика Д. Норта не менее противоречива, чем и сам Д. Норт. Так, Р.И. Капелюшников, ссылаясь на Дж. Мокира [Мокир, 2009], оспаривает постулируемую панинституционализмом значимость патентного права для Британской промышленной революции [Капелюшников, 2019а. С. 77]. Однако в своем более раннем исследовании «Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс» Дж. Мокир, отвечая на важный для китайской истории вопрос о неспособности Китая сохранить свое техническое превосходство над странами Запада в период позднего средневековья и Нового времени, прямо указывает на то, что в императорском Китае поддержка инноваций была напрямую связана с бюрократическим аппаратом, что в итоге поставило технологии в печальную зависимость от государственной политики, тогда как в плавильном котле государств Западной Европы существовал рынок инноваций [Мокир, 2014. С. 367], функционирование которого без прав собственности трудно себе представить. Этим примером мы хотим подчеркнуть, что панинституционализм ставит перед общественными науками вопрос, ответа на который на сегодняшний день не может быть найдено. И в этом смысле панинституционализм – это больше интеллектуальный вызов, чем собственно теория с готовыми ответами.

«Панинституционализм» как манифест

Почему, несмотря на, казалось бы, неоднократно продемонстрированную фактологическую зыбкость «панинституционализма» (если допустить, что правы именно оппоненты Д. Норта), и, быть может, определенное его несоответствие духу времени, когда большие теории не в моде, он продолжает привлекать внимание и вызывать споры, иными словами, что делает панинституционализм горячо актуальной темой? Шутка ли, но труд Д. Аджемоглу и Д. Робинсона – редкий случай, когда монография авторства авторитетных академических ученых издается в России в формате бестселлера, где автором предисловия к русскоязычному изданию становится А.Б. Чубайс, а критика панинституционализма – фактически не новых публикаций – производит ощутимый эффект в научной среде.

Как мы полагаем, сила панинституциональной теории заключена не только в ее научно-объяснительном, но, шире, мировоззренческом потенциале. Панинституционализм интуитивно понятен не только ученым, но и обществу, и политикам, а предлагаемые им выводы можно рассматривать в политическом ключе. И если специалистам из научной среды по большей части очевидно, что постановка вопроса в духе, «если мы знаем, какие институты эффективны, а какие нет, то почему нельзя выписать рецепт странам с неэффективными институтами», может привести к ошибкам в государственном регулировании и тяжелым последствиям для экономики [Вольчик, 2012], то политики и чиновники как на международном, так и на национальном уровнях зачастую будут склонны ограничить себя поиском тех самых рецептов по внедрению идеальных, хороших институтов. Панинституционализм в том виде, в котором его зафиксировал Р.И. Капелюшников, – это научное высказывание, но особой политической силы. В каком-то смысле панинституционализм – это манифест, призывающий к институциональным реформам. На этом этапе важно подчеркнуть, что прочтение работ Д. Норта и соавторов и Д. Аджемоглу и Д. Робинсона на исторической родине и в современной постсоветской России – это два противоположных опыта восприятия одной теории. В своей работе «Как Китай стал капиталистическим» Р. Коуз подчеркивает одну важную вещь: институты – это не только и не всегда спонтанно возникший или сознательно сконструированный инструмент упрощения социальных взаимодействий и снижения транзакционных издержек, институт – это еще и «символ нашей идентичности, показывающий окружающим, кто мы и каковы наши ценности» [Коуз, Ван, 2013. С. 127]. И если для англоязычных читателей

«панинституционализм» подтверждает исключительность стран Запада и обосновывает идею экспорта условно западных, либеральных институтов в незападные страны (а исторически это связано с включением развивающихся стран в глобальные производственно-сбытовые цепочки)², то в глазах российских читателей нарратив «панинституционализма» получает совершенно иной смысл.

Анализ работ российских авторов в области институциональной теории реформ [Волынский, 2018] показал, что в фокусе внимания российских исследователей оказывается выявление особенности реализации стратегий реформ: описание ошибок в реализации реформ, возникающих вследствие этих ошибок институциональных дефектов (например, «институциональных ловушек») и моделирование правильных стратегий реализации реформ. Каждый из указанных аспектов был подробно рассмотрен в работах В.М. Полтеровича (см., например: [Полтерович, 2007]), а его концепции «институциональных ловушек» и «промежуточных институтов» можно считать устойчивыми теоретическими рамками, определяющими тональность многих российских исследований. Последняя из концепций – промежуточных институтов – прямо вытекает из описаний ошибок в реформаторских стратегиях и необходимости их избежать. Согласно В.М. Полтеровичу промежуточные институты – это долгосрочная стратегия, суть которой «в создании желательного института путем построения цепочки сменяющих друг друга институтов, т. е. путем построения институциональной траектории, которая соединяет исходный институт с желаемым» [Полтерович, 2007. С. 11]. Достоинство градуалистского подхода промежуточных институтов раскрывается им в сравнении с шоковой терапией: если последняя предполагает имплементацию желаемого хорошего института в институциональную среду, не готовую к его принятию, шоковым методом, что приводит к искажению хорошего института и формированию институциональных ловушек, то при градуалистском подходе среда и действующие в ней агенты будут подготовлены к принятию хорошего института. Посредством промежуточных институтов в микроагентной среде будут сформированы соответствующие институтам поведенческие привычки и необходимое осознание стимулов и ограничений.

Шоковую терапию (а для российского обывателя это словосочетание обладает множественными неоднозначными коннотациями) и промежуточные институты объединяет заявленная интенция на построение желательного института посредством приведения институциональной среды в соответствие с институтом. Стратегически речь ведется об одном и том же, разница лишь в тактике. Свое характерное развитие концепция получила в докладе Центра стратегических разработок от 2017 г., где промежуточным институтам была определена роль «ослабления социокультурных ограничений, препятствующих внедрению целевых (стандартных) институтов» при условии, что под целевыми институтами понимаются институты открытого доступа [Центр..., 2017. С. 101]. Вышедший в преддверии президентских выборов доклад был воспринят многими как некое подобие политического манифеста, чему поспособствовал выход в поддержку доклада статьи «Точные приоритеты и неидеальные институты: как можно реформировать Россию», соавтором которой выступил А.Л. Кудрин [Кудрин, Шклярчук, Комин, 2017], и в которой тезисы панинституционализма были применены к России и задачам ее реформирования.

Мы ни в коем случае не намерены оспаривать тезисы о большей эффективности институтов открытого доступа в терминологии Д. Норта и инклюзивных в терминологии

² Так, долгое время, общим для американских аналитиков было предположение о возможной институциональной конвергенции будущего капиталистического Китая со странами Запада и о неизбежности демократизации Китая. Такая позиция в известной степени оправдывала наращивание прямых инвестиций в страну коммунистической диктатуры (о вере в конвергенцию см., например: [Spence, 2019; Yuen, 2018]).

Д. Аджемоглу, тем более, что это не входит в задачи нашего исследования³. Главное, на что мы хотим обратить внимание читателей, это то, что в российском прочтении панинституционализм воспринимается как призыв проведению реформ по заданной траектории, что глубоко политизирует дискуссии вокруг работ Д. Норта и Д. Аджемоглу, в которых, строго говоря, содержатся прямые к тому предпосылки. Вновь цитируя Р. Коуза, институты – это не только социальные структуры, но и способ самоидентификации. «Панинституционализм» и его положения в России разделяемы многими исследователями, в особенности теми, кого принято ассоциировать с условными либералами, с положениями же «панинституционализма» неразрывно оказывается связана в России институциональная теория реформ. И не последнюю роль играет вопрос самоотождествления реформаторов с определенным набором ценностных установок.

Тут мы подходим к вопросу о механизмах реализации стратегий институциональных реформ в современных российских политических реалиях. Как показало исследование [Волинский, Круглова, Рожков, Рубинштейн, 2018], через российский парламент законы, инициированные Президентом и правительством, в среднем проходят быстрее, чем законы, инициированные самими парламентариями, исходя из чего можно сделать вывод, что российская система принятия законодательных решений – удобный инструмент в руках исполнительной власти, а, значит, и удобный инструмент для проведения институциональных реформ (в данном случае мы предлагаем исходить из того, что институциональные реформы не осуществимы без изменений в законодательной сфере). Это делает однозначно решаемым вопрос о том, что источником преобразований, в том числе и либеральных, если мы говорим о мирном случае реформ, в российской политической конструкции могут быть только политические элиты. Таким образом, «панинституционализм» ложится на благодарную почву восприятия российских элит как прозападной силы в обществе. Знаменитая цитата из А.С. Пушкина: «правительство все еще единственный европеец в России» [Пушкин, 1962. С. 362] как нельзя более точно раскрывает образ государственных реформаторов, вдохновляемых идеями панинституционализма. Панинституционализм, слившийся с институциональной теорией реформ в российском дискурсе, вписывается и в предложенные А.А. Ахиезером описательные рамки российской истории «активного противостояния массового догосударственного сознания (в основном крестьянского) и той формы сознания, которая культивировалась непосредственно в системе государства, в правящем слое» [Ахиезер, 1991]. Популярный в России, несмотря на критику, панинституционализм таким образом может рассматриваться не только как одна из экономических теорий, но и как некая политическая идеология, тот самый способ самоидентификации российских элит посредством их манифестации приверженности хорошим институтам.

Заключение

Наша точка зрения заключается в том, что панинституционализм в реалиях российского научно-общественного дискурса – явление, вероятно, гораздо более значимое, чем на своей исторической родине – в англосаксонском мире. Если там панинституциональная теория может рассматриваться в лучшем случае как фундаментальная объяснительная конструкция в рамках экономической истории, а в худшем – как часть критикуемого Э. Саидом ориентализма – описательной модели Востока (Orient), последовательно доказы-

³ Не говоря уже о том, что обнаружить исследования, демонстрирующие эффективность инклюзивных институтов в сравнении с экстрактивными несравнимо легче. Не будем далеко ходить за примерами: так, исследование МВФ показало, что государственные органы с минимальным уровнем коррупции и достигшие инклюзивности собирают на 4% ВВП больше налоговых поступлений, чем государства, не добившиеся успехов в деле борьбы с коррупцией [МВФ, 2019. С. 18].

вающей историческое превосходство Запада над Востоком и воспринимаемой противниками ориентализма как моральное оправдание колониальной власти Запада над Востоком [Саид, 2006], то в российском дискурсе она обретает более политизированный смысл⁴. Паинституционализм в России – это не просто модель объяснения экономической истории человечества, но и основа для политических манифестов, ровно как и для составления программ реформ. Целью представленного текста ни в коей мере не являлось участие в споре относительно правильности тезисов панинституционализма. Однако мы утверждаем, что именно в российских реалиях панинституционализм превращается из научной в прото-идеологическую конструкцию. Этим объясняется столь пристальное внимание к рассматриваемым теориям со стороны российских авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2012). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Арсланов В.В. (2016). «Инклюзивные институты» – основной фактор экономического роста // *Общественные науки и современность*. №5. С. 49–62.
- Ахизер А.С. (1991). Россия как большое общество // *Вопросы философии*. [vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=55](http://phil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=55) (дата обращения: 20.01.2020).
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019). Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода // *Вопросы экономики*. №10. С. 99–114.
- Вольчик В.В. (2012). Эволюционный подход к анализу институциональных изменений // *Terra economicus*. Т. 10. №4. С. 62–69.
- Волынский А.И. (2018). Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе // *Terra economicus*. Т. 16. №4. С. 29–40.
- Волынский А.И., Круглова М.С., Рожков П.В., Рубинштейн А.А. (2018). Законодательные механизмы в РФ как инструмент институционального дизайна: на материалах анализа количественных данных базы LAWSTREAM.RU // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 91–100.
- Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // *Куда движется современная экономическая наука?: Научные доклады*. М.: Институт экономики РАН, 2018.
- Капелюшников Р.И. (2019а). Contra панинституционализм: препринт WP3/2019/03 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Серия WP3 «Проблемы рынка труда».
- Капелюшников Р.И. (2019б). Contra панинституционализм. Часть I // *Вопросы экономики*. №7. С. 119–146.
- Капелюшников Р.И. (2019в). Contra панинституционализм. Часть II // *Вопросы экономики*. №8 С. 98–126.
- Коуз Р., Нин Ван (2013). Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство.
- Кудрин А., Шклярук М., Комин М. (2017). Точные приоритеты и неидеальные институты: как можно реформировать Россию. Онлайн-портал РБК. www.rbc.ru/opinions/politics/14/09/2017/59b93e819a794742c91d5a52 (дата обращения: 20.01.2020).
- Маккломски Д. (2015). Риторика экономической науки. 2-е изд. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Международный валютный фонд. (2019). Годовой отчет МВФ 2019 // *Наш взаимосвязанный мир*. www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2019/eng/index.htm (дата обращения: 20.01.20).
- Мокир Дж. (2014). Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа): Учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: КНОРУС.
- Олейник А.Н., Кирдина С.Г., Попова И.П., Шталова Т.Ю. (2013). Как учёные читают друг друга: основы теории академического чтения и ее эмпирическая проверка // *Социологические исследования*. № 8. С. 30–41.
- Полтерович, В.М. (2007). Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ: Препринт WP10/2007/08. М.: ГУ-ВШЭ.

⁴ О разнице в интерпретациях научных текстов см.: [Олейник и др., 2013].

- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 55–65.
- Пушкин А.С. (1962). Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. Письма, 1831–1837 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Саид Э. (2006). Ориентализм. М.: Русский Миръ.
- Центр стратегических разработок (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf (дата обращения: 20.01.20).
- Шаститко А.Е. (2019). «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» // Вопросы экономики. №12. С. 90–110.
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология. //Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара. С. 247–264.
- Austin J. L. (1955). How to Do Things with Words. 2d ed. J.O. Urmson and M. Sbisà, eds. Cambridge: Harvard University Press.
- Merton R. K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*. 74 (2). Pp. 379–422.
- Mokyr J. (2009) Intellectual Property Rights, the Industrial Revolution, and the Beginnings of Modern Economic Growth // *American Economic Review*. Vol. 99. No. 2. Pp. 349–355.
- Re-imagining Economic Sociology, (2015). Edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd, Oxford, Oxford University Press.
- Spence M. (2019). What Next for China's Development Model? Project Syndicate. Published: Jan 21, 2019. www.project-syndicate.org/commentary/china-development-model-tensions-with-west-by-michael-spence-2019-01 (дата обращения: 20.01.2020).
- Stanley T. (1989). *Conceptions of Institutions and the Theory of Knowledge*: 2nd Ed. Transaction Publishers.
- Vollmer H.. (2016) Re-imagining Economic (2016). *Re-imagining Economic Sociology*, edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd // *Journal of Cultural Economy*. No. 9. Pp. 636–639.
- Yuen Yuen Ang (2018). *Autocracy With Chinese Characteristics*. Foreign Affairs. Published: May/June. www.foreignaffairs.com/articles/asia/2018-04-16/autocracy-chinese-characteristics (дата обращения: 20.01.2020).

Волынский Андрей Игоревич

ava3003@gmail.com

Andrei Volynskii

junior researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

ava3003@gmail.com

PAN-INSTITUTIONALISM AND ECONOMIC REFORMS

Abstract. In 2019 R.I. Kapelyushnikov in his publications criticized the approach in economic theory, which he called “paninstitutionalism”: the direction according to which the dynamics of economic growth is directly determined by the set of existing formal institutions, both political and economic. He selected the works “Violence and Social Order” by D. North, J. Wallis and B. Weingast, as well as “Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty” by D. Acemoglu and J. Robinson as exemplary instances of a “pan-institutional” approach. Consistently analyzing both monographs, R.I. Kapelyushnikov led readers to the idea of the actual inconsistency of the presented models for explaining the economic history of mankind. This is not the first case of criticism of these studies, in which the theories of D. North and co-authors, as well as D. Axemoglu and J. Robinson do not appear to be constructions based on historical inaccuracies and significant assumptions. At the same time, given the precariousness of the “pan-institutional” concepts, the institutionalism seems to be a theory whose strength lies not in its explanatory potential. On the contrary, institutionalism in the books “Violence and Social Order” and “Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty” can be taken as a conceptual statement of a performative nature. The idea of the relationship between institutions and economic growth is supported by many studies and is easily perceived from the standpoint of everyday common sense. The main thing is that this idea leads to the idea that, if we know which institutions are “good” and which are “not,” we can raise the establishment of “good” institutions to the banner of the political reform program at least and political struggle at most. In theoretical terms, such a “political” development of “pan-institutionalism” is received in many studies, which we combine with the concept of “institutional theory of reforms”.

Keywords: *institutional design, meso-level, meso-economics, institutionalism, economic reforms.*

JEL Classification: B15, B25, P16, P51.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.* (2012). *Pochemu odni strani bogatie, a drugie bednie. Proishozhdenie vlasti procvetaniya i nischeti* [Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty]. M.: AST. (In Russ.)
- Akhiezer A.S.* (1991). *Rossiya kak bol'shoe obshchestvo*. [Russia as a big society] // Journal of Philosophy Issues website. vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=55 (Access date: 20.01.20) (In Russ.)
- Arslanov V.V.* (2016). «Inklyuzivnye instituty» – osnovnoj faktor ehkonomicheskogo rosta [“Inclusive institutions” – the Key Factor of Sustainable Growth] // *Social sciences and modernity*. No. 5. Pp. 49–62.
- Austin, J. L.* (1955). *How to Do Things with Words*. 2d ed. J.O. Urmson and M. Sbisà, eds. Cambridge: Harvard University Press.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* (2019). *Ekonomicheskoe razvitie kak smena kachestvenno raznyh sistem social'no-ekonomicheskikh otnoshenij: k kritike «paninstitucionalizma» i «ideacionnogo» podhoda*. [Economic development as a change of qualitatively different systems of social and economic relations: To a critique of “pan-institutionalism” and “ideational” approach] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. Pp. 99–114. (In Russ.)
- Center for Strategic Research (2017). *Sociokul'turnye faktory innovacionnogo razvitiya i uspeshnoj implementacii reform*. [Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms]. csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf (Access date: 20.01.20). (In Russ.)
- Coase R., Ning Wang* (2013). *Kak Kitaj stal kapitalisticheskim*. [How China became capitalist] – «Novoe izdatel'stvo». (In Russ.)
- International Monetary Fund (2019). *IMF Annual Report 2019. Our Connected World*. www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2019/eng/index.htm (Access date: 20.01.20).
- Kapeliushnikov R.I.* (2018). *O sovremennom sostoyanii ekonomicheskoy nauki: polusociologicheskie nablyudeniya* [On current state of economics: subjective semi-sociological observations]. In: *Where is current economics moving?: Working papers*. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018. (In Russ.)
- Kapeliushnikov, R.I.* (2019a). *Contra paninstitucionalizm: preprint* [Contra Pan-institutionalism [Text]: Working paper] WP3/2019/03 / R. Kapeliushnikov; National Research University Higher School of Economics. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R.I.* (2019b). *Contra paninstitucionalizm. CHast' I*. [Contra pan-institutionalism. Part I] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 7. Pp. 119–146. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R.I.* (2019v). *Contra paninstitucionalizm. CHast' I*. [Contra pan-institutionalism. Part II] // *Voprosy Ekonomiki*. 2019. No. 8. Pp. 98–126. (In Russ.)
- Kudrin A., Shklyaruk M., Komin M.* (2017). *Tochnye priority i neideal'nye instituty: kak mozjno reformirovat' Rossiyu*. [Exact priorities and imperfect institutions: how can Russia be reformed]. Online portal RBC. Date of publication: 09/14/2017. www.rbc.ru/opinions/politics/14/09/2017/59b93e819a794742c91d5a52 (Access date: 20.01.2020) (In Russ.)
- McCloskey D.* (2015). *Ritorika ekonomicheskoy nauki. Vtoroe izdanie* [The Rhetoric of Economics Second Edition] / translation. from English O. Yakimenko; scientific ed. translation D. Raskov. M.; St. Petersburg: Publishing House of the Gaidar Institute; International Relations Publishing House, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University. (In Russ.)
- Mokyr J.* (2009). *Rychag bogatstva. Tekhnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskij progress*. [The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress]. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2014. (In Russ.)
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2011) *Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva*. [Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. M.: Institut Gaydara. (In Russ.)
- Nureev R.M., Latov Yu. V.* (2016). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institucional'nogo analiza): uchebnoe posobie* [The economic history of Russia (the experience of institutional analysis): textbook]. 2nd ed., Rev. M.: KNORUS. (Bachelor and Master). (In Russ.)
- Merton, R.* (1995). *The Thomas Theorem and the Matthew Effect*. *Social Forces*. Vol.74 (2). Pp. 379–422.
- Mokyr J.* (2009) *Intellectual Property Rights, the Industrial Revolution, and the Beginnings of Modern Economic Growth* // *American Economic Review*. Vol. 99. No. 2. Pp. 349–355.
- Oleynik A.N., Kirdina S.G., Popova I.P., Shatalova T.Yu.* (2013). “How Scholars Read Each Other: Foundations of the Academic Reading Theory and Its Empirical Verification” // *Sociological Researches*. № 8. Pp. 30–41. (In Russ.)
- Polterovich, V. M.* (2007). *Strategii institucional'nyh reform, ili Iskusstvo reform: Preprint WP10/2007/08* [Institutional Reform Strategies or Art of Reforms: Working paper WP10/ 2007/08]. Moscow: State University – Higher School of Economics. (In Russ.)
- Polterovich, V. M.* (2007). *Razrabotka strategij social'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya* [Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // *VTE*. №1. Pp. 55–65 (In Russ.)
- Pushkin A.S.* [1962]. *Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 10. Pis'ma, 1831–1837* [Collected works in 10 vol.. Vol. 10. Letters, 1831–1837. M.: State publishing house of fiction (In Russ.)
- Said E.* (2006). *Orientalizm*. [Orientalism] M.: «Rucckij Mir». (In Russ.)

- Schumpeter J.* (2012). Nauka i ideologiya [Science and Ideology]. In: *Filosofiya ehkonomiki. Antologiya* [The Philosophy of Economics. An Anthology]. Edited by Daniel M. Hausman. M.: Gaidar Institute. Pp. 247–264. (In Russ.)
- Shastitko A.E.* (2019). Instituty imeyut znachenie» vs. «tol'ko (formal'nye) instituty imeyut znachenie [«Institutions do matter» vs. “only (formal) institutions matter”] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. Pp. 90–110. (In Russ.)
- Spence M.* (2019). What Next for China's Development Model? Project Syndicate. Published: Jan 21, 2019. www.project-syndicate.org/commentary/china-development-model-tensions-with-west-by-michael-spence-2019-01 (Access date: 20.01.2020).
- Re-imagining Economic Sociology (2015). Edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd, Oxford, Oxford University Press.
- Taylor S.* (1989). *Conceptions of Institutions and the Theory of Knowledge*: 2nd Ed. Transaction Publishers.
- Volchik V.V.* (2012). Evolyucionnyj podhod k analizu institucional'nyh izmenenij [Evolutionary approach to the analysis of institutional changes] // *Terra economicus*. Vol. 10. No. 4. Pp. 62–69. (In Russ.)
- Vollmer H.* (2016) Re-imagining Economic Sociology, edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd // *Journal of Cultural Economy*. No. 9. Pp. 636–639.
- Volynskii A.I.* (2018). Institucional'nyj dizajn i teoriya reform v rossijskom ekonomicheskom diskurse [Institutional design and theory of reforms in Russian economic discourse] // *Terra Economicus*. 2018. Vol. 16. No. 4. Pp. 29–40. (In Russ.).
- Volynsky A.I., Kruglova M.S., Rubinstein A.A., Rozhkov P.V.* (2018). Zakonodatel'nye mekhanizmy v RF kak instrument institucional'nogo dizajna: na materialah analiza kolichestvennyh dannyh bazy LAWSTREAM.RU [Legislative mechanisms in the Russian Federation as a tool of institutional design: on the materials of analysis of quantitative data of LAWSTREAM.RU base] // *VTE*. No. 2 Pp. 91–100. (In Russ.)
- Yuen Yuen Ang* (2018). *Autocracy With Chinese Characteristics*. Foreign Affairs. Published: May/June 2018. www.foreignaffairs.com/articles/asia/2018-04-16/autocracy-chinese-characteristics (Access date: 20.01.2020).

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.М. Ефимов

д.э.н., независимый исследователь, Франция

ТРИ ВИДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ, СЛОЖИВШИХСЯ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ (ответ С.Г. Кирдиной-Чэндлер)

Аннотация. Данная статья является ответом на помещенные в прошлом номере журнала размышления С.Г. Кирдиной-Чэндлер над моей статьей «О двух типах социальных порядков», опубликованной в трех последовательных номерах журнала. К сожалению, размышления эти не касаются изложенного в моей статье видения современных социальных порядков на Западе и в России, а посвящены исключительно критике используемой мной методологии. Несмотря на то, что текст второй части моей статьи начинается с методологического введения, в котором кратко характеризуется методология исходного институционализма Джона Коммонса и дается ссылка на мою книгу, где эта методология подробно изложена, этого оказалось недостаточно для ее понимания и, по-видимому, понимания самой моей статьи. Методология Дж. Коммонса основана на прагматистской философии, которая большинству российских обществоведов неизвестна, и возможно частично именно с этим и связано ее неприятие. В первом разделе анализируются книга и статьи С.Г. Кирдиной-Чэндлер на предмет критики описываемой и используемой в них методологии, а также ее видения социального порядка в России. Второй раздел статьи представляет собой комментарии на критику С.Г. Кирдиной-Чэндлер моей статьи. В третьем разделе статьи характеризуется идеологическая направленность X-Y-теории С.Г. Кирдиной-Чэндлер.

Ключевые слова: *видения социальных порядков и институционалистская методология Дж. Коммонса, монетарный социальный порядок, патрональный социальный порядок, X-Y-теория, современная Россия и идеологии.*

JEL: B40, B52, E0, P0.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10103

Я очень благодарен Светлане Георгиевне Кирдиной-Чэндлер за ее критику [Кирдина-Чэндлер, 2019а] моей статьи [Ефимов, 2018а, 2018b, 2019]. Это – первая открытая, публичная критика моих работ, использующих или излагающих институционалистскую методологию Дж. Коммонса. До этого в течение более чем двадцати лет реакция экономистов и не только экономистов на эти мои работы была полным молчанием по их поводу. Я давно заметил, что тексты, подготовленные на базе методологии, идущей от институциональной экономики Дж. Коммонса [Commons, 1990], не воспринимаются и не понимаются большинством академических работников, будь то экономисты, социологи или политологи. Это происходит потому, что современные социальные дисциплины пронизаны картезианством [Mini, 1994], а институционализм Дж. Коммонса основан на прагматистской философии [Bush, 1993; Майровски, 2013а, 2013b], которая возникла как альтернатива картезианству [Ефимов, 2007; 2016а]. Эмпирические исследования школы Дж. Коммонса отталкивались от нее [Резерфорд, 2012а, 2012b]. Так как картезианство воспринимается как норма и даже как стандарт, то все, что не соответствует этому стандарту, отторгается. Прагматистская философия Дж. Дьюи, на которую я опираюсь в своих исследованиях, была охарактеризована мной в статье «Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматистской философии» [Ефимов, 2016b].

1. О методологии С.Г. Кирдиной-Чэндлер и ее видении социального порядка в России

Методология С.Г. Кирдиной-Чэндлер созвучна с мнением Карла Маркса, что «при анализе экономических форм невозможно пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами: то и другое должна заменить сила абстракции». Несмотря на многочисленные разногласия, существующие между сторонниками мейнстрима и гетеродоксами, представители обеих сторон свято верят в одну и ту же догму: «Теория есть способ восприятия «фактов», и мы не можем воспринять «факты» без теории» [Фридмен¹, 1994. С. 44]. В соответствии с этой догмой без теорий, которые призваны создавать и совершенствовать теории, никакое эмпирическое исследование вообще невозможно. Все это в полной мере относится к работам С.Г. Кирдиной-Чэндлер. Дж. Дьюи же считал, что человечество больше всего нуждается в способности суждений на основании фактов. «Мы нуждаемся, – писал он, – развить способность (и склонность) искать специфические (particular) виды решений с помощью особых (particular) методов для конкретных (particular) проблем, возникающих в отдельных (particular) случаях» [Dewey, 1973. Р. 53]. Такой подход позволяет избежать как крайнего радикализма, так и крайнего консерватизма, общей слабостью которых, по мнению Дьюи, является «их зависимость от огульных обобщений». Радикализм придерживается точки зрения, что все существующие институты – зло и от них нужно отказаться, а консерватизм считает, что все институты в основном разумны, если только мы «откроем и будем придерживаться их изначального смысла». И тому и другому, считал он «не удается сфокусироваться на конкретных проблемах, возникающих из опыта, что позволяет захоронить эти проблемы под огульными обобщениями»² [Ibid.].

Особенности социального порядка России ложно выводятся С.Г. Кирдиной-Чэндлер из ее природно-климатических условий: «Неблагоприятный климат в тех местах, где расселились славянские племена, образовавшие затем древнерусское государство, обусловил применение специфических технологий обработки земли. Короткие сроки проведения полевых работ и особенности применявшейся подсеčno-огневой системы земледелия требовали концентрации коллективных усилий попеременно на разных этапах земледельческих работ. Поэтому возделывали землю, как правило, несколькими семьями или всем селением» [Кирдина, 2014. С. 270]. Факты же, вскрытые В.Р. Ключевским, никак не согласуются с этой гипотезой Кирдиной-Чэндлер: «На севере поселенец посреди лесов и болот с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было бы с некоторою безопасностью и удобством поставить ногу, выстроить избу. Такие сухие места, открытые пригорки, являлись редкими островками среди моря лесов и болот. На таком островке можно было поставить один, два, много три крестьянских двора. Вот почему деревня в один или два крестьянских двора является господствующей формой расселения в северной России чуть не до конца XVII в.»; «Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает

¹ Ссылка сделана на источник 1994 г., когда конвенции по поводу написания фамилии *Friedman*, которая сейчас транслитерируется как Фридман, еще не было.

² Такое захоронение сейчас можно наблюдать в России, когда одна, большая часть оппозиционно настроенного населения, в поиске решения существующих острых проблем, обращается к марксизму и даже к сталинизму (см. мою статью посвященную сталинизму [Ефимов, 2020]), а другая, меньшая часть оппозиционно настроенного населения, к либертарианству в форме идей австрийской экономической школы.

к дружному действию общими силами» [Ключевский, 1987. С. 311, 315]. Знаменитая русская сельская община служила не для совместной обработки земли, а для совместной выплаты налогов при наличии круговой поруки и была, как утверждают многие исследователи, не исконным древним русским институтом, а появилась с возникновением Московской Руси для помещичьего и государственного удобства управлением крестьянством.

С.Г. Кирдина-Чэндлер характеризует «специфическую условно-верховную собственность и централизованное политическое управление» как необходимые условия «выживания русского общества»: «С самого начала российской государственности (выделено мною. – В.Е.) можно видеть, что основные условия производства, обеспечивающие *выживание русского общества* (выделено мною. В.Е.), были по своей сути коммунальными. Это значит, что они требовали коллективных усилий и общих правил для своего использования, что и обусловило становление и развитие институциональной системы, основанной на специфической условно-верховой собственности и централизованном политическом управлении...»; «Институт верховной условной собственности характеризует закрепление благ в редистрибутивных X-экономиках. В свою очередь, движение благ подчиняется действию института редистрибуции, который альтернативен институту обмена в модели Y-экономик...» [Кирдина, 2014. С. 273, 110]. Эта гипотеза С.Г. Кирдиной-Чэндлер о «специфической условно-верховой собственности и централизованного политического управления» как необходимых условий «выживания русского общества», находится в полном противоречии с фактами, изложенными В.О. Ключевским: «Государство понимали не как союз народный, управляемый верховной властью, а как государево хозяйство, в состав которого входили со значением хозяйственных статей и классы населения, обитавшего на территории государевой вотчины. Потому народное благо, цель государства, подчинилось династическому интересу хозяина земли, и самый закон носил характер хозяйственного распоряжения, исходившего из москворецкой кремлевской усадьбы и устанавливавшего порядок деятельности подчиненного, преимущественно областного управления, а всего чаще – порядок отбывания разных государственных повинностей обывателями». [Ключевский, 1988. С. 16]. Никакой редистрибуции, связанной со «стремлением экономических агентов к минимизации транзакционных издержек» [Кирдина, 2014. С. 111], тем более необходимой для выживания народа, в рамках этого социального порядка не происходило. Хотя при Сталине «редистрибуция» имела место в широких масштабах, но только она никак не была связана со «стремлением экономических агентов к минимизации транзакционных издержек». В.Ю. Катасонов, который посвятил экономике Сталина целую книгу, правильно пишет в ней следующее: «Как практик он (Сталин) чувствовал себя хозяином громадного государства, которое еще недавно называлось «Российская Империя», а теперь стало называться «СССР»» [Катасонов, 2014. С. 10]. Известно, что все в ближайшем окружении Сталина за глаза называли его «хозяином». Этот и предыдущий абзац показывают, как методология С.Г. Кирдиной-Чэндлер, традиционная для экономистов со времен А. Смита, четко сформулированная Дж.С. Миллем [Милль, 2012], отталкивающаяся от гипотез-предпосылок, а не от фактов, вводит в заблуждения.

Экономическая и социологическая³ дисциплины являются институтами, поэтому к ним в полной мере применим институционалистский подход, основанный на прагматической философии, рассматривающий *институты как совокупности опривыченных правил*. В работах С.Г. Кирдиной-Чэндлер легко просматриваются привычки советского обществоведа. Это и благословенный Марксом абстрактный характер общественных наук и поиск скрытых от наблюдения сущностей, законов и структур. Автор X-Y-теории прямо указывает на это: «Теория институциональных матриц продолжает традиции материалистической диалектики в познании общества, точнее, исторического материализма. Одной

³ С.Г. Кирдина-Чэндлер является доктором социологических наук.

из его центральных идей являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей»; «Под базовыми институтами понимаются глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения» [Кирдина, 2014. С. 51, 56]. Базовыми институтами у Кирдиной-Чэндлер являются не *опривыченные правила*, которые при массовой коллективной смене привычек могут меняться, в том числе в перспективе и радикально, а некоторые застывшие, неизменные *сущности-структуры*, которые приговаривают все общество к институциональной неизменности, а большинство его членов к терпению неудобного им социального порядка. Причем подразумевается, что терпеть это нужно во имя «выживания русского общества», а использование такого оборота неизбежно вполне может произвести сильный идеологический эффект.

Экономисты, воспитанные на марксистской политической экономии, обычно мне возражают, что «хозяйственная жизнь – это не только правила, верования, тексты и т.п., но и воспроизводственный процесс в единстве всех его фаз, в рамках которого возникают отношения между людьми, но и одновременно происходит воспроизводственное движение продукта»⁴. В этом же духе сформулировано в аннотации статьи следующее замечание С.Г. Кирдиной-Чэндлер: «Основным недостатком анализа денег при разных социальных порядках является отрыв от роли денег в воспроизводственном процессе» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 32]. Коммонс в своих взглядах на деньги, опираясь, в частности, на идеи Генри Маклеода [Macleod, 1855; Macleod, 1866; Маклеод, 1865], которого он назвал инициатором (*originator*) институциональной экономики [Commons, 1990. P. 399], определил деньги следующим образом: «[Д]еньги в их современном значении – это социальный институт фиксации долгов, их обращаемости и освобождения от них, долгов, возникающих в рамках транзакций ... [С]войство денег быть средством обмена является вторичным, первичным же является их свойство служить средством создания, передачи и погашения долгов. Но если, [деньги рассматривать] как социальный институт, то каждая транзакция по предоставлению займа создает новые деньги ..., а если так, то при определении денег нужно отказаться от статичной идеи количества и перейти к динамичной идее процесса. Процесс этот представляет собой миллионы транзакций, участниками которых являются банкиры» [Ibid., P. 399].

С.Г. Кирдина-Чэндлер пишет, что «также, как и Хубер, Ефимов поддерживает так называемую государственную теорию происхождения денег, относящую деньги «к общественной сфере и прерогативе правителей» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 38]. Да действительно, я использую в своей статье понятие «платежного сообщества», введенное представителем немецкой исторической экономической школы Георгом Кнаппом, автором государственной теории денег [Knapp, 1924]. Однако в моей статье я следую не столько государственной, сколько долговой теории денег, прекрасное изложение сути которой Дж. Коммонсом я привел выше⁵. Процесс, о котором пишет Коммонс, может быть также проинтерпретирован, как процесс записей и перезаписей долгов всего платежного сообщества, использующего одну и ту же валюту, членам этого сообщества в некой большой «бухгалтерской книге». Именно такому пониманию денег Дж. Коммонс придавал особое значение в своей институциональной экономике. Вот, что он пишет по этому поводу в своей автобиографии: «После многих лет работы над моей институциональной экономикой, я сделал Обязательство и Долг, а не Свободу и Любовь, основами институциональной экономики⁶» [Commons, 1964. P. 52].

⁴ Из письма зав. кафедрой экономической теории Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета В.Т. Рязанова от 31 августа 2015 г.

⁵ См. также [Ефимов, 2017].

⁶ “Eventually, after many years, in working out my institutional economics, I made Duty and Debt, instead of Liberty and Love, the foundations of institutional economics”.

Также в полном соответствии с привычками советского обществоведа С.Г. Кирдина-Чэндлер разделяет веру в дихотомию материализм-идеализм, рассматривая при этом материализм как верное, а идеализм как ложное мировоззрение. Обозначив авторов концепции «социального конструктивизма» П. Бергера и Т. Лукмана и такого основанного на прагматистской философии направления в социологии, как символический интеракционизм Г. Блумера, как «придерживающихся субъективистского подхода», то есть основывающихся на ложном мировоззрении, С.Г. Кирдина-Чэндлер явно не уделила достаточно времени для изучения их трудов. Идеи прагматистской философии Дж. Дьюи великолепно дополняются идеями концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, из которой можно много почерпнуть для понимания предмета исходной институциональной экономики Дж. Коммонса. Правило действия, соответствующее определенному верованию-убеждению, для того, чтобы действительно стать привычкой, должно повториться много раз, т.е. подвергнуться опривычиванию (*habitalization*) [Бергер и Лукман, 1995. С. 90]. Именно благодаря опривычиванию становится необязательным определять каждую встречающуюся ситуацию заново. Смыслы (*meanings*), которые человек придает своей деятельности, позволяют идентифицировать принадлежность ситуации к тому или иному классу, а следовательно и правило действия в этой ситуации [Там же. С. 91]. Г. Блумер резко выступал против того подхода в социальных науках, который и использует С.Г. Кирдина-Чэндлер: «Вместо того, чтобы идти в эмпирический социальный мир в первой и в последней инстанции, прибегают к априорным теоретическим схемам, множествам универсальных концепций и канонизированным правилам исследовательской процедуры. Именно они становятся посредниками во взаимоотношениях с эмпирическим социальным миром заставляя исследование служить их статусу и подчиняя эмпирический мир их предпосылкам» [Blumer, 1998. P. 33].

Автор X-Y-теории явно не осознает, утверждая, что «в конечном счете действия социальных субъектов ограничиваются, определяются <...> законами, которые они не в состоянии отменить ни в ходе реформ, ни в ходе революций» [Кирдина, 2014. С. 44], она следует теологической традиции Дж. Локка [Ефимов, 2018а. С. 11, 12], нацеленной на легитимацию существующего социального порядка. С.Г. Кирдина-Чэндлер указывает, что «наиболее известными теориями и направлениями в рамках объективистского подхода являются исторический материализм и теория способов производства К. Маркса, функционализм Э. Дюркгейма, структурный функционализм Т. Парсонса» [Кирдина, 2014. С. 44].

Читая тексты С.Г. Кирдиной-Чэндлер, становится совершенно очевидным, что Светлана Георгиевна просто пронизана идеями, которые она почерпнула из советских учебников по историческому материализму. Вот отрывок из учебника Высшей партийной школы при ЦК КПСС: «К. Маркс и Ф. Энгельс показали полную несостоятельность идеалистических воззрений на общество, которые ранее господствовали в социологии. Они научно показали, что главной и определяющей стороной общественной жизни является не идеальный, а материальный фактор, и прежде всего производство жизненных благ. Материальное производство, согласно учению исторического материализма, составляет основу и решающую силу общественного развития, определяющую в конечном счете все другие стороны общественной жизни. Сознание людей не только не является первичным по отношению к материальной жизни общества, но, наоборот, зависит от нее, определяется ею» [Амвросов, 1969. С. 4–5].

Дюркгейм определял социологию «как науку об институтах, их генезисе и функционировании», а институт – как «все верования, все поведения, установленные группой» [Дюркгейм, 1995. С. 20]. Дюркгейм близко подошел к пониманию института как опривыченных правил: «Вне индивидуальных действий, ими возбуждаемых, коллективные привычки (выделено мною. – В.Е.) выражаются в определенных формах, юридических и нрав-

ственных правилах, народных поговорках, фактах социальной структуры и т. д. Так как эти формы устойчивы и меняются в зависимости от того, как их применяют, то они составляют устойчивый объект, постоянную меру, *всегда доступную наблюдателю* (выделено мною. – В.Е.) и не оставляющую места для субъективных впечатлений и чисто личных представлений» [Там же. С. 67]. У Кирдиной-Чэндлер же институты – это «скрытые от прямого наблюдения условия <...> поведения» [Кирдина, 2014. С. 353]. Именно это и является центральным пунктом ее методологии, которую она назвала методологическим институционализмом⁷. Функционализм Дюркгейма также связан с понятием привычки: «Институты не устанавливаются декретами, они – следствие социальной жизни и лишь выражают ее вовне внешними символами. Структура – это утвердившаяся функция, это действие, которое выкристаллизовалось и стало *привычкой* (выделено мною. В.Е.)» [Дюркгейм, 1995. С. 193]. Недавние исследования показывают, что социология Дюркгейма была достаточно близка философии Дьюи [Deledalle, 2002; Point, 2017].

С.Г. Кирдина-Чэндлер признается, что «в разработке понятия институциональной матрицы продолжаются <...> традиции марксистского и структуралистского подхода», который «склонен объяснять природу любого данного институционального порядка, и особенно его динамику, отправляясь от принципов «глубинной» или скрытой структуры» [Эйзенштадт, 1999, с. 64]» [Кирдина, 2014. С. 68]. Именно постулирование этих «глубинности» и «скрытости», заимствованных у структурного функционализма Парсонса, в «методологическом институционализме» С.Г. Кирдиной-Чэндлер оправдывает ее формалистский метод: от аксиом-предпосылок, а не от фактов, к формальным конструкциям и выводом, на чем настаивал, рассматривая метод политической экономии, Дж.С. Милль [Милль, 2012]. В этом смысле и Кирдина-Чэндлер, и Парсонс используют подход, идентичный экономическому неоклассическому мейнстриму⁸. Его архитектор Альфред Маршалл сохранил в целостности традиционный для британской политической экономии абстрактно-априорный подход, четко сформулированный Дж. С. Миллем. «С другой стороны, интегрируя маржиналистскую революцию в свой экономикс, Маршалл сузил предмет экономической дисциплины, устранив из нее такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость» [Coats, 1993. P. 396]. С.Г. Кирдина-Чэндлер, по-видимому, не обратила внимание на критику Ш. Эйзенштадтом по этому поводу структурно-функционального подхода: «Главная слабость структурно-функционального подхода – это бросающееся в глаза пренебрежение значением, которое имеют особенно власти и характер конфликтов (из них наиболее серьезны конфликты из-за власти) в функционировании социальных систем, а также общим соотношением между подобными конфликтами и социальными изменениями. Равным образом представляется, что этот подход игнорирует естественную тенденцию любой социальной системы порождать внутренние противоречия заодно с изучением отношения этих противоречий к конфликтам вокруг власти. В результате структур-функционалисты не всегда подвергали систематическому анализу отношение между конфликтами вокруг власти и внутренними противоречиями, с одной стороны, и созданием новых уровней ресурсов, благодаря которым могли происходить системные изменения, – с другой» [Эйзенштадт, 1999. С. 66–67].

⁷ «Принцип методологического институционализма обращает наше внимание не на то, что, возможно, проще увидеть (действия экономических агентов), а на скрытые от прямого наблюдения условия этого поведения – институты» [Кирдина, 2014. С. 353].

⁸ С.Г. Кирдина-Чэндлер совсем не брезгает интегрировать в свою X-Y-теорию такие понятия экономического мейнстрима, как трансакционные издержки Рональда Коуза и X-эффективность Харви Лейбенштейна. По поводу последнего она пишет следующее: «Труды Х. Лейбенштейна, обнаружившего явление так называемой X-эффективности, прозвучали «заключительным аккордом» в понимании структуры экономических институтов в разных типах обществ» [Кирдина, 2014. С. 38].

Американский историк экономической мысли Р. Хайлбронер критикует экономический мейнстрим похожим образом, а именно, что он в своей идеологической функции вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти» и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов» [Heilbroner, 1988. P. 7–8].

Начав свою карьеру как экономист, Талкотт Парсонс, основатель структурно-функционального подхода, сыграл роковую роль как для экономической науки, так и для социологии. Вместо того, чтобы бороться с экономической неоклассикой и предложить экономической науке свою альтернативу, он много сделал, чтобы провести «демаркационную линию» между экономической наукой и социологией. Центральными фигурами его книги «Структура социального действия» [Парсонс, 2000. С. 43–328] были Вебер и Дюркгейм. В ней он развивал структурно-функциональный подход к анализу общества, который в течение определенного времени был очень влиятельным в социологии. Одной из черт его социологии было «пренебрежение проблемой исторической специфики, несмотря на прямое влияние на Парсонса Вебера и Вернера Зомбарта. Тем самым некоторые элементы традиции немецкой исторической школы были переведены в американский контекст. Но из них была выхолощена большая часть их содержания и смысла. По иронии судьбы, Парсонс достиг известности, создав аисторическую школу в социологии, частично путем вылавливания (*rummaging*) избранных кусков из исторически ориентированной интеллектуальной традиции» [Hodgson, 2001. P. 178].

2. О критике С.Г. Кирдиной-Чэндлер моей статьи «О двух типах социальных порядков»

Критика С.Г. Кирдиной-Чэндлер моей статьи резюмируется в аннотации следующим образом: «классификация социальных порядков Ефимова построена на неочевидных основаниях и не является, вопреки утверждению автора, институционалистской концепцией» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 32]. Очень кратко на эту критику я могу ответить так: в моей статье нет никакой классификации социальных порядков, а когда я пишу, что «анализ существующего в настоящее время в России социального порядка в статье построен на основе методологии исходного (*original*) институционализма», то прямо указываю на Коммонса, а не на Веблена, с которым Светлана Георгиевна и связывает это направление экономической мысли. По мнению американского историка экономической мысли Ф. Майровского, Веблен был в плену «наивной концепции науки» [Майровски, 2013b. С. 78].

Светлана Георгиевна пишет, что «дополнительным стимулом для написания статьи послужила дискуссия на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований в НИУ-ВШЭ (рук. В.В. Радаев)⁹ 21 мая 2019 г., где Ефимов лично представил свою концепцию о монетарном и патрональном социальных порядках» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 33]. Хотя в названии моей статьи присутствует слово «типы», но мои «типы» – это не дихотомия, не результат классификации социальных порядков по какому-то признаку, а совершенно почти автономные характеристики их важнейших признаков и их эволю-

⁹ Видеозапись этого моего выступления можно посмотреть здесь: vk.com/yefimov2019?w=wall515956126_165; vk.com/yefimov2019?w=wall515956126_164; vk.com/yefimov2019?w=wall515956126_163; vk.com/yefimov2019?w=wall515956126_159.

К сожалению, дискуссии, о которой пишет С.Г. Кирдина-Чэндлер, не получилось, так как на высказанные замечания, в том числе замечания Светланы Георгиевны, я не имел возможности ответить из-за исчерпания времени, выделенного на семинар. С презентацией, которую я использовал во время доклада, можно познакомиться здесь: yadi.sk/i/iq9s0u5aKAKaQg.

ционного развития. Тщетно ища признак классификации в моей статье¹⁰, С.Г. Кирдина-Чэндлер сама сформулировала его так: «Говоря о различиях монетарного и патронального социальных порядков, Ефимов основную разницу видит в том, «что движение экономических ресурсов при патрональном социальном порядке определяется далеко не только теми, у кого есть деньги, но также и теми, кто обладает определенным административным ресурсом, сила которого возрастает по мере движения вверх по вертикали власти и приближенности к главе государства» [Ефимов, 2019. С. 19]. Другими словами, различия этих двух социальных порядков в том, какие социальные группы управляют деньгами в обществе – финансовые и промышленные капиталисты, как при монетарном порядке, или патроны – главы организованных в вертикальные сети социальных ячеек, – при патрональном порядке» [Кирдина-Чэндлер, 2019. С. 36]. Такая формулировка несуществующего признака классификации происходит также от неверного восприятия текста моей статьи (Часть 2, разделенная на 2.1. и 2.2) посвященного патрональному социальному порядку. Не найдя в моей статье определения этого порядка (формулирование кратких определений вовсе не требуется в рамках институционалистской методологии Дж. Коммонса), Светлана Георгиевна попыталась сама сформулировать это определение опираясь на отдельные предложения моего текста, подразумевая, что в каждом из разделов текста сформулирован какой-то универсальный признак, характеризующий рассматриваемый порядок: «А что такое патрональный порядок? Его определения ни в одной из частей анализируемой статьи Ефимова обнаружить не удалось. Он просто констатирует, что такой порядок действует в России, и затем приводит свою версию истории нашей страны, которая, как он полагает, должна раскрыть нам сущность такого порядка» [Там же]. *На самом деле в данной статье понятие патронального социального порядка я применяю только к постсоветской России, все же предыдущие периоды в моей статье я рассматриваю как путь к нему. Некоторые характеристики этих предыдущих периодов сохраняются, а другие исчезают. Так ячейчатая природа российского общества практически полностью исчезла к моменту прихода к власти В.В. Путина. Поэтому совершенно ложным является следующая интерпретация: «"Продираясь через лес" множества самых разных свидетельств и историй, приводимых автором в тексте, можем увидеть, что патрональный порядок характеризует наличие взаимосвязанного множества социальных ячеек (как правило, организаций), в которые включены все члены общества <...>, главы ячеек автоматически являются патронами для членов ячеек <...>, т.е. «вынуждены играть патерналистскую роль, отвечая на ожидания своих сотрудников по отношению к своим начальникам» <...>, а сами эти ячейки организованы в вертикальные сети, имеющие системообразующий характер; лидер страны (в настоящее время это президент) является патроном этой вертикальной сети» [Там же].*

Далее Светлана Георгиевна пишет: « Можно предположить, что он, несмотря на отрицание им роли теоретических схем, имел все-таки какие-то фильтры, которые позволили ему отобрать излагаемые им «факты» для иллюстрации этого самого патронального порядка» [Там же]. Здесь С.Г. Кирдина-Чэндлер следует догме, которую мы уже обсуждали выше, что факты «отбираются» в соответствии с теорией. Очень показательно, что Светлана Георгиевна использует термин «иллюстрация», так как в ее методологической парадигме «факты» фактически играют роль только иллюстрации априорных теоретических положений. Убеждение, по-видимому, разделяемое С.Г. Кирдиной-Чэндлер, что практически под любую теорию можно подобрать иллюстрирующие ее факты, свидетельствует

¹⁰ Не желая проводить огульные обобщения разделяя два рассматриваемых порядка на универсальные классы по определенному признаку, я, тем не менее, помог читателю увидеть разницу между монетарным социальным порядком и патрональным социальным порядком, сказав, что эту разницу можно пояснить с помощью двух гипотез относительно судеб двух высокопоставленных государственных чиновников, а именно бывшего министра экономического развития России Алексея Улюкаева и действующего премьер-министра Франции Эдуарда Филиппа [Ефимов, 2019. С. 18–19].

о радикальном релятивизме сторонников этого положения и отрицании возможности выявления на базе изучаемых фактов четких социальных закономерностей (не путать с идущим от Дж. Локка понятием «законов»).

Я действительно в своей статье использую несколько существующих понятий и теорий. Это, прежде всего, кредитная (долговая) теория денег и понятия социальных сетей и патрон-клиентских отношений. Однако *они служат у меня не для отбора фактов, а для их интерпретации и объяснения*. Дж. Дьюи считал, что, будучи сформулированными и принятыми, понятия абсорбируют и в сжатой форме отражают предшествующий опыт, который вызвал появление этих понятий. Начиная проводить новое исследование-расследование, мы неизбежно отталкиваемся от имеющегося у нас опыта, который был зафиксирован в понятиях и связанном с ними понимании определенного объекта и/или явления, в частности, в понимании, принимающем форму теорий. Тем самым эти понятия и теории могут рассматриваться как инструменты познавательного процесса. Антрополог Клиффорд Гирц ввел понятие «насыщенного описания» (*thick description*) [Гирц, 2004], которое содержит как собранные данные, так и их анализ, так что сформированный таким образом текст дает понимание изучаемого объекта и аутсайдеру. Важно отметить, что восприимчивость читателя к определенным тестам может существенно зависеть от его методологических позиций. Члены современного сообщества экономистов, да и некоторых социологов и политологов, вряд ли легко воспримут оформление понимания изучаемого явления в виде «насыщенного описания» а-ля Клиффорд Гирц. Именно так я и оформил свою статью «О двух типах социальных порядков».

После всего выше сказанного я предлагаю читателю самому оценить следующий пассаж из статьи С.Г. Кирдиной-Чэндлер: « Но как, отказавшись от использования теоретических и методологических аналитических схем, преодолеть субъективизм и человеческие пристрастия при получении научного знания? Как отделить сведения и свидетельства от фактов? И разве можно исследователю, даже самому выдающемуся, «объять необъятное», не пропустив ни одного имеющегося в природе документа по поводу описываемых им событий? *Разве просто перечисление сведений о чем-либо и есть научное знание, которым Ефимов таким образом делится со своими читателями, являя нам это знание напрямую и непосредственно (как это иногда делает, Господь Бог)?* (выделено мною. – В.Е.). Но если в результате нам лишь предлагается ознакомиться с набором добытых автором документальных свидетельств (а многие из них действительно малоизвестные и интересные, поэтому чтение статей Ефимова – порой захватывающее занятие!), *при чем тут оригинальный институционализм* (выделено мною. – В.Е.) с его церемониальными и инструментальными институтами, *trained capacity*, корыстным интересом, демонстративным потреблением и прочими теоретическими новеллами? *Как Ефимов опирается на методологию оригинального институционализма, о чем заявил в первой из трех опубликованных в нашем журнале статей по рассматриваемой проблеме?* (выделено мною. – В.Е.). Поэтому, на наш взгляд, Ефимова вряд ли можно считать приверженцем институционального подхода. Анализ кейсов (как можно было бы определить стиль работы Ефимова) – распространенный метод институционального анализа. Однако изложение кейсов обычно следует логике предъявляемой исследователем теоретико-аналитической схемы, от чего Ефимов отказывается в своей работе. Поэтому, несмотря на утверждение Ефимова о том, что он разделяет (и реализует) институциональный поход Норта, Уоллиса и Вайнгаста к анализу социальных порядков¹¹, это не представляется очевидным» [Кирдина-Чэндлер, 2019а. С. 34–35].

¹¹ Интересно, где в моей статье Светлана Георгиевна обнаружила мое утверждение, что я разделяю (и реализую) институциональный поход Норта, Уоллиса и Вайнгаста к анализу социальных порядков?

3. Д. Норт, С.Г. Кирдина-Чэндлер и «самоопределение российского общества»¹²

Скажу честно, что мне и в кошмарном сне не могло присниться, что я разделяю (и реализую) институциональный подход Норта, Уоллиса и Вайнгаста к анализу социальных порядков, подход, продолжающий традицию, берущую свое начало в британских университетах, где центральным предметом была теология [Ефимов, 2014; 2016]. В своей книге С.Г. Кирдина-Чэндлер пишет: «Пониманию общества как институциональной структуры я обязана взглядам Э. Дюркгейма, но в наибольшей степени – Д. Норта. Его работа «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» продолжает оставаться моей “настойной книгой” многие годы. Именно в ней я впервые прочла об “институциональных матрицах”» [Кирдина, 2014. С. 38]. На меня книга Д. Норта [North, 1990] также произвела в свое время большое впечатление, и я решил встретиться с ее автором, что я и осуществил в 1992 г. Во время этой встречи я рассказывал ему, его сотрудникам и студентам о своем эксперименте в Переславском районе Ярославской области по институциональным изменениям в российском сельском хозяйстве¹³. Позже я понял, почему то, что я рассказывал, было всем им неинтересно. Вот, что писал Норт несколькими годами позже: «В нашей области налицо недостаток эмпирической работы. <... > Когда Ли Элстон, Трайн Эггертсон и я работали над книгой¹⁴, в которой хотели собрать эмпирические исследования в рамках новой институциональной экономической теории, у нас были большие трудности в том, чтобы найти достаточное число таких исследований. Все потому, что их просто было мало. Нам нужно значительно больше подкреплять эмпирической работой то, что мы пытаемся делать, работой, которая дает ключ к пониманию того, насколько хорошей является теория и что в ней нужно усовершенствовать» [North, 2000. Р. 8–9]. Таким образом, как самого Норта, так и его окружение, эмпирические исследования, если и интересовали, то только для того, чтобы проверить теорию, а не для получения новых знаний.

На самом деле книга «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки интерпретации письменной истории» Д.Норта, Дж.Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллиса и Вайнгаст, 2011] и книга С.Г. Кирдиной-Чэндлер «Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию» [Кирдина, 2014], возможно независимо от желания авторов, выполняют одинаковую функцию, а именно идеологическую легитимацию социальных порядков своих стран. С.Г. Кирдина-Чэндлер совершенно правильно указывает на «идеологическую предвзятость» теоретических построений Д.Норта, Дж.Уоллиса и Б. Вайнгаста, но не замечает таковых в своей теории. Дело в том, что существующий в России социальный порядок есть уродливая помесь элементов монетарного социального порядка с авторитарным политическим режимом. Я назвал этот порядок патрональным [Ефимов, 2018b; Ефимов, 2019], так как он основан на патрон-клиентских отношениях, где начальники (патроны) имеют в услужении тех (клиентов), кому они оказывают поддержку. Негативные последствия такого социального порядка россияне ощущают все в большей и большей степени. Российское общество должно осознать это и искать путей для своего развития как вне монетарного социального порядка, так и вне патронального.

С.Г. Кирдина-Чэндлер кратко поясняет свою теорию следующим образом: «X-матрица (в ней объединяются институты редистрибутивной экономики, унитарно-централизованного политического порядка и коммунитарной идеологии) доминирует в России, Китае,

¹² Выражение «самоопределение российского общества» заимствовано мной из названия статьи [Кирдина-Чэндлер, 2019b. С. 17]. Этому выражению я бы предпочел вопрос: «Кто мы и кем бы мы хотели стать?».

¹³ Этот эксперимент положил начало моим исследованиям русской аграрной институциональной системы [Ефимов, 2003; Ефимов, 2009; 2010].

¹⁴ Речь идет о книге [Alston, Eggertsson, North, 1996].

Корею, Японии, Индии и большинству стран Азии и Латинской Америки. Y-матрица с присущими ей институтами рыночной экономики, федеративной политической структурой и индивидуалистской идеологией преобладают в странах Европы и ее географических расширениях: США, Канаде, Австралии. При доминировании одной из матриц альтернативная матрица имеет комплементарный, дополняющий характер. [Кирдина-Чэндлер, 2019b. С. 16]. Патрон-клиентские отношения существуют во всех выше названных странах [Патрон-клиентские отношения в истории и современности, 2016; Eisenstadt and Roniger, 1984], однако в постсоветской России они стали преобладающими [Афанасьев, 2000]. Вопрос состоит в том, хочет ли российское общество «самоопределиваться» как патрон-клиентское общество? Ответ на этот вопрос не может быть сведен к определению «в каких отраслях и в каком соотношении действуют госкорпорации и частные фирмы; как и в какой пропорции сочетаются федеративные начала и централизация, выборность и назначения; в какой мере поддерживаются в чем-то альтернативные ценности свободы и порядка; что оказывается предпочтительным в конкретных ситуациях: конкуренция или кооперация» [Кирдина-Чэндлер, 2019b. С. 17].

Сейчас в России, несмотря на конституционный запрет (ст. 13 Конституции РФ), по существу, действуют две государственные идеологии. Одна из них, а именно неолиберализм, прививается в значительной мере через экономическое образование будущей хозяйственной и государственной элиты. А другая из них, которую В.В. Путин обозначил как «патриотизм», активно пропагандируется через средства массовой информации и ориентирована прежде всего на неэлитарный сегмент российского населения. Эта идеология излагается в публикациях декана факультета государственного управления МГУ В.А. Никонова, который одновременно является председателем Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по образованию и науке, а также членом Президиума Генерального совета партии «Единая Россия». Вот, что он пишет в своей статье, озаглавленной «Российская матрица»: «Необходимость обеспечивать выживание и обороноспособность большой территории, находящейся в сложном геополитическом окружении, предполагала мобилизацию и перераспределение ресурсов от исключительно бедного и весьма немногочисленного населения. Это, в первую очередь, привело к высокой степени централизации власти. Таким образом, доминировавший на протяжении большей части российской истории тип государственности был продиктован поиском оптимальной организации управления и выживания в крайне сложных климатических и географических условиях, опасном геополитическом окружении при исключительно слабых материальных основах общества и бедности населения»¹⁵ [Никонов, 2015. С. 12]. Историк-политолог В.А. Никонов и экономист-социолог С.Г. Кирдина-Чэндлер пропагандируют одну и ту же консервативную идею о невозможности отхода российского общества от «российской матрицы», апеллируя к эмоционально-чувственному компоненту значения слова «выживание».

В.А. Никонов более откровенен, чем С.Г. Кирдина-Чэндлер в характеристике этой «матрицы»: «Особое значение в государственной системе имели органы политического сыска – тайной полиции, выступающей инструментом контроля верховной власти над элитой и населением – опричнина в эпоху Ивана Грозного, Тайный приказ в царствование Алексея Михайловича, фискалат и прокуратура в период Петра I, Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, Департамент полиции и охранные отделения в XIX – начале XX века, органы ОГПУ-НКВД-КГБ в советское время. “Силовые структуры сами становились объектом борьбы между верховной властью и правящим слоем; перевес той или иной стороны во внутриэлитном противостоянии определялся, как правило, контролем над репрессивным аппаратом” [Гаман-Голутвина, 2006. С. 418–419]» [Никонов, 2015. С. 15]. Во второй части моей статьи, опираясь на работу О.В. Крыштановской [Крыштановская, 2004], я показываю как, вступив впервые в долж-

¹⁵ Эти же идеи развиваются В.А. Никоновым в его одноименной со статьей книге [Никонов, 2014].

ность президента страны, В.В. Путин создал свою вертикаль власти, опираясь на сеть чекистов (действующих и отставных сотрудников ФСБ), которая стала в определенном смысле системообразующей.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать заключение, что книга «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки интерпретации письменной истории» Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллиса и Вайнгаст, 2011], на базе понятий открытого и ограниченного доступа, дает видение социальных порядков, сложившихся на Западе и в России в пользу Запада. В книге «Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию» [Кирдина, 2014] С.Г. Кирдина-Чэндлер соглашается с традиционным для экономического мейнстрима видением западного социального порядка как рыночной экономики. Я же характеризую его как такой социальный порядок, где основным источником власти являются деньги. Что касается России, то отталкиваясь от понятия институтов редистрибутивной экономики, С.Г. Кирдина-Чэндлер, по существу, дает идеологическое оправдание существующего сейчас в России социального порядка. Я же в своей статье «О двух типах социальных порядков» [Ефимов, 2018а, 2018b, 2019] даю совершенно другое видение социальных порядков, сложившихся на Западе и в России, основываясь на историко-конструктивистском анализе их институционального генезиса. Современные социальные порядки на Западе и в России обладают глубокими пороками и требуют радикальных институциональных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

- Амвросов А.А. и др. (1969). Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. М.: Мысль.
- Афанасьев М.Н. (2000). Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: МОНФ.
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум.
- Гаман-Голутвина О. (2006). Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН.
- Дюркгейм Э. (1995). Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
- Ефимов В. М. (2007). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. № 8. С. 49–67.
- Ефимов В. М. (2009). Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. № 1. С. 74–116.
- Ефимов В. М. (2010). Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // Вопросы регулирования экономики. № 3. С. 8–91.
- Ефимов В. М. (2014). Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Т. 14. Вып. 2. С. 5–51.
- Ефимов В.М. (2016а). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.
- Ефимов В.М. (2016b). Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматистской философии // Журнал экономической теории. № 3. С. 50–63.
- Ефимов В.М. (2017). Конец алхимии финансов и суверенные деньги (О книгах М. Кинга «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики» и Й. Хубера «Суверенные деньги. За пределами банковского резервирования») // Вопросы экономики. № 12. С. 131–141.
- Ефимов В.М. (2018а). О двух типах социальных порядков. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–25.
- Ефимов В.М. (2018b). О двух типах социальных порядков. Часть 2-1 // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 28–46.
- Ефимов В.М. (2019). О двух типах социальных порядков. Часть 2-2 // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–23.
- Ефимов В.М. (2020). О политическом завещании Сталина // Вопросы регулирования экономики. № 1. С. 6–35.
- Катасонов В. (2014). Экономика Сталина. М.: Институт русской цивилизации.
- Кирдина С.Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., СПб.: Нестор-История.

- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019а). О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В.М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики, № 2. С. 7–25.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019б). К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. Т. 28. № 2. С. 6–24.
- Ключевский В.О. (1987). Сочинения: В 9 т. Т. I. М.: Мысль.
- Ключевский В.О. (1988). Сочинения: В 9 т. Т. III. М.: Мысль.
- Крыштановская О. (2005). Анатомия российской элиты. М.: Захаров.
- Майровски Ф. (2013а). Философские основания институционалистской экономики Ч. 1 // Terra Economicus. Т. 11. № 2. С. 82–93.
- Майровски Ф. (2013б). Философские основания институционалистской экономики Ч. 2 // Terra Economicus. Т. 11. № 3. С. 72–88.
- Маклеод Г.Д. (1865). Основания политической экономии. С.Пб.: Издание Николая Тиблена.
- Милль Дж.С. (2012). Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственной ей // Философия экономики. Антология под ред. Д. Хаусмана. М.: Издательство Института Гайдара. С. 55–76.
- Никонов В.А. (2014). Российская матрица. М.: Русское слово.
- Никонов В.А. (2015). Российская матрица // Современная Европа. №2 (62). С. 9–19.
- Норт Д., Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Парсонс Т. (2000). О структуре социального действия. М.: Академический проект.
- Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. (2016). М.: РОССПЭН.
- Пирс Ч.С. (2000). Избранные произведения. М.: Логос.
- Резерфорд М. (2012а). Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 2. С. 32–53.
- Резерфорд М. (2012б). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 4. С. 91–106.
- Фридмен М. (1994). Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. №4. С. 20–52.
- Эйзенштадт Ш. (1999). Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс.
- Alston L.J., Eggertsson T., North D.C. (1996). Empirical Studies in Institutional Change. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blumer H. (1998). Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Englewood cliffs. New Jersey: Prentice-Hall.
- Bush P.D. (1993). The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective // Tool M.R. (ed.). Institutional Economics: Theory, Method, Policy. Boston; Dordrecht; London: Kluwer Academic Publishers. Pp. 59–118.
- Coats A.W. (1993). The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. Vol. 2. London; New York: Routledge.
- Commons J.R. (1964). Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Commons J.R. (1990). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Deledalle G. (2002). French Sociology and American Pragmatism: The Sociology of Durkheim and the Pragmatism of John Dewey // Transactions of the Charles S. Peirce Society Vol. 38, No. 1/2, Essays in Honor of Richard S. Robin. Pp. 7–11.
- Dewey J. (1973). Lectures in China, 1919–1920. Honolulu: The University Press of Hawaii.
- Eisenstadt S.N. and L. Roniger (1984). Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heilbroner R. (1988). Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York; London: W.W. Norton & Co.
- Hodgson G.M. (2001). How Economics Forgot History. London; New York: Routledge.
- Knapp G.F. (1924). The State Theory of Money. London: Macmillan and Company Limited.
- Macleod H.D. (1855). The Theory and Practice of Banking. Vol. 1. London: Longman, Brown, Green, and Longmans.
- Macleod H.D. (1866). The Theory and Practice of Banking. Vol. 2. London: Longmans.
- Mini P. (1994). Cartesianism in Economics // Hodgson G.M., Samuels W.J. (eds). The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics. Vol. 1. Aldershot: Edward Elgar. Pp. 38–42.
- North D.C. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2000). Understanding Institutions // Ménard C. (ed.). Institutions, Contracts and Organizations. Perspectives from New Institutional Economics. Cheltenham: Edward Elgar. P. 7–10.
- Point C. (2017). Étude comparative du concept d'institution dans l'œuvre de John Dewey et d'Émile Durkheim // Revue Ithaque, No. 21. Pp. 137–162 (in French).
- Yefimov V. (2003). Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan (in French).

Ефимов Владимир Максович

vladimir-yefimov @yandex.ru

Vladimir M. Yefimov

Doctor of Economics, independent researcher, France

THREE VISIONS OF SOCIAL ORDERS IN THE WEST AND IN RUSSIA (The answer to S.G. Kirdina-Chandler)

Abstract. This article is a response to the reflections of S.G. Kirdina-Chandler published in the last issue of the journal on my article “On two types of social orders” published in three consecutive issues of the journal. Unfortunately, these reflections do not concern the vision of modern social orders in the West and in Russia set out in my article, but are devoted exclusively to criticism of the methodology I use. Despite the fact that the text of the second part of my article begins with a methodological introduction, which briefly describes the methodology of John Commons’ original institutionalism and provides a link to my book, where this methodology is described in detail, this was not enough to understand it and, apparently, to understand the article itself. Methodology of J. Commons is based on a pragmatic philosophy that most Russian social scientists do not know, and perhaps this is partly why it is rejected. In the first section, the book and articles of S.G. Kirdina-Chandler are analyzed. on the subject of criticism of the methodology described and used in them, as well as her vision of the social order in Russia. The second section of the article is a commentary on the criticism of S. G. Kirdina-Chandler of my article. The third section of the article describes the ideological orientation of the X-Y theory by S.G. Kirdina-Chandler.

Key words: *visions of social orders and the institutionalist methodology of J.J. Commons, monetary social order, patronal social order, X-Y theory, the contemporary Russia and ideologies.*

JEL Classification: B40, B52, E0, P0.

REFERENCES

- Afanasiev M.N. (2000). Clientelism and Russian statehood: a Study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia. M.: MONF. (In Russian).
- Alston L.J., Eggertsson T., North D.C. (1996). Empirical Studies in Institutional Change. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amvrosov A.A. and others (1969). Marxist-Leninist philosophy. Historical materialism. M.: Mysl. (In Russian).
- Berger P., Luckmann T. (1991). The Social Construction of Reality. London: Penguin Books.
- Blumer H. (1998). Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Englewood cliffs. New Jersey: Prentice-Hall.
- Bush P.D. (1993). The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective // Tool M.R. (ed.). Institutional Economics: Theory, Method, Policy. Boston; Dordrecht; London: Kluwer Academic Publishers. Pp. 59–118.
- Coats A.W. (1993). The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. Vol. 2. London and New York: Routledge.
- Commons J.R. (1990). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Commons J.R. (1964). Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Deledalle G. (2002). French Sociology and American Pragmatism: The Sociology of Durkheim and the Pragmatism of John Dewey // *Transactions of the Charles S. Peirce Society* Vol. 38, No. 1/2, Essays in Honor of Richard S. Robin. Pp. 7–11.
- Dewey J. (1973). Lectures in China, 1919–1920. Honolulu: The University Press of Hawaii.
- Durkheim, E. (1995). Sociology. Its subject, method, purpose. M.: Canon. (In Russian).
- Eisenstadt S. (1999). Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilizations. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Eisenstadt S.N. and L. Roniger (1984). Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge: Cambridge University Press.
- Friedman M. (1994). Methodology of positive economic science // *THESIS*. 1994. No. 4. Pp. 20–52 (In Russian).
- Gaman-Golutvina O. (2006) Political elites of Russia: Milestones of historical evolution. M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Heilbroner R. (1988). Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York; London: W.W. Norton & Co.
- Hodgson G.M. (2001). How Economics Forgot History. London; New York: Routledge.
- Katasonov V. (2014). Stalin’s Economy. Moscow: Institute of Russian civilization. (In Russian).
- Kirdina S.G. (2014). Institutional matrixes and development of Russia. Introduction to X-Y theory. Ed. 3-d. M.; St. Petersburg: Nestor-History. (In Russian).

- Kirdina-Chandler S.G.* (2019a). About money and social orders (reflections on the article by V.M. Yefimov) // Questions of theoretical economics. No. 2. Pp. 7–25. (In Russian).
- Kirdina-Chandler S.G.* (2019b). Towards self-determination of Russian society: in search of a coordinate system // World of Russia. Vol. 28. No. 2. Pp. 6–24. (In Russian).
- Klyuchevsky, V.O.* (1987). Works: In 9 vol. Vol. I. M.: Mysl. (In Russian).
- Klyuchevsky, V.O.* (1988). Works: In 9 vol. Vol. III. M.: Mysl. (In Russian).
- Knapp G.F.* (1924). The State Theory of Money. London: Macmillan and Company Limited.
- Kryshstanovskaya O.* (2005). Anatomy of the Russian elite. M.: Zakharov. (In Russian).
- Macleod H.D.* (1855). The Theory and Practice of Banking. Vol. 1. London: Longman, Brown, Green, and Longmans.
- Macleod H.D.* (1858). The Elements of Political Economy. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts.
- Macleod H.D.* (1866). The Theory and Practice of Banking. Vol. 2. London: Longmans.
- Mill J.S.* (2012). On the definition of the subject of political economy and the method of research peculiar to it // Philosophy of Economics. Anthology edited By D. Housman. Moscow: Publishing House Of The Gaidar Institute. Pp. 55–76. (In Russian).
- Mini P.* (1994). Cartesianism in Economics // Hodgson G.M., Samuels W. J. (eds). The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics. Vol. 1. Aldershot, UK: Edward Elgar. Pp. 38–42.
- Mirowski Ph.* (1987). The Philosophical Bases of Institutional Economics // Journal of Economic Issues. Vol. 21. No. 3. Pp. 1001–1038.
- Nikonov V.A.* (2014). The Russian Matrix. M: Russian word. (In Russian).
- Nikonov V.A.* (2015). Russian Matrix // Modern Europe. No. 2 (62). Pp. 9–19. (In Russian).
- North D.C.* (2000). Understanding Institutions // Ménard C. (ed.). Institutions, Contracts and Organizations. Perspectives from New Institutional Economics. Cheltenham: Edward Elgar. P. 7–10.
- North D.C.* (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
- North, D., Wallis J. and Weingast B.* (2011). Violence and social order. Conceptual framework for the interpretation of written human history. M.: Publishing House of Gaidar Institute (In Russian).
- Parsons T.* (2000). On the Structure of Social Action. Moscow: Academic project. (In Russian).
- Patron-client relations in history and modernity. Reader.* (2016). M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Point C.* (2017). Étude comparative du concept d'institution dans l'oeuvre de John Dewey et d'Émile Durkheim // Revue Ithaque. No. 21. Pp. 137–162. (In French).
- Rutherford M.* (2012b) Field, secret and participant observers in the American labor economics: 1900-1930 // Terra Economicus. 2012. Vol. 10. No. 4. Pp. 91–106. (In Russian).
- Rutherford, M.* (2012a). Wisconsin institutionalism: John R. Commons and his students // Terra Economicus. Vol. 10. No. 2. Pp. 32–53. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2015). On Pragmatist Institutional Economics // Математичне моделювання в економіці. No. 3. Pp. 27–54.
- Yefimov V.M.* (2016a). Economic science in question: other methodology, history and research practices. M.: KURS: INFRA-M, 2016. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2016b). Past and future of economic science from the point of view of pragmatist philosophy // Journal of economic theory. No. 3. Pp. 50–63.
- Yefimov V.M.* (2017). The end of alchemy of finance and sovereign money (On the books by M. King “The end of alchemy: Money, banking and the future of the global economy” and by J. Huber “Sovereign money. Beyond reserve banking”) // Problems of Economics. No. 12. Pp. 131–141. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2007). Subject and method of interpretive institutional economics // Questions of Economics. No. 8. Pp. 49–67. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2009). Evolutionary analysis of the Russian agrarian institutional system // Mir Rossii. No. 1. Pp. 74–116 (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2010). Russian agrarian institutional system (historical and constructivist analysis) // Journal of Economic Regulation. No. 3. P. 8–91 (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2014). How Founding Beliefs of Capitalism, University and Mathematics Shaped the Institution of Mainstream Economics // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch RAS. Vol. 14. No. 2. Pp. 5–51 (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2018a). On Two Types of Social Orders. Part 1 // Journal of Theoretical Economics, No. 1. Pp. 7–25. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2018b). On Two Types of Social Orders. Part 2-1 // Journal of Theoretical Economics, 2018, No. 2. Pp. 28–46. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2019). On Two Types of Social Orders. Part 2-2 // Journal of Theoretical Economics, 2019. No. 1. Pp. 7–23. (In Russian).
- Yefimov V.M.* (2020). On political testament of Stalin // Journal of Economic Regulation. No. 1. Pp. 6–35. (In Russian)
- Yefimov V.* (2003). Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan. (In French).

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.В. Верников

д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН, Москва

ПАТЕРНАЛИЗМ ГОСУДАРСТВА И ГАРАНТИРОВАНИЕ БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ¹

Аннотация. Автор утверждает, что теоретические обоснования необходимости гарантий по банковским вкладам включают аргументы патерналистского характера и этим схожи с теориями мериторных благ и опекаемых благ. Непосредственное участие государства в создании систем защиты вкладов и расходование государственных средств на поддержание их платежеспособности также служат доводом в пользу анализа защиты вкладов под таким углом зрения. Общественный выбор относительно защиты вкладов делался под воздействием групповых интересов, хотя и под прикрытием патерналистских установок. Российское общество привыкло к государственному патернализму и поэтому положительно восприняло новый институт. Гарантирование вкладов привело к перераспределению богатства от государства к частному сектору и от одних категорий вкладчиков и банков к другим. Действие системы гарантирования вкладов сместило в России институциональный баланс между социально-экономическими институтами патерналистского характера и рыночного характера, причем в пользу первых. По мнению автора, в случае гарантирования вкладов можно говорить не только о качестве институционального дизайна, но и об ошибке общественного выбора, заключающейся в подмене цели, ради которой институт создается.

Ключевые слова: государство, гарантирование вкладов, институт, патернализм, общественный выбор, институциональный дизайн, банки, Россия, перераспределение, мериторные блага.

JEL: B52, D78, E65, G21, G28, H41, P35.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10104

Введение

Цель данного текста – рассмотреть гарантирование банковских вкладов сквозь призму теорий мериторных благ и государственного патернализма. У общества в целом могут быть потребности, несводимые к потребностям индивидуальных членов общества [Рубинштейн, 2009], а государство как выразитель общественного интереса может иметь свое представление о желательном уровне потребления некоторых особых товаров и услуг, даже если текущий спрос на них недостаточен. Такие товары и услуги именуется мериторными благами [Musgrave, 1987].

Сюда попадает в первую очередь то, что связано с развитием человека, а именно здравоохранение, образование, культура и наука, но не сфера личных сбережений. Между тем институт защиты частных банковских вкладов, широко распространенный в современной экономике, имеет социальное измерение: в поле его действия попадают все те, у кого есть счет или вклад в банке, т.е. значительная часть взрослого населения страны. Неурядицы с банками могут обострить социальную и даже политическую ситуацию. Как

¹ Автор благодарит А.И. Волынского, М.С. Круглову, А.Я. Рубинштейна, Т.В. Чубарову и участников конференций и семинаров в Институте экономики РАН, НИУ ВШЭ и WINIR (Лунд, 2019) за комментарии и предложения.

и в случае с гуманитарной сферой, государство играет ведущую роль в создании данного института и расходует общественные средства на поддержание его жизнедеятельности. Но действительно ли в сфере частных сбережений удовлетворяется специфическая общественная потребность, и как формируется нормативный стандарт потребления данного блага, который может отличаться от предпочтений отдельных индивидуумов?

Не отрицая априори необходимость государственного вмешательства в данную сферу, я пытаюсь разобраться в том, являются ли известные недостатки и издержки гарантирования вкладов результатом ошибок общественного выбора в отношении данного института (например, подмены цели) либо результатом ошибок при его внедрении и настройке режима действия. В число более конкретных задач, решаемых в статье, входит рассмотрение теоретических и политических мотивов участия государства в гарантировании банковских вкладов, выявление направленности гарантирования вкладов в России и значения патерналистских мотивов, постановка вопроса о перераспределении общественного богатства вследствие гарантирования вкладов, а также о воздействии гарантирования вкладов на институциональную динамику России. Эти задачи предопределили дальнейшую структуру текста.

1. Общественный интерес, государство и гарантирование вкладов

В работах по экономической теории в общем виде сформулированы критерии того, какие товары и услуги относятся к мериторным. Потребление мериторных благ отвечает долгосрочным интересам экономики и общества, хотя частный спрос на них невысок, т.е. совокупная общественная польза, особенно в долгосрочном плане, может превышать сумму индивидуальных полезностей. Поэтому государство своим финансированием стимулирует спрос на мериторные блага до некоего желательного уровня, который само же и определяет [Musgrave, 1987]. Какая здесь связь с защитой банковских вкладов?

Проблематика защиты вкладов в литературе по финансам и банковскому делу обычно рассматривается в контексте ликвидности банков и системного риска. Любому банку, который использует привлеченные от вкладчиков средства для вложения в активы с неабсолютной ликвидностью (прежде всего в кредиты), грозит «набег» со стороны вкладчиков, т.е. одномоментное изъятие большого числа вкладов, часто вызываемое субъективными причинами. В итоге потери от краха банка несут все стороны и даже посторонние лица. Лейтмотив концепций гарантирования вкладов² заключается в том, что из-за высоких общественных издержек банковского кризиса обществу следует обезопасить банки от угрозы «набега» вкладчиков [Bryant, 1980; Diamond, Dybvig, 1983; Keely, 1990; Calomiris, 1999; Allen et al., 2015]. Как видим, теоретические обоснования гарантирования вкладов исходят из якобы нерационального поведения людей, что сближает их с аксиоматикой традиционной теории мериторных благ [Musgrave, 1987] и современных концепций государственного патернализма [Капелюшников, 2013а; Капелюшников, 2013б; Либман, 2013; Чубарова, 2017; Рубинштейн, 2018]. Нерациональность в данном случае состоит в том, что вкладчики склонны к панике и стадному поведению и поэтому забирают вклады из банка, относительно которого возникли сомнения или прошла негативная информация.

Гарантии успокаивают вкладчиков, у которых снижается вероятность потери сбережений, и их банки, которые теперь меньше опасаются «набега». Гарантирование вкладов воздействует на решение вкладчика относительно своих средств – хранить ли их в том

² К моменту появления в США системы страхования вкладов национального масштаба (1933 г.) экономическая теория еще не создала для нее солидного обоснования, и ее введение было чисто политическим решением. Наиболее известные теоретические работы на данную тему появились значительно позднее, так что рационализация участия государства в защите частных банковских вкладов произошла пост-фактум.

или ином банке или изъять. Уменьшается склонность вкладчиков к панике, подавляется желание срочно изъять свой вклад из банка. Это созвучно теории о необходимости корректировать нерациональный выбор отдельных людей и, по выражению Р. Талера, «подталкивать» (nudge) их к «правильному» поведению, а именно оставлению своих вкладов банке. Такой подход органично вписывается и в современные концепции патернализма, которые опираются на успехи экспериментальной и поведенческой экономики [Thaler, Sunstein, 2003; Капелюшников, 2013а; Капелюшников, 2013б; Белянин, 2018]. Заметим, что негативная информация о банке может соответствовать действительности, и тогда изъятие средств из такого банка стало бы как раз рациональным поведением, а гарантирование вкладов – механизмом, подавляющим естественную реакцию экономических акторов и разрушающим механизм рыночного дисциплинирования [Demirgüç-Kunt, Huizinga, 2004].

При обосновании введения гарантий по банковским вкладам всегда звучит мотив заботы о мелких вкладчиках, «простых людях», которым предположительно не хватает информации, воли и ресурсов, чтобы оценить некоторые общественные блага [Musgrave, 1987]. В нашем случае речь, видимо, идет о способности разобраться в надежности банка, которому человек намерен доверить свои средства. Этот аргумент представляется уязвимым. В отличие от большинства «доверительных услуг», качество которых сложно оценить заранее, при выборе банка его качество, – а, значит, и свои риски, – оценить возможно. В эпоху интернета для получения нужной информации требуются небольшие усилия и затраты; было бы желание. Финансовая отчетность банков теперь является общедоступной, а ее достоверность повышается. Есть разные признаки, позволяющие адекватно оценить риски банка – например, предложение завышенных процентных ставок по вкладам. Вкладчики воспринимают процентную ставку по депозитам как отражение ненаблюдаемого риска банка, и чем слабее банк, тем более высокую ставку он готов предложить [Ungan et al., 2008; Karas et al., 2010].

Важно выяснить, в чем именно может заключаться функция общественной полезности, которую призвано выполнить гарантирование вкладов. Потребностями общества, которые государство берется здесь удовлетворить, являются вовлечение частных сбережений в финансовый сектор и одновременно предотвращение системного банковского кризиса, который может возникнуть из-за недоверия вкладчиков к своим банкам. Минимизация потерь отдельных граждан и сокращение их издержек при смене банка остаются их частным делом. Однако отсутствие финансовой стабильности наносит ущерб и обществу в целом, и в попытке минимизировать свои издержки от краха банков общество готово пойти на вмешательство в сферу частных сбережений. Общей же пользе отвечает рост частных сбережений и их стабильность, что соответствует по смыслу одному из признаков мериторного блага. Так мериторным благом или опекаемым благом³, претендующим на заботу общества, оказывается банковская услуга по хранению сбережений физических лиц. Управление риском ликвидности в частных банках фактически вводится в круг общественных интересов, а издержки решения этой проблемы перекладываются на все общество.

Природа мериторного блага предполагает, что общество делает сознательный выбор относительно его распределения и использования. Сегодня в основном лишь приверженцы либертарианских взглядов позволяют себе утверждать, что прямые и косвенные издержки от гарантирования вкладов государством превышают выгоды, и что государство не должно участвовать в финансировании таких систем; они должны быть частными и добровольными [Hogan, Luther, 2014; Hogan, Johnson, 2016; Hogan, Luther, 2016]. Судя по тому, что системы защиты вкладов есть более в 100 странах мира, общество обычно выбирает вовле-

³ «Опекаемые блага» – любые товары и услуги, в отношении которых имеется общественный интерес; производство и потребление которых связано с государственной деятельностью [Рубинштейн, 2009].

чение государства в сберегательную сферу. Правда, этот общественный выбор делается под сильным политическим давлением извне и изнутри каждой из стран [Calomiris, Jaremski, 2018]. Отражает ли это силу банковского лобби в общественно-политических структурах и/или иные факторы – тема для отдельного исследования.

Гарантирование вкладов вводится в обычном законодательном порядке, однако последующие расходы общественных средств могут происходить и «по факту», как было при вливании Банком России недостающих средств в систему страхования вкладов, по поводу которого решения принимались в исполнительном порядке, минуя стандартные бюджетные процедуры. Объем ресурсов, которые могут потребоваться для таких целей, заранее неизвестен.

Гарантирование вкладов стало одной из подсистем государственного регулирования банковской деятельности [Bart et al., 2013]. При этом, строго говоря, система защиты вкладов может быть не государственной, а частной или преимущественно частной, и такие примеры экономическая история знает, начиная с XIX в. в США [Евстратенко, 2009]. Однако в современных условиях мало какая из 112 существующих национальных систем защиты вкладов обошлась без участия государства [Demirgüç-Kunt et al., 2015]. Что касается конкретных параметров, то здесь есть широкий выбор вариантов. Исследователи Всемирного банка предложили оценивать степень щедрости систем защиты вкладов с помощью композитного «индекса защищенности» (safety net index – SNI), рассчитываемого методом главных компонент через оценку отдельно каждого параметра с точки зрения того, какой вариант предоставляет вкладчикам бóльшую защищенность [Demirgüç-Kunt et al., 2015]. В упрощенном виде щедрость системы страхования можно выразить через соотношение максимального размера страхового возмещения с годовым ВВП на душу населения или средним размером заработной платы.

«Индекс защищенности» (SNI) пришел на смену «индексу поощрения вкладчиков к недобросовестному поведению» (moral hazard index) [Demirgüç-Kunt et al., 2008]. Гарантирование вкладов непрерывно подрывает рыночную дисциплину и производит «*moral hazard*» [Demirgüç-Kunt, Huizinga, 2004; Allen et al., 2015; Calomiris, Jaremski, 2018], т.е. поощряет недобросовестное и безответственное поведение граждан и финансовых учреждений, выходящее за рамки разумной осторожности и морально-этических норм. Частные вкладчики, чьи вклады гарантированы или застрахованы, перестают интересоваться финансовым состоянием и деятельностью своих банков. Это подрывает рыночную дисциплину, то есть готовность и способность вкладчиков «наказывать» рискованные банки оттоком вкладов [Martínez-Pería, Schmukler, 2001], поощряет иждивенчество и безответственность.

Эффект «*moral hazard*» чаще всего навлекает на гарантирование вкладов критику ученых-экономистов, порой весьма жесткую⁴. При этом, правда, в рамках экономического мейн-стрима сам смысл существования данного института ставится под вопрос крайне редко, хотя данный вопрос напрашивается. Рекомендации ограничиваются корректировкой системы стимулов для минимизации недобросовестного поведения банков и вкладчиков.

2. Гарантирование вкладов в России: патернализм или иные мотивы?

Гарантирование вкладов официально появилось в России в конце 2003 г.,⁵ хотя и не было предопределено обстоятельствами того периода и произошло под влиянием субъективных факторов [Верников, 2019]. А первые попытки ввести гарантии по вкладам предпринимались уже в первой половине 1990-х гг. [Кротов, 2009]. В тот период наиболее чув-

⁴ Одна из статей на эту тему называется: «Расхищение вкладов» [Calomiris, Jaremski, 2018].

⁵ О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: Федер. закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ.

ствительными темами для широких слоев населения были: потеря рублевых сбережений из-за инфляции, быстрое обесценение национальной валюты и деятельность мошеннических небанковских организаций типа финансовых «пирамид». Перечисленные проблемы гарантирование банковских вкладов решить не могло. 63% вкладов населения находилось в Сбербанке, т.е. и так под гарантией государства, а вклады в частных банках были невелики и социальную напряженность не создавали.

Ни финансово-экономический блок правительства, ни центральный банк не были основным инициатором введения гарантий по вкладам; скорее, наоборот. Эта роль принадлежала небольшой группе депутатов Государственной думы, пользовавшихся поддержкой части экспертов, руководства банковских ассоциаций, представителей зарубежных центральных банков, правительств и международных организаций. Публично озвучивались такие цели, как защита вкладчиков, перевод сбережений из наличной формы в безналичную, приток сбережений в банки, прежде всего частные, преодоление недоверия к ним, повышение их конкурентоспособности, разрушение монополии Сбербанка России и даже содействие «расчистке» банковского сектора [Кротов, 2009]. Есть основания предполагать, что были и субъективные мотивы, включая добросовестное желание скопировать опыт «передовых» стран, стремление усилить частные коммерческие банки и найти для себя новую сферу деятельности [Верников, 2019]. Если бы эта задача имела лишь макроэкономическое измерение (перевести сбережения из наличной формы в безналичную), то с нею могло бы справиться и крупнейшее депозитарное учреждение (Сбербанк), оставшееся под контролем государства.

Аргументы патерналистского характера звучали достаточно отчетливо. По словам одного из ключевых руководителей банковского надзора и регулирования в тот период, «рядовые клиенты банков – это пассивное большинство, и их материальные интересы следует охранять не только из соображений общего гуманизма, но и в целях поддержания устойчивости банковской системы» (цит. по: [Кротов, 2009. С. 77]). Общественный запрос на заботу со стороны государства ощущался отчетливо ввиду разгула псевдорыночной стихии в финансовой сфере и понесенных населением потерь. Как в 1990-е гг., так и по сей день в массовом сознании живет надежда на государственную опеку, помощь и покровительство, а также стремление переложить ответственность за свои решения на чужие плечи [Нуреев, Латов, 2017. С. 167]. Выигрышная для политика тема «защиты простого вкладчика и заботы о его интересах» находила отклик у избирателей и присутствовала в предвыборных документах одного из основных инициаторов введения гарантий, а также поднималась представителями оппозиционных партий, склонными к популизму [Кротов, 2009. С. 105, 244].

Инициаторы введения гарантий по вкладам в России учли этот общественный запрос, выбрав соответствующий дизайн системы. Система страхования в стране единая; ее администратором является государство в лице специально созданной госкорпорации «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ); членство в системе обязательно для всех банков, работающих со средствами населения; в пределах лимита вклад компенсируется полностью; государство участвует в фондировании системы совместно с банками и пополняет ресурсы системы при их нехватке. Теоретически возможны и более «жесткие» параметры⁶, но по большинству позиций были выбраны такие, которые повышают защищенность и комфорт для вкладчика. Заметим, что дизайн системы определялся в России самостоятельно, в отличие от многих стран, несвободных в своем выборе⁷.

⁶ Например, лимит компенсации потерь мог бы применяться ко всем вкладам данного вкладчика во всех банках страны, а не в каждом банке, как сейчас. Задача защиты мелких вкладчиков при этом вполне решалась бы.

⁷ Для стран Центральной и Восточной Европы их членство в Европейском союзе предопределило параметры системы гарантирования вкладов и сам факт ее наличия в силу обязательности комплекса правовых институтов (*Acquis Communautaire*) и независимо от местных условий и пожеланий.

Предполагаю, что патерналистская риторика прикрывала протекционистский мотив – обеспечить ресурсами новые частные банки, причем за счет Сбербанка. В пользу этой гипотезы говорят данные банковской статистики: после введения страхования вкладов удельный вес частных банковских учреждений увеличился и достиг пика (35%) к началу 2008 г., тогда как доля Сбербанка сокращалась (рассчитано автором по данным Банка России).

Выборочный протекционизм по отношению к недавно возникшим частным банковским учреждениям свидетельствует о *нецелевом использовании*⁸ *гарантирования вкладов, т.е. о подмене цели, которую провозгласило общество, делая свой выбор. «Классическая» логика этого института требует предотвращать «набеги» лишь на хорошие надежные банки, незаслуженно пострадавшие из-за нерационального поведения вкладчиков. В России же страхование вкладов ввели для того, чтобы завести частные сбережения в банки, изначально не пользующиеся доверием по объективной причине своей ненадежности и отсутствия деловой репутации* [Верников, 2018а]. Это в значительной мере удалось: хотя доверие собственно к частным банкам осталось низким [Ибрагимова, 2015], но вкладчики тем не менее стали готовы разместить там свои средства [Ibragimova et al., 2015] – правда, чаще всего в размере, не превышающем застрахованную сумму.

Гарантирование вкладов в сочетании с санацией проблемных банков изменило поведение вкладчиков, которые теперь в меньшей степени склонны поддаваться панике при появлении негативной информации о банке, что позитивно. С другой стороны, вкладчики перестали интересоваться финансовым состоянием банка, которому они доверяют свои сбережения. Интерес частных вкладчиков к величине собственных средств (капитала) российских банков заметно ослабел после введения страхования [Chernykh, Cole, 2011]. Этот обезболивающий или отупляющий («numbing») эффект сохранился даже во время кризиса [Karas et al., 2013]. Поведение вкладчиков ставит под сомнение теоретический исходный посыл о том, что индивидуум не в состоянии разобраться в качестве банка. Стремление получить дополнительную выгоду за счет повышенных процентных ставок в слабых банках, не превышая при этом лимита возмещения, оказалось вполне рациональным, чего нельзя сказать о создателях такой системы, поощряющей оппортунизм за счет общества.

3. Перераспределение общественного богатства

Обычно декларируется, что гарантирование вкладов защищает в первую очередь мелких массовых вкладчиков. Однако в России лимит возмещения (1,4 млн руб.) в 7 раз превышает среднюю величину сберегательного вклада, которая, по данным «РИА Рейтинг», в конце 2019 г. составила 200 тыс. руб.⁹ (медианная величина вклада еще меньше). Поэтому преимуществами страховой защиты в наибольшей мере воспользовалась относительно обеспеченная часть вкладчиков, прежде всего в крупных городах. Об этом свидетельствует средний размер фактически выплаченного страхового возмещения, который вырос с 66 тыс. руб. в 2005 г. до 634 тыс. руб. и 528 тыс. руб. в 2017 г. и 2018 г., соответственно (рассчитано автором по данным [Годовой отчет Государственной корпорации, 2019]). У наиболее уязвимых слоев населения сбережений в таком размере просто нет.

Гарантирование вкладов в России запустило перераспределение богатства от одних вкладчиков к другим, от одних банков к другим и от государства к другим участникам

⁸ О нецелевом использовании института см. [Полищук, 2008].

⁹ Величина среднего депозита сильно (до 100 раз) варьирует в зависимости от субъекта Федерации. Самый высокий показатель в Москве (822 тыс. руб.), но, если его исключить, то средняя по стране сразу падает до 142 тыс. руб. В девяти регионах средняя величина составляет менее 50 тыс. руб. (ria.ru/20191125/1561126844.html).

экономических отношений по поводу гарантирования вкладов. Перераспределение – это одна из основных форм интеграции хозяйства, а в некоторых общественных системах даже преобладающая форма [Polanyi, 2001]. Дизайн системы страхования вкладов, как и любой страховой схемы, тоже подразумевает солидарность и перераспределение. Но какое именно перераспределение, от кого к кому?

Опытные специалисты в правительстве и центральном банке и ответственные политики предупреждали: из-за преждевременного введения гарантий средства государства и сильных банков, включая Сбербанк, будут потрачены на выплаты вкладчикам слабых и недобросовестных учреждений [Кротов, 2009]. Так и случилось. С момента создания АСВ 4,1 млн вкладчиков получили страховое возмещение на общую сумму 1,95 трлн руб. (www.asv.org.ru/agency/statistical_information/). Разумеется, практически все из 500 страховых случаев по линии АСВ пришлось на частные банки, тогда как нетто-донорами системы стали государственные и иностранные банки и их вкладчики. Даже в благополучный период, пока системе страхования хватало собственных ресурсов, банки с государственным участием своими страховыми взносами формировали часть этих ресурсов, пропорциональную своей доле на рынке частных вкладов, то есть превышающую половину (в настоящее время – три четверти). Вкладчики государственных и иностранных банков недополучали часть дохода по своим вкладам, направляемую в виде обязательных взносов в фонд страхования вкладов.

Основными же бенефициарами являются вкладчики частных банков, получающие завышенные проценты по вкладам без изменения степени риска для себя, и стейкхолдеры этих банков, получившие в свое распоряжение ресурсы, на которые не могли бы рассчитывать в отсутствие гарантий по вкладам. Расцвело оппортунистическое поведение, когда вкладчик максимизирует свой процентный доход, предполагая или заведомо зная, что банк ненадежный и может скоро рухнуть, но система страхования компенсирует всю сумму. Возникло понятие «серийный вкладчик», т.е. лицо, которое раз за разом размещает депозиты под самую высокую ставку, невзирая на надежность банков, и после краха этих банков получает возмещение, став «постоянным клиентом» АСВ. Значительная часть застрахованных вкладов направляется на покрытие убытков банка либо к моменту краха выводится из банка и похищается его инсайдерами (владельцами и высшими менеджерами). Об этом можно судить по размерам отрицательного капитала таких банков [Мамонов, 2017]. Несмотря на усилия АСВ, вернуть удается лишь малую долю выведенных средств.

Случившиеся после 2015 г. один за другим несколько крупных страховых случаев вывели на пик страховые выплаты пострадавшим вкладчикам, что быстро истощило ресурсы, внесенные банками в виде страховых взносов. Это, в свою очередь, вынудило АСВ обратиться к государству за чрезвычайным финансированием. По заключенному с Банком России кредитному договору АСВ получило 842 млрд руб., направленные на выплату страхового возмещения вкладчикам (www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/613325/) и позволившие удержать систему «на плаву».

По моим расчетам, масштабы перераспределения общественного богатства через систему гарантирования вкладов колебались в широком диапазоне – от 0,1% годового ВВП России в 2013 г. до 0,7% ВВП в 2016 г. Это самая минимальная оценка. Сопоставимые по масштабам ресурсы были направлены через учрежденный Банком России в 2017 г. Фонд консолидации банковского сектора на финансовое оздоровление нескольких крупных несостоятельных банков («Открытие», Бинбанк, Промсвязьбанк, «Траст») и не попали в страховую статистику АСВ, но тоже были потрачены в основном на выполнение обязательств перед вкладчиками и другими кредиторами этих банков. Кроме того, необходимо учитывать чистую приведенную стоимость полученных АСВ кредитов центрального банка, поскольку они предоставлены под очень низкую нерыночную ставку. Это тоже общественные средства. Донорами системы прямо или косвенно стали не только все остальные

вкладчики, но и те 24% взрослого населения страны, у которых, по данным Всемирного банка, вообще нет банковского счета (globalfindex.worldbank.org). Их интересы сделанный общественный выбор явно не учел.

Таким образом, некоторые социальные группы (вкладчики и инсайдеры частных банков) добились перераспределения общественного богатства в свою пользу, эксплуатируя общество. Критерии солидарности и справедливости не соблюдаются, так как система оказалась открытой, а не замкнутой, и потребовала вливания общественных средств. Издержки гарантирования вкладов были переложены на всех, включая граждан, у которых вообще нет банковских вкладов. Возможность извлечения асимметричных выгод дает основание охарактеризовать данный институт как «экстрактивный», используя термин [Аджемоглу, Робинсон, 2017].

4. Гарантирование вкладов и институциональная динамика

В России до 2003 г. не было формального гарантирования вкладов, однако отсутствие формального института компенсировалось неформальными: действовала продекларированная государственная гарантия возвратности вкладов в Сбербанке, пусть и не подкрепленная институциональным механизмом и финансовыми ресурсами¹⁰. К тому моменту, когда возникла тема гарантирования вкладов, институциональный баланс в стране оказался смещен: традиционные общественные институты патерналистской и протекционистской направленности уступили место индивидуализму и социальному дарвинизму. Государство ослабило заботу о своих гражданах и их опеку. Миллионы людей потеряли свои средства в «финансовых пирамидах» и больше не доверяли никому, включая недавно возникшие банки. Уже после 1998 г. маятник общественных предпочтений начал возвратное движение от вседозволенности в сторону большей дисциплины и опеки граждан со стороны государства. Это не было случайным: традиции государственного патернализма и перераспределения общественных благ имеют в России глубокие корни и воспроизводятся в том или ином виде при первой подходящей возможности [Кирдина, 2001; Нуреев, Латов, 2017; Ефимов, 2019; Плискевич, 2019]. Зато институты личной ответственности и саморегулирования участников экономических отношений традиционно слабы, плохо приживаются и требуют постоянной защиты.

В 1990-е годы Россия позаимствовала из-за рубежа много различных институтов, призванных обслуживать нарождающиеся рыночные отношения, и формальное гарантирование вкладов стало одним из них. В развитой рыночной экономике – например, на родине данного института в США – он играет роль противовеса по отношению к рыночным институтам свободной конкуренции и купирует некоторые их последствия. Вклады находятся в частных банках, а государство законодательно создает дополнительный контур безопасности (safety net) для вкладчиков и банков. Эту роль гарантирование вкладов могло бы играть и в России, но при одном важном условии: если бы сберегательные учреждения стали преимущественно частными. Предложения раздробить и/или приватизировать Сбербанк существовали [Кротов, 2010], и подобное произошло с другими «спецбанками» СССР [Schoors, 2003], но эти планы не осуществились. Сбербанк остался государственным, и введенные гарантии, по сути, продублировали уже имеющуюся ответственность государства по обязательствам государственных же банков. Именно в них хранится основная масса частных вкладов: 67,7% к началу 2004 г. и 75% к началу 2019 г. (расчет автора по данным Банка России).

¹⁰ Сбербанк не смог избежать панического оттока вкладов в 1998 г. [Pyle et al., 2012], пусть даже вызванного больше опасениями обесценения рубля, чем сомнениями в надежности банка.

При импорте институтов обычно возникают непредвиденные эффекты: блокировка, отторжение, «захват» заинтересованными сторонами, перерождение (мутация), использование не по назначению [Норт, 1997; Rodrik, 2000]. Так часто происходило и в России [Полтерович, 2001; Мау и др., 2003; Кузьминов и др., 2005; Полищук, 2008], однако как раз гарантирование вкладов легко вписалось в систему российских общественных институтов, не вступив в конфликт с ними. Появившись благодаря усилиям маленькой группы энтузиастов [Верников, 2019], новый институт затем включил в орбиту своего действия более чем 1000 банков, каждый из которых привлек новых вкладчиков, создав себе массовую базу поддержки, состоящую из значительной части взрослого населения страны. Непосредственно затронутые люди исчисляются миллионами: к концу 2019 г. количество вкладчиков, имеющих право на страховое возмещение в банках, в которых наступил страховой случай, достигло 9,4 млн человек.

Гарантирование вкладов в России эволюционирует в сторону повышения ответственности государства и защищенности клиентов банков. Максимальный размер страхового возмещения корректировался в сторону увеличения уже 4 раза; в номинальном выражении оно увеличилось в 14 раз, со 100 тыс. руб. до 1 млн 400 тыс. руб. Пропорциональное (неполное) возмещение вклада при банкротстве банка (90% суммы вклада свыше 100 тыс. руб.) действовало очень недолго и было отменено в 2008 г. по причине якобы неэффективности, хотя такое правило более справедливо разделяет ответственность и риски между вкладчиком и государственной системой. По данным АСВ, доля потенциальных выплат по гарантии в совокупном объеме застрахованных вкладов выросла с 25% в 2004 г. до 69% в настоящее время. Соотношение максимального размера страхового возмещения с годовым ВВП на душу населения (сейчас около 200%) повышается, хотя и нелинейно (рисунок). Соотношение лимита страхового возмещения с величиной среднемесячной заработной платы в российской экономике (x32) превышает условный оптимальный уровень (x20).

Благодаря вовлечению колоссальных ресурсов в систему защиты вкладов – а в нее за годы существования поступило из разных источников 2 трлн 120 млрд руб. (расчет автора по данным АСВ) – у ее бенефициаров появилась возможность продвигать свои интересы в экспертном и политическом пространстве. Ангажированные политики и лоббисты различных мастей (прежде всего представляющие частные банки) выступают за дальнейшее расширение системы гарантирования и повышение ее льготности. Гарантирование постепенно распространилось на вклады субъектов микробизнеса, средства на эскроу-счетах для покупки недвижимости, депозитные сертификаты. Регулярно инициируется обсуждение того, как охватить гарантиями все новые виды банковских обязательств. Так, в июле 2019 г. Банк России опубликовал «доклад для общественных консультаций», в котором рассматривается возможность распространения защиты уже на счета и депозиты юридических лиц, причем не только мелких и даже средних [О совершенствовании системы обязательного страхования, 2019]. (В таких случаях принято ссылаться на опыт США, где все депозиты застрахованы). Скорректировать заданную динамику трудно, тем более в российских условиях. Мировой опыт предоставляет мало примеров эволюции от большей защищенности вкладчика к меньшей, хотя некоторые страны (Россия к ним не относится) снижали лимит возмещения после завершения кризиса доверия к банкам.

Таким образом, воздействие гарантирования вкладов на институциональную динамику видится мне в том, что усиливаются институты патерналистской и перераспределительной направленности, в то время как слабеют институты личной дисциплины и ответственности индивидуума. Такая динамика не ведет к постепенному переходу к государству участия, в котором каждый несет ответственность за свою финансовую безопасность [Шестакова, 2019]. Перекалывание гражданами всех последствий своего финансового поведения на государство и общество деформирует институциональный баланс и уменьшает устойчивость системы.

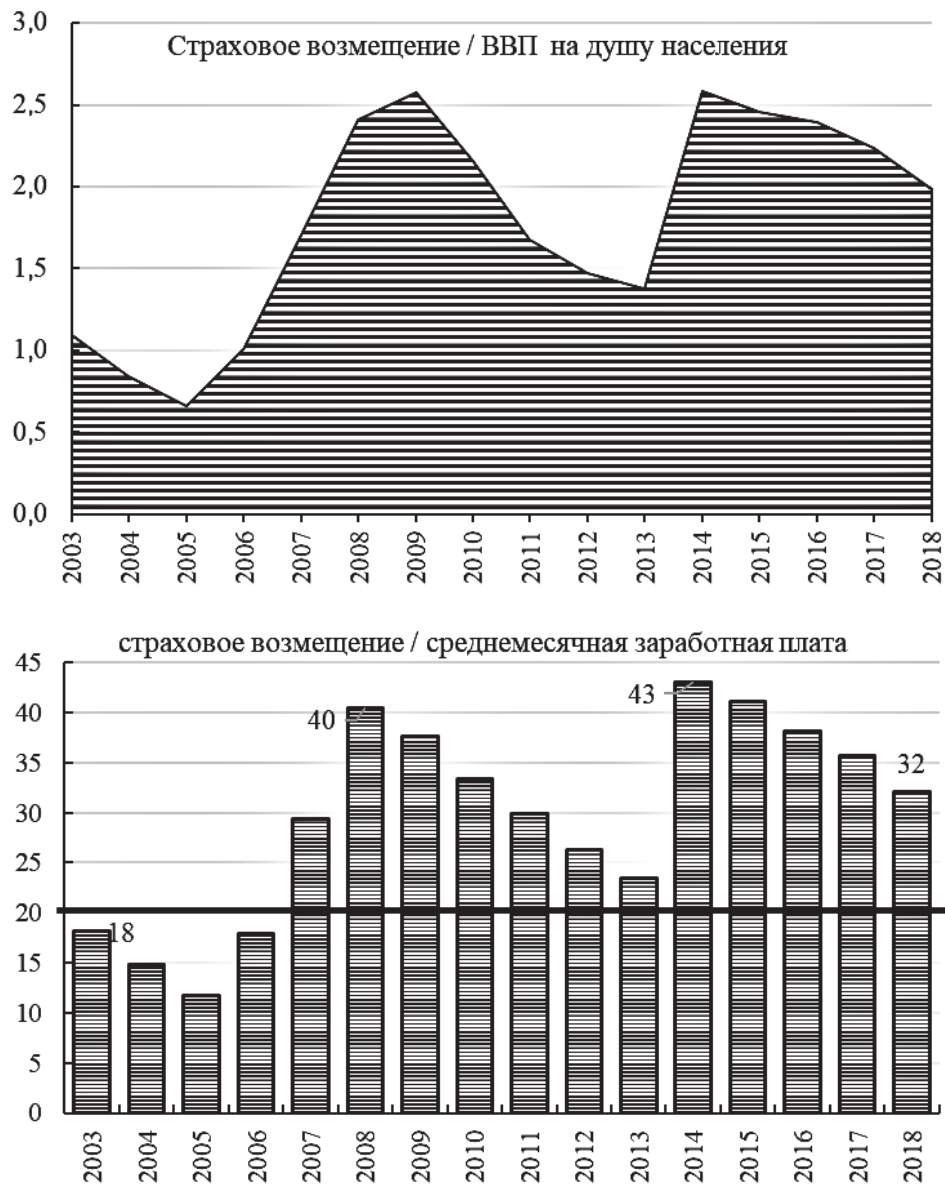

Рис. Максимальный размер страхового возмещения в относительном выражении
 Источники: Росстат; Банк России.

Заключение

Гарантирование частных вкладов является одним из элементов государственного регулирования банковской деятельности более чем в 100 странах мира, включая Россию. Его теоретическое обоснование в значительной мере совпадает с ключевой аксиоматикой теорий мериторных благ и государственного патернализма. И там, и здесь постулируется изначальная нерациональность человеческого поведения, неспособность людей принять правильное информированное решение, а также наличие представляющих общественную полезность товаров и услуг, на финансирование которых готово пойти государство с целью поддержать спрос на эти блага и их потребление. Банковская услуга по хранению сбережений де-факто вошла в число мериторных благ, даже если теоретические основания для этого зыбкие, а суждение о политической целесообразности формируется под воздействием частных и групповых интересов. Как и в отраслях гуманитарного сектора, государство непосредственно участвует в создании систем защиты вкладов и расходует средства

на поддержание их платежеспособности. Следовательно, появляются основания анализировать гарантирование банковских вкладов в контексте теорий современного патернализма наряду с образованием, культурой, здравоохранением и фундаментальной наукой. Введение данной проблематики в такой контекст было основной целью моей статьи и стало элементом ее научной новизны.

Хотя в появлении гарантирования вкладов в России не было исторической неизбежности, оно легко и бесконфликтно вписалось в местный комплекс институтов, не в последнюю очередь благодаря своей патерналистской направленности, созвучной традициям нашего «патронального» социального порядка. Выбор российского общества по данному вопросу не вызывает сомнений. Как нередко бывает с «опекаемыми благами», под прикрытием заботы о «простых людях» (мелких вкладчиках) продвигаются коммерческие и политические интересы, а именно протекционизм в пользу частных коммерческих банков, что позволяет говорить о подмене цели или нецелевом использовании нового института. Свою роль сыграли и особенности стратегии введения защиты вкладов – не после очистки банковского сектора от негодных участников, а одновременно с нею, а также сам дизайн системы страхования. В результате произошло перераспределение богатства от государства к частному сектору и от одних категорий вкладчиков и банков к другим. Кроме того, оно сместило в России институциональный баланс между социально-экономическими институтами патерналистского и перераспределительного характера, с одной стороны, и институтами прорыночной направленности (дисциплина и личная финансовая ответственность), с другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2017). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: ЭКСМО.
- Белянин А.В. (2018). Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. № 1. С. 5–25.
- Верников А.В. (2018а). Гарантирование банковских вкладов в России: нецелевое использование института или его захват? Препринт WP1/2018/01. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Верников А.В. (2018б). Гарантирование банковских вкладов в России: дисфункция импортного института. М.: Институт экономики РАН.
- Верников А.В. (2019). Кому и зачем было нужно гарантирование вкладов? // Экономическая социология. Т. 20. № 2. С. 104–121.
- Годовой отчет Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» за 2018 год (2019). М. www.asv.org.ru
- Евстратенко Н.Н. (2009). Мировой опыт страхования вкладов // История создания российской системы страхования банковских вкладов. М.: Экономическая летопись. С. 11–26.
- Ефимов В.М. (2019). О двух типах социальных порядков // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–23.
- Ибрагимов Д.Х. (2015). Динамика доверия финансовым институтам и парадоксы сберегательного поведения населения // Банковское дело. № 12. С. 27–34.
- Капелюшников Р. (2013а). Поведенческая экономика и «новый» патернализм (Ч. 1) // Вопросы экономики. № 9. С. 66–90.
- Капелюшников Р. (2013б). Поведенческая экономика и «новый» патернализм (Ч. 2) // Вопросы экономики. № 10. С. 28–46.
- Кирдина С.Г. (2001). Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Кротов Н.И. (2009). История создания российской системы страхования банковских вкладов (Свидетельства очевидцев. Документы). М.: Экономическая летопись.
- Кротов Н.И. (2010). Павел Жихарев: «Сбербанк – это банк, который может все» // Банкир.Ру. 25.01.2010. bankir.ru/publikacii/20100125/pavel-jiharev-sberbank--eto-bank-kotorii-mojet-vse-4130410.
- Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. № 5. С. 5–27.
- Либман А.М. (2013). Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // Общественные науки и современность. № 1. С. 27–38.

- Мамонов М. (2017). «Дыры» в капитале обанкротившихся российских банков: старые факторы и новые гипотезы // Экономическая политика. Т. 12. № 1. С.166–199.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2017). Экономическая история России (опыт институционального анализа): Учебн. пособие. 2-е изд., перераб. М.: КНОРУС.
- О совершенствовании системы обязательного страхования вкладов в банках Российской Федерации. (2019). Доклад для общественных консультаций. Июль 2019 г. М.: Банк России.
- Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2018 году (2019). М.: Банк России.
- Плискевич Н.М. (2019). Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // Вопросы теоретической экономики. № 1. С.100–115.
- Полищук Л. (2008). Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. № 8. С. 28–44.
- Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50.
- Рубинштейн А.Я. (2009). К теории рынков «опекаемых благ». Ст. I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. № 1. С. 139–153.
- Рубинштейн А.Я. (2018). Теория опекаемых благ: Учебник. СПб.: Алетейя.
- Чубарова Т.В. (2017). Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Общественные науки и современность. № 6. С. 43–54.
- Шестакова Е.Е. (2019). Современное социальное государство: патрон или помощник? // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 104–117.
- Allen F., Carletti E., Goldstein I., Leonello A. (2015). Moral hazard and government guarantees in the banking industry // Journal of Financial Regulation. V. 1. No. 1. Pp. 30–50.
- Barth J., Caprio G., Levine R. (2013). Bank regulation and supervision in 180 countries from 1999 to 2011 // Journal of Financial Economic Policy. V. 5. No. 2. Pp. 111–219. doi.org/10.1108/17576381311329661.
- Bryant J. (1980). A model of reserves, bank runs, and deposit insurance // Journal of Banking and Finance. Vol. 4. No. 4. Pp. 335–344.
- Calomiris Ch. (1999). Building an incentive-compatible safety net // Journal of Banking and Finance. Vol. 23. No. 10. Pp. 1499–1519.
- Calomiris Ch., Jaremski M. (2018). Stealing deposits: Deposit insurance, risk taking, and the removal of market discipline in early 20th century banks // Journal of Finance. Vol. 74. No. 2. Pp. 711–754. doi.org/10.1111/jofi.12753.
- Chernykh L., Cole R. (2011). Does deposit insurance improve financial intermediation: Evidence from the Russian experiment // Journal of Banking and Finance. Vol. 35. No. 2. Pp. 388–402.
- Demirgüç-Kunt A., Huizinga H. (2004). Market discipline and deposit insurance // Journal of Monetary Economics. Vol. 51. Pp. 375–399.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. (2008). Determinants of deposit insurance adoption and design // Journal of Financial Intermediation. Vol. 17. Pp. 407–438.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. (2015). Deposit insurance around the world: A comprehensive analysis and database // Journal of Financial Stability. Vol. 20. Pp. 155–183.
- Diamond D., Dybvig Ph. (1983). Bank runs, deposit insurance, and liquidity // Journal of Political Economy. Vol. 91. No. 3. Pp. 401–419.
- Hogan T., Luther W. (2014). The explicit costs of government deposit insurance // Cato Journal. Vol. 34. No. 1. Pp. 145–170.
- Hogan T., Luther W. (2016). The implicit costs of government deposit insurance // Journal of Private Enterprise. Vol. 31. No. 2. Pp. 1–13.
- Hogan T., Johnson K. (2016). Alternatives to the Federal Deposit Insurance Corporation // Independent Review. Vol. 20. No. 3. Pp. 433–454.
- Ibragimova D., Kuzina O., Vernikov A. (2015). Which banks do Russian households (dis-)trust more? // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х кн. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 4. М.: ИД НИУ ВШЭ. С. 548–556.
- Karas A., Pyle W., Schoors K. (2010). How do Russian depositors discipline their banks? Evidence of a backward bending deposit supply function // Oxford Economic Papers. Vol. 62. No. 1. Pp. 36–61.
- Karas A., Pyle W., Schoors K. (2013). Deposit insurance, banking crises, and market discipline: Evidence from a natural experiment on deposit flows and rates // Journal of Money, Credit and Banking. Vol. 45. No. 1. Pp. 179–200.
- Keely M. (1990). Deposit insurance, risk and market power in banking // American Economic Review. Vol. 80. No. 5. Pp. 1183–1200.
- Martínez-Pería M.-S., Schmukler S. (2001). Do depositors punish banks for bad behavior? Market discipline, deposit insurance, and banking crises // Journal of Finance. Vol. 56. No. 3. Pp. 1029–1051.
- Musgrave R. (1987). “Merit goods”. – in: The New Palgrave: A Dictionary of Economics. Vol. 3. Pp. 452–453.

- Polanyi K. (2001). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, 2nd ed. Boston: Beacon Press.
- Pyle W., Schoors K., Semenova M., Yudaeva K. (2012). Depositor behavior in Russia in the aftermath of financial crisis // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 53. No. 2. Pp. 267–285.
- Rodrik D. (2000). Institutions for high quality growth: What they are and how to acquire them // *Studies in Comparative International Development*. V. 35. No. 3. Pp. 3–31.
- Schoors K. (2003). The fate of Russia's former state banks: Chronicle of a restructuring postponed and a crisis foretold // *Europe-Asia Studies*. Vol. 55. No. 1. Pp. 75–100.
- Thaler R., Sunstein C. (2003). Libertarian paternalism // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179.
- Ungan E., Caner S., Özyıldırım S. (2008). Depositors' assessment of bank riskiness in the Russian Federation // *Journal of Financial Services Research*. Vol. 33. No. 2. Pp. 77–100.

Верников Андрей Владимирович

vernikov@inecon.ru

Andrei Vernikov

Dr.Sc. (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vernikov@inecon.ru

STATE PATERNALISM AND DEPOSIT GUARANTEE

Abstract. The paper claims that theoretical foundations of deposit guarantee include paternalistic reasons similar to those underpinning the theories of merit goods and patronized goods. Direct involvement of the state in the establishment of deposit guarantee systems and the use of public funds to ensure their solvency also support the analysis of deposit guarantees using merit goods concept. Public choice regarding deposit protection was influenced by vested interests of elite groups, under the camouflage of paternalistic rhetoric. The Russian society accepts and embraces state paternalism, which explains the positive perception of deposit guarantee. The new institution triggered wealth redistribution: from the public sector to the private sector and from some of the banks and depositors to others. Deposit guarantee introduction in Russia shifted the institutional balance between market-enhancing institutions and paternalistic ones. It is argued that the case of deposit guarantee illustrates both a faulty public choice, due to envisaged misuse of the institution, and mistakes in institutional design and implementation.

Keywords: *state, deposit guarantee, institution, paternalism, public choice, institutional design, banks, Russia, redistribution, merit goods.*

JEL Classification: B52, D78, E65, G21, G28, H41, P35.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2017). *Pochemu odni strany bogatiye, a drugiye bedniye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nischety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. M.: EKSMO.
- Allen F., Carletti E., Goldstein I., Leonello A. (2015). Moral hazard and government guarantees in the banking industry // *Journal of Financial Regulation*. Vol. 1. No. 1. Pp. 30–50.
- Barth J., Caprio G., Levine R. (2013). Bank regulation and supervision in 180 countries from 1999 to 2011 // *Journal of Financial Economic Policy*. Vol. 5. No. 2. Pp. 111–219.
- Belyanin A. (2018). Richard Thaler i povedencheskaya ekonomika: ot laboratornykh eksperimentov k praktike podtalkivaniya [Richard Thaler and behavioral economics: From laboratory experiments to the practice of nudging] // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 5–25.
- Bryant J. (1980). A model of reserves, bank runs, and deposit insurance // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 4. No. 4. Pp. 335–344.
- Calomiris Ch. (1999). Building an incentive-compatible safety net // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 23. No. 10. Pp. 1499–1519.
- Calomiris Ch., Jaremski M. (2018). Stealing deposits: Deposit insurance, risk-taking, and the removal of market discipline in early 20th-century banks // *Journal of Finance*. Vol. 74. No. 2. Pp. 711–754.
- CBR (2019a). *Upgrading Compulsory Deposit Insurance in Russian Federation Banks*. Public consultation paper. July 2019. Moscow: Central Bank of Russia.
- CBR (2019b). *Banking Supervision Report 2018*. Moscow: Central Bank of Russia.
- Chernykh L., Cole R. (2011). Does deposit insurance improve financial intermediation: Evidence from the Russian experiment // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 35. No. 2. Pp. 388–402.

- Chubarova T.* (2017). Paternalizm v sovremennom obschestve: ot produktovykh kartochek do bezuslovnogo dohoda [Paternalism in modern society: From grocery cards to unconditional income] // *Obschestvennye nauki i sovremennost.* No. 6. Pp. 43–54.
- Demirgüç-Kunt A., Huizinga H.* (2004). Market discipline and deposit insurance // *Journal of Monetary Economics.* Vol. 51. Pp. 375–399.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L.* (2008). Determinants of deposit insurance adoption and design // *Journal of Financial Intermediation.* Vol. 17. Pp. 407–438.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L.* (2015). Deposit insurance around the world: A comprehensive analysis and database // *Journal of Financial Stability.* Vol. 20. Pp. 155–183.
- DIA (2019). Deposit Insurance Agency Annual Report 2018. M.: Deposit Insurance Agency.
- Diamond D., Dybvig Ph.* (1983). Bank runs, deposit insurance, and liquidity // *Journal of Political Economy.* Vol. 91. No. 3. Pp. 401–419.
- Hogan T., Luther W.* (2014). The explicit costs of government deposit insurance // *Cato Journal.* Vol. 34. No. 1. Pp. 145–170.
- Hogan T., Luther W.* (2016). The implicit costs of government deposit insurance // *Journal of Private Enterprise.* Vol. 31. No. 2. Pp. 1–13.
- Hogan T., Johnson K.* (2016). Alternatives to the Federal Deposit Insurance Corporation // *Independent Review.* Vol. 20. No. 3. Pp. 433–454.
- Ibragimova D., Kuzina O., Vernikov A.* (2015). Which banks do Russian households (dis-)trust more? In: XV April International Academic Conference on Economy and Society (Ye. Yasin, ed.). M.: Higher School of Economics, Vol. 4. Pp. 548–556.
- Ibragimova D.* (2015). Dinamika doveriya finansovym institutam i paradoksy sberegatel'nogo povedeniya naseleniya [The dynamics of trust in financial institutions and the paradoxical saving behavior of the households] // *Bankovskoye delo.* No. 12. Pp. 27–34.
- Kapelyushnikov R.* (2013a). Povedencheskaya ekonomika i noviy paternalizm [Behavioral economics and new paternalism] (Part 1) // *Voprosy ekonomiki.* No. 9. Pp. 66–90.
- Kapelyushnikov R.* (2013b). Povedencheskaya ekonomika i noviy paternalizm [Behavioral economics and new paternalism] (Part 2) // *Voprosy ekonomiki.* No. 10. Pp. 28–46.
- Karas A., Pyle W., Schoors K.* (2010). How do Russian depositors discipline their banks? Evidence of a backward bending deposit supply function // *Oxford Economic Papers.* Vol. 62. No. 1. Pp. 36–61.
- Karas A., Pyle W., Schoors K.* (2013). Deposit insurance, banking crises, and market discipline: Evidence from a natural experiment on deposit flows and rates // *Journal of Money, Credit and Banking.* Vol. 45. No. 1. Pp. 179–200.
- Keely M.* (1990). Deposit insurance, risk and market power in banking // *American Economic Review.* Vol. 80. No. 5. Pp. 1183–1200.
- Kirdina S.* (2001). *Institucionalniye matritsy i razvitie Rossii* [Institutional Matrices and the Development of Russia, 2nd edition]. Novosibirsk: IIE SB RAS.
- Krotov N.* (2009). *Istoriya sozdaniya rossiyskoy sistemy strakhovaniya bankovskikh vkladov* [The History of the Russian Deposit Insurance System]. M.: Ekonomicheskaya letopis'.
- Krotov N.* (2010). Pavel Zhikharev: «Sberbank eto bank, kotoryy mozhet vso» [Pavel Zhikharev: «Sberbank is a bank that can do anything» // *Bankir.Ru.* 25.01.2010. bankir.ru/publikacii/20100125/pavel-zhikharev-sberbank--eto-bank-kotorii-mojet-vse-4130410.
- Kuzminov Ya., Radayev V., Yakovlev A., Yasin Ye.* (2005). *Instituty: ot zaimstvovaniya k vyraschivaniyu* [Institutions: From import to nurturing] // *Voprosy ekonomiki.* No. 5. Pp. 5–27.
- Libman A.* (2013). Socialniy liberalism, obschestvenniy interes i povedencheskaya ekonomika [Social liberalism, social interest and behavioral economics] // *Obschestvennye nauki i sovremennost.* No. 1. Pp. 27–38.
- Mamonov M.* (2017). «Dyry» v kapitale obankrotivshikh rossiykskh bankov: stariye factory i noviye gipotezy [Gaps in the capital of bankrupt Russian banks: Old factors and new hypotheses] // *Ekonomicheskaya politika.* Vol. 12. No. 1. Pp. 166–199.
- Martínez-Pería M.-S., Schmukler S.* (2001). Do depositors punish banks for bad behavior? Market discipline, deposit insurance, and banking crises // *Journal of Finance.* Vol. 56. No. 3. Pp. 1029–1051.
- Musgrave R.* (1987). “Merit goods”. In: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics.* Vol. 3. Pp. 452–453.
- North D.* (1997). *Instituty, institucionalniye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. M.: Nachala.
- Nureyev R., Latov Yu.* (2017). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institutsionalnogo analiza)* [Economic History of Russia (An Attempt of Institutional Analysis)]. M.: KNORUS.
- Plishevich N.* (2019). Arkhaika institutov i arkhaika paternalizma: yes' li vzaimosvyaz? [Archaic of institutes and archaic of paternalism: is there a connection?] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* No. 1. Pp. 100–115.
- Polanyi K.* (2001). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, 2nd ed. Boston: Beacon Press.
- Polishchuk L.* (2008). Netselevoe ispolzovanie institutov: prichiny i sledstviya [Misuse of institutions: Causes and consequences] // *Voprosy ekonomiki.* No. 8. Pp. 28–44.

- Polterovich Vol.* (2001). Transplantaciya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions] // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii. No. 3. Pp. 24–50.
- Pyle W., Schoors K., Semenova M., Yudaeva K.* (2012). Depositor behavior in Russia in the aftermath of financial crisis // Eurasian Geography and Economics. Vol. 53. No. 2. Pp. 267–285.
- Rodrik D.* (2000). Institutions for high quality growth: What they are and how to acquire them // Studies in Comparative International Development. Vol. 35. No. 3. Pp. 3–31.
- Rubinshtein A.* (2009). K teorii rynkov opekayemykh blag. St. 1. Opekayemiye blaga i ikh mesto v ekonomicheskoy teorii [To the theory of patronized goods markets. Art. 1. Patronized goods and their place in economic theory] // Obschestvennie nauki i sovremennost. No. 1. Pp. 139–153.
- Rubinshtein A.* (2018). Teoriya opekaemykh blag [Patronized Goods Theory]. SPb.: Aleteya.
- Schoors K.* (2003). The fate of Russia's former state banks: Chronicle of a restructuring postponed and a crisis foretold // Europe-Asia Studies. Vol. 55. No. 1. Pp. 75–100.
- Shestakova E.* (2019). Sovremennoe socialnoe gosudarstvo: patron ili pomoschnik? [Modern welfare state: Patron or assistant?] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 2. Pp. 104–117.
- Thaler R., Sunstein C.* (2003). Libertarian paternalism // American Economic Review. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179.
- Ungan E., Caner S., Özyıldırım S.* (2008). Depositors' assessment of bank riskiness in the Russian Federation // Journal of Financial Services Research. Vol. 33. No. 2. Pp. 77–100.
- Vernikov A.* (2018a). Garantirovanie bankovskikh vkladov v Rossii: netslevoe ispolzovanie instituta ili yego zakhvat? [Deposit insurance in Russia: Was the institution misused or captured?]. Working Paper WP1/2018/01. M.: Higher School of Economics.
- Vernikov A.* (2018b). Garantirovanie bankovskikh vkladov v Rossii: disfunkciya importnogo instituta [Malfunction of an imported institution: The case of deposit insurance in Russia]. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.
- Vernikov A.* (2019). Komu i zachem bylo nuzhno ganantirovanie vkladov? [Explicit deposit guarantee in Russia: Who needed it and what for?] // Ekonomicheskaya Sotsiologiya. Vol. 20. No. 2. Pp. 104–121. www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100780829&tip=sid&clean=0.
- Yefimov V.* (2019). O dvukh tipakh socialinykh poryadkov [On two types of social orders] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. Pp. 7–23.
- Yevstratenko N.* (2009). Mirovoy opyt strakhovaniya vkladov [International experience with deposit insurance]. In: Istoriya sozdaniya rossiyskoy sistemy strakhovaniya bankovskikh vkladov. M.: Ekonomicheskaya letopis'. Pp. 11–26.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.И. Яковлев

*к.э.н. доцент, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ», Санкт-Петербург*

ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ (FEDCOIN КАК ФОРМА CBDC)

Аннотация. В статье рассматривается позиция ФРС США по поводу введения государственной цифровой валюты на основе bitcoin/blockchain или Fedcoin. Это была первая и очень спорная попытка теоретически оценить преимущества и риски, связанные с созданием криптосистемы обмена на базе двух структур: традиционной двухуровневой банковской системы и децентрализованной платежной системы или blockchain.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка, CBDC, криптосистема обмена, Fedcoin, stablecoin, CAD-coin.

JEL: E40, E50, E69.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10105

В научной литературе по теории денег набирает популярность и является одной из актуальных идея цифровой валюты центрального банка (Central Bank Digital Currency или, сокращенно, CBDC) [Киселев, 2019]. Многих авторов привлекает, если можно так сказать, внешняя сторона вопроса – быстрое решение и простота действий. Но за этой видимостью скрываются, на мой взгляд, сложные, а значит, и непредсказуемые процессы формирования новых отношений в сфере денежного обращения.

Следует отметить такое новое явление, как своего рода «шаблон» обсуждения, который идет от своеобразного «научно-ведомственного» подхода, представленного в публикациях сотрудников различных подразделений (в том числе аналитических или в рамках специальных проектов) центральных банков ряда стран. Это формат «аналитической записки», или «мини бизнес-плана», где выводы или «summary» представлены сразу во введении, что несколько непривычно и влияет на восприятие текста [Gürtler, Nielsen, Rasmussen, Sprange, 2017]. Наряду с этим имеет место, конечно, и стандарт научной публикации, а также значимые с научной точки зрения тексты в блогосфере, сыгравшие заметную роль в формировании «повестки дня» при обсуждении CBDC.

Основная проблема, на мой взгляд, такова: научно-ведомственный подход, являясь авторитетным и ресурсоемким во всех смыслах, рассматривает CBDC «здесь и сейчас», что в общем-то объяснимо и простительно, поскольку диктуется практической задачей ведомства. Научно-ведомственный подход volens-nolens копируется сотрудниками университетов и других научных учреждений, что создает фон некой однозначности, даже односторонности и завершенности как в обсуждении, так и в теоретическом осмыслении этой проблемы.

Научно-ведомственный подход распространен повсеместно, а не только в России. У него есть и свои плюсы. Один из них – однозначность терминологии. Дискуссионных терминов в сфере CBDC сегодня практически нет, специалисты дискутируют в рамках

сформировавшейся терминологии [Bryanov, 2018], что значительно облегчает обсуждение вопросов.

Дискуссионность в отношении CBDC, впрочем, как и любой версии криптосистемы обмена, появляется, когда анализ выходит за рамки ее «бизнес-плана». Как только имеет место попытка исторически и логически рассмотреть ту или иную форму криптосистем обмена, сразу возникают вопросы и эти вопросы находятся уже в рамках теории денег, где есть немало «белых пятен».

Основной тезис научно-ведомственного подхода таков: CBDC идет на смену наличности (cash) [The Riksbank's e-krona project, 2017], это вопрос скорее технический, просто время полной замены привычных денег пока еще не пришло. Поэтому надо лишь подумать над техническими деталями перехода. На самом деле этот вопрос не просто дискуссионный, а остро дискуссионный, и даже более «чреват последствиями», чем само по себе признание bitcoin законным платежным средством. Почему?

От взгляда специалистов ускользает, что в один узел (Гордиев?) сплелись несколько самостоятельных процессов:

- ▶ наличность в обращении постепенно сокращается, это долгосрочный устойчивый тренд на основе развития Fintech;
- ▶ ставка процента уверенно стремится к нулю (и даже ниже), это тоже долгосрочный тренд;
- ▶ безналичный оборот сменяют электронные деньги, электронные деньги, в свою очередь, сменяют цифровые: последние теоретически существуют как «отец, сын и дух святой» в ипостасях Bitcoin, CBDC и промежуточных версиях, т.е. в коридоре от полной децентрализации до полной централизации;
- ▶ цифровая/виртуальная экономика как драйвер экономического роста, как наиболее значимый и перспективный сегмент мировой экономики меняет представления о производстве как таковом, его факторах и их соотношении, что также требует нестандартного анализа категории «цифровые деньги» и оценки перспектив их использования.

Как известно, первым идею CBDC в форме/формате блокчейн под названием Fedcoin выдвинул блогер Дж.П. Конинг (J.P. Koning) еще в апреле 2013 г. в статье «Почему ФРС скорее примет технологию bitcoin на вооружение, чем ее уничтожит» [Koning, 2013]. В статье еще не звучит слово Fedcoin, но в октябре 2014 г. уже появляется его статья с таким названием [Koning, 2014]. На тот момент уже существовала криптоплатформа для платежных систем Ripple, идея «носила в воздухе», и Конинг высказал ее, просто предложив в качестве эмитента ФРС, поэтому криптовалюта и получила такое название, т.е. Fedcoin, или дословно «монета ФРС». В изложении эксперта по криптосистемам У. Лютера (W. Luther) это выглядит так: «Fedcoin предложил платежной системе преимущество биткойн – возможность перевода средств дешево – без чрезмерной нестабильности его покупательной способности» [Luther, 2015].

Каким образом? По словам Конинга, «один пользователь – Федеральная резервная система – получит специальные полномочия для создания и уничтожения проводок в бухгалтерской книге (ledger entries) или Fedcoin» [Koning, 2014]. С какой целью? «ФРС будет использовать свои особые полномочия по созданию и уничтожению для обеспечения двусторонней физической конвертации между обоими существующими типами обязательств – бумажными деньгами и электронными резервами – и Fedcoin в соотношении 1:1. Результатом этого принципа будет то, что Fedcoin может быть создан только в то время, когда эквивалентная резервная или бумажная запись будет уничтожена, и, наоборот, Fedcoin может быть уничтожен только при создании новой бумажной или резервной записи. Таким образом, в отличие от биткойна, цена Fedcoin будет фиксирована/привязана. Если Fedcoin торгуется с дисконтом к банкнотам и резервам в долларах, публика будет

конвертировать Fedcoin в его альтернативу, пока не исчезнет возможность для арбитража, и наоборот, если Fedcoin будет торговаться с премией» [Koning, 2014].

Итак, идея соединить преимущества bitcoin/blockchain и стабильность фиатного платежного средства, которая гарантируется ФРС, обрела жизнь. Идею подхватил влиятельный Дэвид Андолфатто (David Andolfatto), старший вице-президент Federal Reserve Bank of St. Louis, глава его департамента исследований. В своих публикациях он также описывает принципы работы Fedcoin и предлагает его в качестве альтернативы bitcoin, т.е. как «криптовалюту, которую мог бы выпускать Центральный банк, и проект которой предлагал ранее Дж. П. Конинг» [Andolfatto, 2015].

В статье «Fedcoin: о желательности правительственной криптовалюты» Андолфатто считал (на тот момент), что «основная проблема биткоина как денежного инструмента в экономике» та же, «с которой мы сталкиваемся при использовании любой иностранной валюты во внутренних операциях – обменный курс нестабилен и непредсказуем» [Andolfatto, 2015]. На мой взгляд, это проявление (одного из аспектов) научно-ведомственного подхода, иллюзия по поводу того, что ЦБ/ФРС полностью контролирует и будет контролировать ситуацию с криптосистемами обмена.

При этом понимание того, что bitcoin не совместим с аналоговой/бумажной валютой, пусть даже в форме электронных денег, что у них не только техническая, но и «идеологическая», а точнее политэкономическая несовместимость, еще не наступило. Андолфатто бодро заявляет: «Пока я не уверен, должен ли Fedcoin быть вариантом Bitcoin или каким-либо другим протоколом (например, Ripple). В частности, у меня есть некоторые серьезные замечания относительно эффективности механизма доказательства работы (proof-of-work). Но давайте пока отложим эти проблемы и выясним, как эта программа может быть реализована в общих чертах» [Andolfatto, 2015].

Кстати, представление о том, что «одним словом, Fedcoin, по сути, такая цифровая наличность (digital cash)» [Andolfatto, 2015] необычайно распространено. Это как раз основной посыл и аргумент научно-ведомственного подхода. Почему? Выгодно представлять (самим себе особенно), что происходит только «техническая» замена одного носителя другим, более прогрессивным.

Но если мы вспомним, как одну форму наличности (золото в эпоху товарных денег) сменяла другая форма наличности (бумага в эпоху фиатных/фидуциарных/кредитных денег), то становится ясно – это действительно смена эпох. Товарно-денежное обращение при этом менялось качественно как на практике, так и – по большей части вслед за ней – в теории.

Ожидать, что форма цифровой наличности (эпоха цифровых или on-line денег) сменит бумажную форму наличности (эпоху аналоговых или off-line денег) менее конфликтно и всеобъемлюще, не приходится. Это то новое, что теория может и должна предвидеть.

Казалось бы, технически более удобные и дешевые бумажные банкноты – лишь очередное проявление прогресса в развитии производительных сил (новые технологии в полиграфии, на транспорте и в средствах связи). Ну, сменяют чемоданы с банкнотами архаику сундуков с золотом. Клиринг? Так он и раньше был. Но в итоге общество получило качественную трансформацию денежного обращения, оно стало кредитно-денежным. Новое качество денег дало новую форму капитала: капитал стал финансовым (сегодня это одна из редчайших «точек соприкосновения» всех без исключения теорий капитала). Появился мощный сектор экономики – финансовый. Соответственно, в экономике и политике стали доминировать его представители, т.е. бенефициары.

В рамках данного анализа можно только упомянуть о фиктивном капитале. Есть немало аргументов pro & contra. Но принципиальная линия связи очевидна: если могут быть «фиктивными» деньги, то, конечно, может быть «фиктивным» и капитал, т.е. капитал в фиктивной денежной форме. Что и как происходит с этим капиталом – актуальнейший

вопрос, который отражается ежедневно в ленте новостей. Здесь же можно лишь декларировать: деньги и капитал, независимо от его формы, это разные экономические явления. У денег, в отличие от капитала, несмотря на все публикации, графики, доклады и даже официальную мировую статистику денежных агрегатов, нет функции «доходность». Эта функция или цель – только у капитала.

Сейчас общество капитала стоит на пороге очередных глобальных перемен в сфере денежного обращения, именно на пороге. Пока, как и ровно век назад (что само по себе символично), и технически, и организационно, и экономически новая форма меновой стоимости только формируется. Она на стадии эксперимента, стадии «проб и ошибок», и именно сейчас так важно не отрицать, не рукоплескать, а критически анализировать.

Со дня публикации «Белой книги» Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto), или манифеста крипто-энтузиастов, прошло чуть более десяти лет [Nakamoto, 2008]. Это совсем немного, но и немало. Особенно важен период с декабря 2017 г., когда bitcoin – этот Терминатор I – должен был умереть после резкого пике, но не умер. Почему должен был, на мой взгляд? Потому что, по сути, bitcoin – это β -версия (beta-testing) продукта, она, мягко скажем, далека от совершенства. Об этом, как и о технических деталях той или иной криптосистемы обмена, написано достаточно много как в специальной, так и в популярной литературе. Bitcoin – это, по сути, прототип, но так случилось, что он пошел в серию.

Прошлый год показал, что bitcoin не повторяет стандартный график финансовой пирамиды, и разговоры, что это «электронный аналог МММ» [North, 2013], хотя и не прекратились, но поутихли. С точки зрения организационно-экономической bitcoin и не мог быть пирамидой, поскольку он принадлежит, если можно так сказать, не лицу или узкой группе лиц, а всем, что принципиально, участникам проекта. Центра эмиссии у bitcoin, как у акций МММ, просто нет. Каждый вновь созданный bitcoin фиксируется всей сетью.

Итак, это как минимум не финансовая пирамида в чистом виде. Кстати, максимальный спад bitcoin был зафиксирован в ноябре 2018 г. (3,2 тыс. долл.). И казалось бы, на этот раз скептики окажутся правы. Но криптосистема обмена еще раз «нарушила» график пирамиды. Теперь можно с уверенностью сказать, что классической пирамидой bitcoin не является.

Тем не менее был в истории экономики «безумный день». Это, конечно, история с тюльпанами в Голландии в начале XVII в. Как могли практичные голландцы «сделать это», остается загадкой даже для них самих. Но факт остается фактом: вся страна инвестировала в невзрачные луковицы. Этот опыт дает несколько иной график (в отличие от графика финансовой пирамиды) в части завершения. Все-таки луковицы тюльпанов – ходовой товар, и после минимума цена его вернулась к некому «разумному» значению [Тюльпаномания = биткоиномания, 2013].

Bitcoin же никогда не был «просто» товаром, он не имеет в этом смысле «двойной» потребительной стоимости (что не хотят и не могут понять представители mainstream), он сразу был и есть особый товар, т.е. товар, который претендовал быть деньгами, выполнять их функции. Поэтому отскок буквально на наших глазах (в сентябре 2019 г. – более 10 тыс. долл.) ставит, на мой взгляд, точку на одном из аргументов противников криптосистем обмена. Но если бы bitcoin (и его аналоги) завершили свой «жизненный цикл», это все равно не «конец истории».

Даже если признать, что жизненный цикл bitcoin совпал бы, скажем, с циклом акций МММ, то это говорило бы только о том, что bitcoin (и его аналоги) смело можно включать в какой-либо из денежных агрегатов. Поэтому то, что они не рухнули или, возможно, еще рухнут, уже не имеет значения. Главное, определено их экономическое содержание. Почему-то этот аргумент не приводят в дискуссиях, хотя на него нет ответа.

Есть еще один важный аргумент в пользу того, что bitcoin – потенциально новая форма меновой стоимости, это история Джона Ло, который был так симпатичен Людвигу

фон Мизесу [Мизес, 2012]. Первые опыты с выпуском бумажных денег, именно денег, во Франции в начале XVIII в. закончились оглушительным крахом той финансовой пирамиды, которую выстроил предприимчивый шотландец. Но это не помешало бумажным деньгам впоследствии стать основной формой денежного обращения. Нечто подобное происходило в XVIII в. и в других странах. Но сторонники научно-ведомственного подхода как-то стараются об этом не вспоминать. А почему? Ведь новое – хорошо забытое старое. Только потому, что, по сути, сама современная двухуровневая кредитно-денежная система (при наличии обязательств по обмену на золото со стороны ЦБ, что важно) есть потенциальная финансовая пирамида?

Даже если бы bitcoin как start up завершился/завершится «провалом», это не остановило бы/не остановит дальнейшие попытки создания криптосистем обмена. Почему? Выгоды децентрализованной/ распределенной платежной системы/системы обмена, при решении серьезных, но все же технических вопросов масштабирования и быстродействия, позволяют потенциально оценивать ее не только как конкурента Visa и MasterCard, не только как конкурента наличности, выпускаемой ЦБ, но в перспективе и как конкурента всей современной кредитно-денежной платежной системе (или кредитно-фиатной форме товарно-денежного обращения). Такая перспектива для сторонников mainstream в области монетарной политики равносильна «научному самоубийству», и согласиться с ней они, конечно, не готовы. Но перспектива эта вполне реальна, если учесть (транзакционные) издержки двухуровневой системы в целом, т.е. не только печать бумажной наличности, но и во многом, если не полностью, издержки «на содержание» всего финансового/банковского дела как такового.

Распределенный реестр или сеть (distributed network) – это фундаментальное отличие bitcoin/blockchain (и его аналогов). Ясно, что надстройки в виде ЦБ или какого-то иного органа управления такая система не предусматривает. Это одноуровневая система, программисты часто говорят: одноранговая, даже «пиринговая» (калька с English), поскольку название манифеста Накамото звучит так: «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System» [Nakamoto, 2008].

Поскольку предмет нашего анализа – цифровая валюта центрального банка (CBDC), то после описания принципов работы bitcoin/blockchain «в общих чертах» вернемся к Fedcoin, каким его видел Андолфатто. А видел он Fedcoin, если судить по публикациям, как комбинацию двух структур: ФРС и bitcoin/blockchain [Andolfatto, 2015]. Именно так. Не blockchain, а именно bitcoin/blockchain. Одноранговая система работает «внутри контура», а по периметру стоит и охраняет ее ФРС. Это два разных типа денег, и если «заканчивается» Fedcoin, т.е. bitcoin в сети, то регулятором выступает ФРС. Fedcoin в этой версии – просто разновидность stablecoin, что является важным выводом, который не рассматривал Андолфатто.

Что же такое «stablecoin» если не с точки зрения экономической теории, то хотя бы с точки зрения экономики? Вспоминается детский анекдот. Что будет, если скрестить ежа и ужа? Метр колючей проволоки. Нечто подобное, но в IT-упаковке, предлагают энтузиасты даже не криптосистем обмена, а скорее банального фиата.

В последние несколько лет появилось немало как комбинаций «ежей и ужей», так и публикаций на тему «как это работает». Основной проблемой bitcoin/blockchain считается с точки зрения «практикующих финансистов», по крайней мере, проблема высокой волатильности или нестабильности курса bitcoin (и его аналогов). Если же описать в терминах теории денег, то функция средство сохранения/накопления стоимости/ценности в отношении bitcoin практически не работает. На вопрос «почему?» попытаемся ответить, но позже. Поэтому в качестве гаранта или обеспечения, или поддержки основной единицы, или собственно stablecoin, выступает валюта «резервная». В качестве резерва годится все, что угодно. Пробовали и евро, и юань, и золото, и, конечно, доллар (знаменитый Tether). Вообще-то в качестве обеспечения годится любой более-менее ликвидный актив, предла-

гали даже недвижимостью или товар «рабочая сила». Короче, все, что более-менее востребовано и может быть продано относительно быстро, без потерь.

Итак, две системы, как две ноги, поддерживают и «цифровую экономику», и традиционную двухуровневую банковскую систему. Но системы-то разные, при внесении залога клиенту выдадут «деньги», но в формате stablecoin. Ничего не напоминает? Напоминает, конечно, но не сделку по кредиту, а судьбу тех нескольких сольдо, что закопал Буратино в «поле чудес» с целью вырастить дерево. Все, абсолютно все версии stablecoin, где гарантом выступает частное предприятие, частный капитал, обречены на неудачу. Крах неизбежен, главный вопрос только один: когда это произойдет? Этот (казалось бы) теоретически очевидный вывод практика пока не готова принять. А будет при этом выстроена финансовая пирамида или нет, зависит только от удачливости отцов-основателей проекта, поскольку это, по определению, централизованная структура. Ведь залог/заложенный депозит хранится у третьей стороны, т.е. у отцов-основателей.

Почему я предлагаю такой прогноз? У денег нет функции «доходности», это функция капитала. А бизнес-проекты «stablecoin» в качестве гарантии успеха, иными словами, в качестве источника дохода предлагают не продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг, а просто особый вид обеспечения в форме фиатных денег или вовсе неких товаров. Тем самым единственным источником дохода является спекуляция, поскольку участникам проекта в качестве источника дохода предлагается ожидаемый «рост стоимости» криптосистемы обмена. Напомню, что пунктом «обмена» криптосистемы stablecoin на реальные ценности является третья сторона, как правило, это биржа, которая представляет интересы «бизнеса на stablecoin».

Fedcoin в этой версии – просто разновидность stablecoin, с одним, но принципиально важным отличием: «гарантом стабильности» выступает сам доллар, т.е. непосредственно ФРС, а фактически государство.

«Ключевой момент», по мнению Андолфатто, в следующем: «ФРС находится в уникальном положении, она может надежно зафиксировать обменный курс между Fedcoin и долларом США» [Andolfatto, 2015], что предполагает «простейшее» теоретическое решение: «проблема, что доллар или Fedcoin закончатся при поддержании фиксированного обменного курса, не представляет абсолютно никаких трудностей для ФРС, потому что она может выпустить столько этих носителей, сколько необходимо для защиты фиксированного курса» [Andolfatto, 2015]. Короче, любой спрос будет удовлетворен, ведь за дело берется ФРС.

И все же, насколько изменит ситуацию тот факт, что вместо частной компании в проекте stablecoin будет участвовать ФРС? Изменит принципиально, поскольку у ФРС, по крайней мере формально, нет цели извлечения дохода. Цель другая – стабильность денежного обращения. Если вспомнить, что Fedcoin идет на смену бумажному доллару, т.е. наличности, что так же принципиально важно, то в самой идее есть резон. Цель создания «правительственной криптовалюты» – дешево и быстро переводить деньги с помощью специальной программы, что предполагает в итоге замещение бумажной наличности электронной, т.е. изменение структуры денежной базы, что – в теории – прогрессивно, поскольку отвечает на «вызовы времени».

При этом возникает (или остается) главный вопрос: нужна ли ФРС такая платформа для криптосистемы обмена как bitcoin/blockchain? Ведь обеспечение стабильности обмена таким путем неизбежно приводит к изменению самой сети, она становится двухуровневой, т.е. централизованной.

Кстати и Конинг, предлагая Fedcoin, пишет вполне недвусмысленно про «особые полномочия» (One user—the Fed—would get special authority...) [Koning, 2014], а что это, как ни появление централизованной, при всех оговорках, структуры? Еще в том же 2015 г. году Альберт Шмигельски (Albert Szmigielski) отметил эту коллизию [Szmigielski, 2015].

Действительно, как пишет ученый: «если систему контролирует один пользователь, мы получаем централизацию и нам не нужны все эти хлопоты с блокчейн» [Szmigielski, 2015]. По его мнению, правда, можно сохранить bitcoin/blockchain и Fedcoin в целом, если не предоставлять ФРС права привилегированного пользователя.

На мой взгляд, ФРС не может не быть привилегированным пользователем (superuser) в принципе, система не может быть лишена центра, поскольку эмиссия наличности (наличности, что принципиально) сохраняется, а эмиссионный центр, по определению, в силу его естественного монополизма, наделен особыми полномочиями, т.е. правами привилегированного пользователя. Создается впечатление, что Fedcoin в этой версии представляет собой как бы «свободную экономическую зону», а по периметру этой зоны стоит охрана в форме ФРС, которая требует пропуск. Это в теории.

На практике же ФРС, по крайней мере пока, этот проект просто не нужен. Зачем ФРС комбинация «ежа и ужа»? Если для частной компании цель создания stablecoin очевидна – заработать на росте финансового актива, т.е. попросту осуществить спекуляцию (причем вполне возможно за счет инвесторов/клиентов), то у ФРС все-таки другая цель. Насколько Fedcoin соответствует этой цели? Насколько Fedcoin в версии Андолфатто помогает целям кредитно-денежной или монетарной политики ФРС? Организационно-технически? Экономически? Идеологически? И даже если предположить, что Fedcoin заменяет – заменит ли? – наличность (cash), то торопиться с этим точно не стоит.

Надо сказать, что официальная позиция ФРС была и остается однозначной и прагматичной: внимательно следим за ситуацией. Мало того, в своих публикациях исследователи ФРС, в частности, Александр Берентсен (Aleksander Berentsen) и Фабиан Шер (Fabian Schär), утверждают, имея на это все основания, что «как только мы удаляем децентрализованный характер криптовалюты, от нее мало что остается» [Berentsen, Schär, 2018].

Известность Fedcoin получил также как-то «литературно», не как проект, а как антипод CAD-coin, который иногда называют просто: «канадская версия Fedcoin» [Garratt, 2016]. Хотя это действительно разные версии (опт и розница, скажем так), объединяет их одно: это разновидности правительственных stablecoin, т.е. криптосистемы обмена с поддержкой государства.

Практические результаты внедрения криптосистемы обмена на основе bitcoin/blockchain пока таковы: в июне 2016 г. Банк Канады провел эксперимент по проведению транзакции CAD-coin в рамках проекта Project Jasper, который широко освещался в прессе. В октябре 2017 г. еще упоминалось о запуске третьей фазы Project Jasper [Payments Canada, 2017]. С тех пор молчание, хотя через год, в октябре 2018 г., банк Канады вместе с партнерами по проекту выпустили отчет [Bank of Canada, 2018]. Тем не менее во многих статьях по теории денег можно встретить в перечне литературы упоминание публикации «CAD-coin versus Fedcoin» [Garratt, 2016] идеолога и участника проекта Рода Гарратта (Rod Garratt). Вот теперь все. На мой взгляд, это говорит о многом.

Можно упомянуть и о том, что Банк Англии осенью 2015 г. обсуждал публично возможность проекта, но в начале 2018 г. официально отказался от планов «создать государственную цифровую валюту» [Sundararajan, 2018]. Как тут не вспомнить популярную поговорку «инвестиция – это неудавшаяся спекуляция».

ЛИТЕРАТУРА

- Kiselev A.* (2019). Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков. ЦБ РФ, апрель 2019. С. 1–23.
- Mizes L. фон* (2012). Теория денег и кредита. Челябинск: Социум.
- Тюльпаномания = биткоиномания (2013). coinspot.io/analysis/tyulpanomaniya-bitkoinmaniya.
- Andolfatto D.* (2015). Fedcoin: On the Desirability of a Government Cryptocurrency. andolfatto.blogspot.com/2015/02/fedcoin-on-desirability-of-government.html.
- Bank of Canada (2017). Jasper Phase III: Securities Settlement Using Distributed. Ledger Technology. Pp. 1–40.
- Berentsen A., Schär F.* (2017). A Short Introduction to the World of Cryptocurrencies. Pp. 1–16.
- Bryanov K.* (2018). The BIS' Report on Crypto as Money: A Critical Review. cointelegraph.com/news/the-bis-report-on-crypto-as-money-a-critical-review.
- Garratt R.* (2016). CAD-coin versus Fedcoin. November 15, 2016. Pp. 1–11.
- Gürtler K., Nielsen T., Rasmussen K., Spange M.* (2017). Central bank digital currency in Denmark? Analysis – December 2017. No. 28. Pp. 1–24.
- Koning J.P.* (2013). Why the Fed is more likely to adopt bitcoin technology than kill it off. jpkoning.blogspot.com/2013/04/why-fed-is-more-likely-to-adopt-bitcoin.html.
- Koning J.P.* (2014). Fedcoin. jpkoning.blogspot.com/2014/10/fedcoin.html.
- Luther W.* (2015). Theoretical Fedcoin, Meet Operational NuBits. www.alt-m.org/2015/12/28/theoretical-fedcoin-meet-operational-nubits.
- Nakamoto S.* (2008). Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. Pp. 1–9.
- North G.* (2012). Bitcoins: The Second Biggest Ponzi Scheme in History. www.dailydot.com/via/why-bitcoin-ponzi-scheme.
- Payments Canada (2016). Bank of Canada and TMX Group announce integrated securities and payment platform as next phase of Project Jasper. www.payments.ca/about-us/news/payments-canada-bank-canada-and-tmx-group-announce-integrated-securities-and-payment.
- The Riksbank's e-krona project (2017). Pp. 1–44.
- Sundararajan S.* (2018). Bank of England has «No Plans» to Launch Cryptocurrency. www.coindesk.com/bank-of-england-has-no-plans-to-launch-cryptocurrency.

Яковлев Александр Иванович

Alex.Iakovlev@mail.ru

Yakovlev Alexander, PhD in economics, associate professor of Saint-Petersburg Electrotechnical University "LETI"

Alex.Iakovlev@mail.ru

FIRST AMONG EQUALS (FEDCOIN AS A FORM OF CBDC)

Abstract. The article discusses the position of the Fed on the emission of the CBDC based on bitcoin/blockchain or Fedcoin. This was the first and very controversial attempt to assess theoretically the advantages and risks associated with the creation of a cryptosystem based on two structures: a traditional two-tier banking system and a decentralized payment system or blockchain.

Keywords: *Central Bank digital currency, CBDC, cryptosystem of exchange, Fedcoin, stablecoin, CAD-coin.*

JEL classification: E40, E50, E69.

REFERENCES

- Andolfatto D.* (2015). Fedcoin: On the Desirability of a Government Cryptocurrency. andolfatto.blogspot.com/2015/02/fedcoin-on-desirability-of-government.html.
- Bank of Canada (2017). Jasper Phase III: Securities Settlement Using Distributed. Ledger Technology. Pp. 1–40.
- Berentsen A., Schär F.* (2017). A Short Introduction to the World of Cryptocurrencies. Pp. 1–16.
- Bryanov K.* (2018). The BIS' Report on Crypto as Money: A Critical Review. cointelegraph.com/news/the-bis-report-on-crypto-as-money-a-critical-review.
- Garratt R.* (2016). CAD-coin versus Fedcoin. November 15, 2016. Pp. 1–11.
- Gürtler K., Nielsen T., Rasmussen K., Spange M.* (2017). Central bank digital currency in Denmark? Analysis – December 2017. No. 28. Pp. 1–24.
- Kiselev A.* (2019). Est' li budushchee u cifrovyyh valyut central'nyh bankov. CB RF, aprel' 2019. Pp. 1–23.

- Koning J.P.* (2013). Why the Fed is more likely to adopt bitcoin technology than kill it off. jpkoning.blogspot.com/2013/04/why-fed-is-more-likely-to-adopt-bitcoin.html.
- Koning J.P.* (2014). Fedcoin. jpkoning.blogspot.com/2014/10/fedcoin.html.
- Luther W.* (2015). Theoretical Fedcoin, Meet Operational NuBits. www.alt-m.org/2015/12/28/theoretical-fedcoin-meet-operational-nubits.
- Mizes L. fon* (2012). Teoriya deneg i kredita/Lyudvig fon Mizes; per. s angl. i nem. Pod red. i s komm. Gr. Sapova. Chelyabinsk: Sotsium.
- Nakamoto S.* (2008). Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. Pp. 1–9.
- North G.* (2012). Bitcoins: The Second Biggest Ponzi Scheme in History. www.dailydot.com/via/why-bitcoin-ponzi-scheme.
- Payments Canada (2016). Bank of Canada and TMX Group announce integrated securities and payment platform as next phase of Project Jasper. www.payments.ca/about-us/news/payments-canada-bank-canada-and-tmx-group-announce-integrated-securities-and-payment.
- The Riksbank's e-krona project (2017). Pp. 1–44.
- Tulpanomaniya = bitkoinmaniya (2013). coinspot.io/analysis/tyulpanomaniya-bitkoinmaniya.
- Sundararajan S.* (2018). Bank of England has «No Plans» to Launch Cryptocurrency. www.coindesk.com/bank-of-england-has-no-plans-to-launch-cryptocurrency.

Э.Н. Соболев

д.э.н., в.н.с., Институт экономики РАН, Москва

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К. МАРКСА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, насколько правомерно с точки зрения экономической теории Маркса рассматривать образовательный и квалификационный потенциал работников как особую форму капитала. Показано, что теория Маркса в своем ортодоксальном виде отторгает понятие человеческого капитала, поскольку он не содержит ключевой, с точки зрения Маркса, характеристики капитала – отношения эксплуатации. Делается вывод, что для адекватной трактовки современных реалий мира труда требуется уточнение, развитие, а в ряде случаев и ревизия ряда фундаментальных положений марксистской теории, в том числе связанных с сущностной трактовкой отношений найма: отказ от эксплуатации как необходимого критерия отнесения к капиталу, пересмотр постулата о закономерности снижении стоимости и цены рабочей силы, признание качественных изменений условий найма на рынке труда, расширение сектора самостоятельно занятых квалифицированных работников.

Ключевые слова: *человеческий капитал, стоимость рабочей силы, переменный капитал, сложный труд, отношения найма, инвестиции в человека.*

JEL: J24, J31, B24.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10106

Среди отечественных исследователей господствуют два крайних подхода к теории человеческого капитала (и к самому понятию «человеческий капитал»). Либеральное крыло экономистов принимает ее безоговорочно и отстаивает «теоретическую полноценность» человеческого капитала [Капелюшников, Лукьянова, 2010]. Их противники – это, как правило, адепты марксистской экономической теории – либо вовсе отказываются принимать даже терминологию, либо настаивают на том, что человеческий капитал – это скорее метафора, чем экономическая категория [Бузгалин, Колганов, 2006].

В рамках данной статьи поставлен вопрос, насколько правомерно с точки зрения экономической теории Маркса, в частности концепции стоимости рабочей силы, рассматривать нематериальные ресурсы, которыми располагают образованные и квалифицированные работники, как особую форму капитала – так называемый человеческий капитал?

Теория стоимости рабочей силы. Под рабочей силой в ее общеэкономическом смысле в марксистской теории понимается совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости. В буржуазном обществе, по Марксу, рабочая сила человека, лично свободного, но лишенного возможности самостоятельно производить товары, сама становится товаром. Образуется специфический сегмент рыночной экономики – рынок труда, а точнее, рынок рабочей силы.

Стоимость рабочей силы определяется трудом, необходимым для ее воспроизводства, то есть для производства необходимых для этого материальных благ и услуг. В стоимость рабочей силы включаются образование и приобретенный опыт работника, а также исторический и моральный компоненты, то есть в принципиальном плане она охватывает все самые современные затраты на воспроизводство человека.

Теория человеческого капитала. Понятие человеческого капитала введено на Западе с вековым запозданием по сравнению с разработкой понятия стоимости рабочей силы Маркса. Формирование теории человеческого капитала совпало со сдвигами в экономической и социальной политике западных государств, когда вложения в человека стали принимать все более масштабный характер. Здесь заслуги Дж. Минцера, Г. Беккера, Т. Шульца общепризнаны [Блауг, 2004; Марцинкевич, 2006]. В то же время ради справедливости отметим, что и в СССР велись подобного рода разработки. Так, академик С.Г. Струмилин еще в 1920-е годы занимался подсчетами вклада образования в рост национального дохода нашей страны [Струмилин, 1982. С. 58–113].

С практической точки зрения новая теория была направлена на исследование специфической проблемы инвестирования в человека. Теоретики человеческого капитала под этими инвестициями понимали затраты на образование и производственную подготовку, поскольку именно они представляют собой специализированный вид деятельности по формированию знаний, навыков и умений [Mincer, 1974; Becker, 1975; Schulz, 1971].

Сегодня предпринимаются попытки напрямую увязать экономическую теорию Маркса с концепцией человеческого капитала. В целом эти попытки не убедительны. Остается впечатление некоторой искусственности. Основная причина «нестыковки» – различия в понимании сущности капитала. По Марксу, капитал должен заключать в себе отношение экономического принуждения, эксплуатации наемного труда. В условиях классического капитализма средства производства и рабочая сила находятся в руках разных собственников. Соединение их в производственном процессе происходит посредством продажи рабочей силы собственнику материальных ресурсов, что и дает последнему возможность присваивать и эксплуатировать чужой труд.

Таким образом, человеческий капитал не удовлетворяет наиболее строгому сущностному определению Маркса, хотя и соответствует принятым современной экономической наукой критериям капитала, где под капиталом понимаются инвестиции, осуществляемые в расчете на получение дохода, деньги, приносящие деньги, самовозрастающая стоимость. При этом, в отличие от марксовской теории, не ставится вопрос о том, что является глубинным источником прироста вложенных ресурсов, важен механизм целенаправленного отвлечения ресурсов от текущего потребления и их инвестирование в расчете на будущие выгоды.

В качестве основных признаков капитала выделяют:

- ▶ инвестирование;
- ▶ воспроизводимость;
- ▶ включенность в отношения рыночного обмена.

Человеческий капитал вполне подходит под эти критерии. В отличие от природных способностей он формируется в результате целенаправленных вложений, прежде всего, в общее образование и профессиональную подготовку; при грамотном применении обладает способностью к возрастанию в результате накопления производственного опыта; предполагается его включенность в отношения рынка труда [Соболева, 2007. С. 17–18].

Человеческий капитал и переменный капитал. Порой под человеческим капиталом понимают, по существу, переменный капитал, ссылаясь на то, что, по Марксу, рабочая сила становится капиталом, будучи присвоенным капиталистом, и в этом смысле «человеческий капитал – это современный аналог переменного капитала» [Щетинин, 2003. С. 58].

Представляется, что в этом случае происходит путаница понятий. Действительно, необходимым условием превращения рабочей силы в переменный капитал выступает продажа работником своей способности к труду капиталисту. Но капитал, по Марксу, пред-

ставляет собой «возрастание стоимости», если сказать более точно, движение ее самовозрастания, основанное на эксплуатации наемного труда. При этом происходит этот процесс только со стороны капиталиста, но не со стороны наемных работников. Вне зависимости от их квалификации, образования, опыта. Иначе говоря, переменный капитал и человеческий капитал в современном его понимании отрицают друг друга [Сычев, 2016].

В качестве аргумента «близости» теории Маркса и теории человеческого капитала приводят известное место из подготовительных рукописей к «Капиталу», где Маркс относит накопленные знания к основному капиталу [Маркс, Энгельс, 1969. С. 221]. На этом основании делается вывод, что у Маркса, по сути, уже есть зачатки категории человеческого капитала. Но это высказывание Маркса нельзя понимать буквально. Это скорее образное выражение. Из контекста ясно, что Маркс рассматривает здесь не источник прибавочной стоимости, не процесс ее производства, а показывает различие между капитальными и текущими затратами работника в структуре издержек рабочей силы. Но, безусловно, и те, и другие становятся переменным капиталом после акта купли-продажи рабочей силы, а переменный капитал, как уже подчеркнули ранее, не является человеческим капиталом для самого работника, поскольку всецело принадлежит работодателю.

Человеческий капитал и теория сложного труда. Некоторые авторы считают, что ближе всего к понятию человеческого капитала Маркс подходит в своей теории простого и сложного труда, когда обосновывает свойство обученной, обладающей специальными навыками, знаниями, способностями рабочей силы реализовываться в более сложном труде, который производит больше стоимости в расчете на единицу времени. Отсюда делается вывод, что марксова теория сложного труда есть не что иное, как изложенная в других терминах теория человеческого капитала [Маркс, 2018. С. 77]. Иными словами, в теории было все необходимое и достаточное для введения категории человеческого капитала, но Маркс специально не рассматривал явления, которые сегодня носят названия человеческого капитала, по причине их малого распространения в те времена. Если бы он жил сегодня, то он, мол, без сомнения обратил бы внимание на эти новые явления.

Конечно, Маркс был дитя своего времени, и реалии XIX в. накладывали отпечаток на его исследования. Но основная причина отсутствия понятия человеческого капитала в марксовой системе все же в другом. Маркс был заложником определенной идеологической концепции. Поэтому он не анализировал эти формы не по причине их неразвитости, а потому, что они не укладывались в его идеологическую схему, где во главу угла был поставлен постоянно нищающий и малоквалифицированный рабочий класс. Что касается «самодостаточных» профессионалов, представителей, как сегодня бы выразились, среднего класса, то их судьба мало чем отличалась от крестьянских хозяйств, основанных на собственном труде. По Марксу, это были исчезающие формы. Капиталистическая система в своем развитии как воронкой засасывает все эти промежуточные слои в сепаратор: они исчезают. Остается кучка капиталистов и море пролетариев. Именно такой вывод сделал Маркс в 7-м отделе 1-го тома «Капитала» в параграфе об исторической тенденции капиталистического накопления.

В марксовой системе взглядов инженеры на производстве – это, скорее, помощники капитала, а квалифицированные рабочие, если они не превратились в частичных рабочих, рабочая аристократия, которую подкармливают хозяева с целью расколоть рабочий класс. Вот что писал о таких рабочих В. Ленин: «Этот слой обуржуазившихся рабочих или рабочей аристократии вполне мещанских по образу жизни, по размеру заработков, по всему мирозерцанию, есть главная социальная опора буржуазии» [Ленин, 1916. С. 308]. Как видим, Ленин связывал высокие заработки квалифицированных рабочих не с накопленными знаниями, опытом, а исключительно с переплатой с целью подкупа работников.

Именно эти идеологические шоры навязывали соответствующий анализ. Анализ, как показала история развитых стран с конца XIX в., оказался, мягко говоря, несколько односторонним, что и вызвало к жизни различного рода ревизионистские теории.

Словом, в своем классическом виде экономическая теория марксизма отторгает концепцию человеческого капитала, как не соответствующую эксплуататорской природе современной Марксу экономической системе. Иное дело, ревизионистские теории марксизма. В них человеческий капитал вполне вписывается в новую реальность.

Какие положения экономической теории Маркса перестали соответствовать новым реалиям в социально-трудовой сфере и должны быть либо уточнены, либо полностью пересмотрены?

1. В первую очередь – это постулат о закономерности снижения стоимости и цены рабочей силы, из которого следует вывод, оказавшийся фактически несостоятельным, о закономерности уменьшения доли затрат на труд в составе общественного капитала (так называемое относительное обнищание рабочего класса).

Маркс полагал, что под воздействием роста производительности труда стоимость рабочей силы снижается, несмотря на расширение круга и повышение уровня потребностей человека. Вследствие этого даже при сокращении рабочего дня степень эксплуатации повышается. Этот гипотетический вывод, однако, не подтвержден какими-либо статистическими выкладками. Но и чисто логически он очень уязвим, особенно в применении к современным условиям. Ведь тенденции и к снижению стоимости рабочей силы, и к ее повышению имеют общую основу – рост общественной производительности труда. Трудно и даже невозможно объяснить, почему суммарная производительность труда на товары, определяющие стоимость рабочей силы, должна расти быстрее, чем среднеобщественное ее повышение. Да еще при том, что расширяется и круг товаров и услуг, стоимость которых образует стоимость рабочей силы, а рабочий день сокращается [Медведев, 2015. С. 63–72]. Следует признать, что в современной экономике берет верх тенденция к повышению стоимости и цены рабочей силы, связанная с повышением уровня потребления материальных благ и услуг, а также расходов на здравоохранение, образование, науку и культуру. Чтобы убедиться в этом, следует просто сравнить положение наемных работников в развитых странах в начале XX и XXI вв. [Соболев, 2015. С. 29–31].

Важные изменения произошли на рынке труда при заключении договора найма между работником и работодателем. В современных условиях этот договор приобретает все больше сходных черт с договором-арендой, чем с договором купли-продажи рабочей силы на рынке труда, особенно это касается квалифицированных работников. Договор аренды предусматривает не полное отчуждение товара и смену собственника, а предоставление рабочей силы во временное пользование. Это, во-первых, дает возможность работнику повысить рыночную стоимость своей рабочей силы в результате накопления опыта и повышения квалификации в ходе непосредственной трудовой деятельности, во-вторых, позволяет работнику получать доход на уже сделанные инвестиционные затраты в течение достаточно длительного промежутка времени, не сводимого к отдельному акту аренды [Соболев, Соболева, 2018].

Во времена Маркса наиболее распространенной формой найма являлся наем простой неквалифицированной рабочей силы. Такая рабочая сила обладает единственным абсолютно не уникальным полезным свойством: будучи соединена со средствами производства, она производит продукт, содержащий новую стоимость, которая превышает стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания работника в работоспособном состоянии (и воспроизводства его семьи).

Однако даже в те далекие времена, когда господствовала простая неквалифицированная рабочая сила, процесс производства предполагал некоторое участие квалифицированного труда, прежде всего связанного с организацией и управлением производства.

Изначально этот труд осуществлял сам капиталист (и от себя самого получал за него зарплату – предпринимательский доход). Постепенно потребность производства в квалифицированном труде росла, и капиталисты все чаще стали прибегать к покупке элитных трудовых услуг производственного характера, прежде всего услуг менеджеров.

На поверхности явлений покупка неквалифицированной простой рабочей силы и покупка «элитных» трудовых услуг выступают в одинаковой форме – заключается договор найма. Но суть отношения меняется. Второй договор, по сути, представляет собой покупку конкретной трудовой услуги, необходимой для нормального функционирования производственных процессов на фабрике или фирме. За это работодатель готов заплатить не просто эквивалент стоимости рабочей силы, а полный стоимостной эквивалент труда, затраченного специалистом при решении поставленной перед ним задачи. Ведь иначе прервется производственный процесс, а значит и процесс создания простой рабочей силой стоимости и прибавочной стоимости, и конечная цель капиталистического производства – возрастание капитала – достигнута не будет.

Расширение сектора самостоятельно занятых квалифицированных работников. Сегодня, по крайней мере, в развитых странах мира значительная часть экономически активного населения располагает нематериальными ресурсами (знания, навыки, компетенции, репутация, связи, информация и т.д.), составляющими в рамках передовых технологических укладов наиболее важную часть производительных сил общества. Другими словами, вторая необходимая, по Марксу, предпосылка превращения рабочей силы в товар для них не работает: они «не свободны» от средств производства, а значит, располагают альтернативной наемному труду возможностью обеспечить себя и свою семью средствами к существованию.

На практике это выражается в появлении, вопреки мнению Маркса, значительного сектора самостоятельно занятых квалифицированных работников, имеющих минимум материального капитала (набор инструментов, компьютер), но располагающих внушительными нематериальными ресурсами, а также в бурном росте высокотехнологичного малого бизнеса.

Следует подчеркнуть, что для рассматриваемого круга работников выбор в пользу продажи (сдачи в аренду) своей рабочей силы не является единственно возможным, но при определенных условиях представляет собой выгодное решение. Альтернатива наемного труда может для многих из них оказаться самой предпочтительной. Одна из причин – синергетический эффект, более высокая отдача, лучший результат труда, достигаемый за счет объединения материальных и организационных ресурсов крупного капитала и нематериальных ресурсов квалифицированных работников. Однако за договором найма в данном случае стоит продажа труда, трудовых услуг, а не рабочей силы.

Для теоретиков человеческого капитала вопрос о найме не является важным, существенным. Главное – включенность тем или иным способом человеческого капитала в рыночные отношения. Человеческим капиталом может обладать и наемный работник, и самостоятельно занятый (индивидуальные предприниматели, лица свободных профессий, профессионалы, ведущие индивидуальную практику). Важно, чтобы результат их труда выходил на рынок, принимал денежную форму, материализовался в добавочном доходе, в дополнительной выгоде, в марксистской терминологии – в стоимости. Т.е. результат должен быть оценен рынком, но кем именно и в каких пропорциях доход на человеческий капитал будет присвоен (самим ли обладателем капитала, его работодателем, третьими лицами) – это уже вопрос второй, менее важный.

Выводы

1. Понятие человеческого капитала не вписывается в теорию Маркса в ее ортодоксальном виде, поскольку человеческий капитал не содержит ключевой (с точки зрения Маркса) элемент характеристики капитала – эксплуатации. В то же время это понятие вполне соответствует принятым современной экономической наукой критериям, где под капиталом понимаются инвестиции, осуществляемые в расчете на получение дохода.

2. Для адекватной современным реалиям трактовки инвестиционных затрат на развитие рабочей силы требуется уточнение, развитие, а в ряде случаев и ревизия фундаментальных положений марксистской теории: отказ от эксплуатации как необходимого критерия принадлежности к капиталу; пересмотр постулата о закономерности снижения стоимости и цены рабочей силы; признание качественных изменений в отношениях занятости, связанных с усложнением их структуры, в том числе с расширением самостоятельной занятости работников с высоким уровнем образования как реальной альтернативы наемному труду.

3. С точки зрения сторонников человеческого капитала, тот факт, что марксизм, точнее его экономическая теория, отторгает эту концепцию, в значительной мере является проблемой самого марксизма. Не марксизмом единым жива экономическая наука. Концепция же человеческого капитала показала свою эффективность при анализе различного рода связей, в том числе между образованием и экономическим ростом, образованием и оплатой труда и др. Уже одно это предполагает уважительное отношение к концепции человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М. (2004). Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал вопросы экономики».
- Бузгалин А., Колганов А. (2006). Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. № 3. С. 125–141.
- Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. (2010). Трансформация человеческого капитала в российском обществе. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения). (2018) / Под ред. М.И. Воейкова. М.: ИЭ РАН.
- Ленин В.И. (1969). Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299–426.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1969). Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2.
- Марцинкевич В.И. (2005). Инвестиции в человека: экономическая наука и российская экономика (что скрывается за термином «человеческий капитал») // Мировая экономика и международные отношения. № 9. С. 29–39.
- Медведев В.А. (2015). Испытание историей. Об экономической теории марксизма. М.: Весь Мир.
- Соболев Э.Н. (2015). Динамика трудовых доходов и проблема забастовочной активности работников: Доклад. М.: Институт экономики РАН. С. 29–31.
- Соболев Э.Н., Соболева И.В. (2018). Человеческий капитал в системе трудовых отношений: социальное инвестирование и вызовы глобализации // Экономика и управление: проблемы, решения. № 1. С. 8–18.
- Соболева И.В. (2007). Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука.
- Струмилин С.Г. (1982). Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. С. 58–113.
- Сычев Н.В. (2016). К критике концепции человеческого капитала // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 129–143.
- Щетинин В. (2003). Человеческий и вещественный капитал: общность и различие // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 55–61.
- Becker G.S. (1975). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 2nd ed. N.Y.: Columbia University Press.
- Mincer J. (1974). Schooling, Experience, and Earnings. N.Y.: Columbia University Press.
- Schulz T. (1971). Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. N.Y.

Соболев Эдуард Неньевич*edsobol@rambler.ru***Eduard Sobolev***doctor habilitatus in economics, Lead Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow**edsobol@rambler.ru***HUMAN CAPITAL: A VIEW FROM THE SIDE OF ECONOMIC THEORY K. MARX**

Abstract. The article considers the question of whether it is legitimate from the point of view of Marx's economic theory to consider the educational and skill potential of workers as a specific form of capital. It is shown that the theory of Marx in its orthodox form rejects the concept of human capital, since it does not contain the key characteristic of capital from the point of view of Marx – the relation of exploitation. Among those: the abandonment of exploitation as a necessary criterion for attributing to capital, the rejection of the postulate on the regularity of reducing the cost and price of labor, the recognition of qualitative changes in the conditions of employment on the labor market, the expansion of the sector of self-employed skilled workers.

Keywords: *human capital, labor theory of value, variable capital, complicated labor, hiring relations, investment in a person.*

JEL: J24, J31, B24.

REFERENCES

- Becker G. S. (1975). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 2nd ed. N.Y.: Columbia University Press.
- Blaug M. (2004). Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili kak ekonomisty ob"yasnyayut [Methodology of Economics, or How Economists Explain]. M.: NP «Zhurnal voprosy ekonomiki».
- Buzgalin A., Kolganov A. (2006). Chelovek, rynek i kapital v ekonomike XXI veka [Human, market and capital in economy of the XXI century] // Voprosy ekonomiki. No. 3. Pp. 125–141.
- Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. (2010). Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v rossijskom obshchestve. M.: Fond «Liberal'naya missiya».
- Karl Marx: klassika i sovremennost' (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya). (2018). / Pod red. M.I. Voejkova. M.: IE RAN.
- Lenin V.I. (1969). Imperialism, as the highest stage of capitalism // Poln. sobr. soch. Izd. 5 [Complete. collected cit] Vol. 27. M.: Gospolitizdat. Pp. 299–426.
- Marcinkevich V.I. (2005). Investitsii v cheloveka: ekonomicheskaya nauka i rossijskaya ekonomika (chto skryvaetsya za terminom «chelovecheskij kapital») // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. [World Economy and International Relations]. № 9. Pp. 29–39.
- Marx K., Engels F. (1969). Sochineniya. Izd. 2. T. 46 (2). [Works. Ed. 2. Vol. 46 (2)]. M.: Gospolitizdat.
- Medvedev V.A. (2015). Ispytanie istoriej. Ob ekonomicheskoy teorii marksizma: monografiya. M.: Ves' Mir.
- Mincer J. (1974). Schooling, Experience, and Earnings. N.Y.: Columbia University Press.
- Schulz T. (1971). Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. N.Y.
- Shchetinin V. (2003). Chelovecheskij i veshchestvennyj kapital: obshchnost' i razlichie [Hyman and Physical Capital: Commonality and Difference] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. № 8. Pp. 55–61.
- Sobolev E.N. (2015). Dinamika trudovyh dohodov i problema zabastovochnoj aktivnosti rabotnikov: Dokl. M.: Institut ekonomiki RAN.
- Sobolev E.N., Soboleva I.V. (2018). Chelovecheskij kapital v sisteme trudovyh otnoshenij: social'noe investirovanie i vyzovy globalizatsii // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. № 1. Pp. 8–18.
- Soboleva I.V. (2007). Chelovecheskij potencial rossijskoj ekonomiki: problemy sohraneniya i razvitiya [The human potential of the Russian economy: problems of conservation and development]. M.: Nauka, 2007.
- Strumilin S.G. (1982). Problemy ekonomiki truda. M.: Nauka. Pp. 58–113.
- Sychyov N.V. (2016). To Criticism of the Concept of the Human Capital // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. № 2. Pp. 129–143.

Г.Д. Гловели

д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ДИЛЕММЫ ПОЛИТЭКОНОМИИ МАНУФАКТУРНОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Статья настаивает на историко-методологической актуальности введенного К Марксом понятия «политическая экономия мануфактурного периода». Показано, что это понятие позволяет глубже понять и оценить вклад различных авторов, относимых в литературе к «меркантилизму», «камералистике», «Другому Канону» или даже (как У. Петти) к «классической политической экономии». Эксплицированы актуальные и для современного экономического дискурса дилеммы, с которыми столкнулись рассматриваемые политэкономы мануфактурного периода.

Ключевые слова: мануфактурный период, меркантилистские дилеммы, геоэкономические дилеммы, «ресурсное проклятие», научная революция XVII века, часовая мануфактура, дилемма низкой и высокой заработной платы, индустриальная революция.

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10107

О понятии «мануфактурный период»

Как известно, понятие «классическая политическая экономия» было введено К. Марксом в трактате «К критике политической экономии» (1859). Введение к этой работе знаменито беглой формулировкой основ материалистического (формационного) понимания истории: Маркс выделил ступени экономического прогресса вплоть до «буржуазного способа производства» [Маркс, 1959. С. 7]. Определив историческое значение третируемой английскими и французскими фритредерами «меркантильной системы» как ранней версии экономического анализа, раскрывшей «в грубо-наивной форме тайну буржуазного производства» [Маркс, 1959. С. 140], Маркс очертил вокруг английского и французского фокусов эллипс авторов, отнесенных им к «классикам» политэкономии: от Петти до Рикардо и от Буагильбера до Сисмонди. Причем в пику уже сложившемуся культу А. Смита как «отца-основателя» политэкономии Маркс назвал У. Петти «отцом английской политической экономии», который «раскрыл значение разделения труда и как производительной силы, и притом в более обширном плане, чем Адам Смит» [Маркс, 1959. С. 39].

В «Капитале», подтверждая свою трактовку «классической политэкономии» как науки, «исследующей внутренние зависимости буржуазных отношений производства» [Маркс, 1960. С. 91], Маркс внес существенное уточнение в формационный подход, логически и исторически противопоставив в рамках «буржуазных отношений производства» мануфактурную стадию «систематической формы капиталистической кооперации, основанной на разделении ручного труда», и фабричную стадию капиталистического крупного машинного производства [Маркс, 1960. С. 44, 376, 473].

Маркс изменил общеевропейскую семантику слов «мануфактура» и «фабрика», означавших крупные предприятия обрабатывающей, главным образом текстильной, промышленности («рукодельня», особ. «прядельная, ткацкая» [Даль, 1881. С. 304]), и как синонимы почти одновременно вошедшие в русский язык [Смирнов, 1910. С. 187,

301], в котором они позднее отождествлялись с «такими заводами, где огонь (накалка, плавка, варка) не занимает первого места» [Даль, 1882. С. 546]. Причем А. Смита Маркс характеризовал как «обобщающего экономиста мануфактурного периода», отметив, что ни одного нового положения относительно разделения труда Смит не выставил [Маркс, 1960. С. 361]

Проведенным знаменитой просветительской «Энциклопедией» (откуда заимствовал свое хрестоматийное описание булавочной мануфактуры Смит [Аллен, 2014. С. 214]) разграничением мануфактур на «объединенные» и «рассеянные» [Мануфактура (1765), 1978. С. 161] Маркс не воспользовался. Сам же фактически проанализировал две разновидности «объединенных», или централизованных, мануфактур, назвав их «гетерогенной» и «органической» [Маркс, 1960. С. 354]. Кроме того, теоретик формационного подхода и критик политической экономии категорически заявил, что из всех товаров «предметы роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства» [Маркс, 1960. С. 191, прим. 5 и 5а], хотя рассмотрение «гетерогенной» мануфактуры начал с производства карет, которые всегда оставались предметом роскоши.

Марксово выделение мануфактурного периода в экономической истории было поддержано «молодой» исторической школой в политэкономии, но с существенными коррективами. Во-первых, было показано (прежде всего А. Гельдом), что до возникновения крупного машинного производства в Западной Европе преобладала не централизованная, а «рассеянная» мануфактура, которую называли «домашней промышленностью» (нем. – Hausindustrie, франц. – industrie domestique; также Kleingewerbe, buissonniere; англ. – domestic-system). Во-вторых, было отмечено (В. Зомбартом, со свойственными ему преувеличениями), что вытеснение капиталистической мануфактурой цехового ремесла феодальных городов началось именно в изготовлении предметов роскоши, притом преимущественно таких, которые появлялись вновь и никогда не производились цеховыми ремесленниками.

Развернутое сопоставление «мануфактурного периода» в промышленной истории разных стран Европы, включая Россию, было проведено петербургским политэкономом исторической школы И. Кулишером [Кулишер, 1906]. Он же обратил внимание, что ранее Маркса мануфактуру и фабрику как стадийные формы роста крупной промышленности четко разграничил А. Корсак [Кулишер, 2004. Кн. 3. С. 107–108], зачинатель исторического направления в российской политэкономии [Гловели, 2011]. Надо добавить, что в отличие от Маркса Корсак акцентировал производство первыми европейскими мануфактурами преимущественно предметов роскоши (трудность соединения качества с дешевизной), а также наличие географически удобного местоположения (Италия, Фландрия) для привоза заграничного сырья и отдаленного международного сбыта [Корсак, 1861. С. 71]. Отдельно Корсак рассмотрел насаждение Петром I мануфактур в России, с «несчастной мерой» приписывания крепостных к фабрикам.

Вывод первого русского экономиста-компаративиста был грустным: «если на Западе мануфактуры и фабрики положили первые начала свободы труда, то у нас они только усилили рабство» [Корсак, 1861. С. 131]. И. Кулишер не согласился с этим, показав, что опора на принудительный труд (исправительные «работные дома» в тюрьмах, приютах и т.п. местах) и широкое участие правительственной власти при насаждении мануфактур были почти общеевропейским правилом. Кроме того, хотя многие субсидированные государством предприятия быстро закрывались, правительственные усилия не были безрезультатными и с интервалом в несколько десятилетий приносили плоды промышленного роста [Кулишер, 2007. С. 87].

Проблематика мануфактурного периода оказалась злободневной, как нигде, в Российской империи вследствие разгоряченных споров между адептами «европеизации»

и приверженцами институциональной «самобытности». В хлесткой дискуссии конца XIX в. о прохождении Россией конкретных стадий капиталистического развития вспомнили и Корсака, как «самого выдающегося экономиста 1860-х годов» [Туган-Барановский, 1899. С. 852]. Сторонники «народного производства» утверждали, что сельские подспорные кустарные промыслы являются особой зародышевой промышленной формой, альтернативной капиталистической фабрике; идеологи-«неомарксисты» с пеной у рта доказывали, что российская кустарная промышленность не более чем разновидность европейской рассеянной мануфактуры, которая неизбежно будет вытеснена городским фабричным машинным производством как более высокой стадийальной формой капитализма. В контексте этих споров генезис смитианской школы «экономистов-классиков» был интерпретирован так: мануфактура, покоящаяся на началах разделения труда, «как форма крупного капиталистического производства, работающая на широкий сбыт, нуждалась для своего развития в свободе промышленности и торговли» [Соболев, 1898. С. 309].

Тем не менее и в России, где к концу XIX в. влияние «Капитала» К. Маркса было среди университетских политэкономов сильнее, чем где-либо в Европе [Туган-Барановский, 1899. С. 853–854], понятие «политэкономии мануфактурного периода» не получило распространения. Понятие же «классической политэкономии» (или «классической школы») укоренилось [Чупров, 1898. С. 42-63], [Левитский, 1914. С. 338–361, 371–391], но – как и на Западе – в смысле, весьма отличном от марксовского: без Петти, Бугаильбера и Сисмонди, но с добавлением Мальтуса, Сэя, Миллей – тех, кого сам Маркс отнес к политэкономии «вульгарной».

Меркантилистские дилеммы

И. Кулишер проводил свое сравнительно-историческое исследование мануфактурного периода в русле тех переоценок «меркантильной системы», которые «молодая» историческая школа направила против либеральных экономистов XIX в. – приверженцев «ортодоксальной» доктрины государственного невмешательства, сделавших международными экономическими мемами английское словосочетание «фритред» (free trade) и французское выражение *laissez faire*. Отправным пунктом переоценок было признание необходимости «меркантилистской» политики для исторического перехода от мелко-территориального хозяйства средневекового ремесленного города и сельской округи к национально-территориальному хозяйству, охваченному таможенными пошлинами и единой денежной единицей. Правительственные усилия в борьбе за внешние рынки и привлечение звонкой наличности в страну были атрибутом «национального строительства», требовавшего налаженной монетной системы и оживления денежного оборота [Шмоллер, 1901. С. 10].

Контекст исторической «реабилитации» меркантилизма был задан поворотом крупнейших стран Европы к протекционизму и возникновением «социал-политики». Одновременно расширялась историческая панорама политической экономии [Онкен, 1908], в которой структура «меркантилизма» становилась все более сложной. Спустя ровно век после критики «меркантильной системы» А. Смитом русский историк А. Брикнер впервые отнес к «меркантилистам» самонадеянных горе-советников русских царей – хорватского католика-панслависта Крижанича и православного купца-прожектера Посошкова, чьи «потаенные» книги были извлечены на свет божий лишь в середине XIX в. [Брикнер, 1876. С. 5]. Тогда же русский политэконом исторической школы и «социал-политик» И. Янжул положил начало отождествлению хрестоматийной доктрины «торгового баланса» (запечатленной в заглавии книги Т. Мана, от которой и отталкивался А. Смит) с «поздним» («зрелым») меркантилизмом. Для мерканти-

лизма же «раннего» была предложена формула «денежного баланса», подразумевавшая практики надзора над сделками с иностранными купцами и запрета на вывоз звонкой наличности [Янжул, 1876. С. 5]. Другие историки экономических учений стали выделять и еще одну, самую раннюю «фазу меркантильной системы», связанную с порчей монеты и введением официального разменного курса [Косса, 1900. С. 181]. К «меркантилистам» причислили и воскрешенного из забвения автора «Трактата политической экономии» француза Монкретьена де Ватвиля [Montchrétien, 1889], и германских «камералистов» XVII–XVIII вв. – первых «социал-политиков», которым посвятил увесистый том американский социолог А. Смолл [Small, 1909].

Опошляющее «классическое» обобщение, что меркантилисты отождествляли богатство с деньгами, было оставлено авторами трудов по истории экономических учений, появившихся во всех крупнейших европейских странах. «Меркантилисты исходили из того положения, что обладание деньгами делает возможным приобретение всех других богатств; кроме того, они видели, что торговое и политическое могущество сосредоточивается в руках наций, занимающих первое место по своей промышленности и торговле – притом специально по морской торговле, развитию которой способствует обладание обширными колониями, располагающих большим количеством благородных металлов, которые они извлекают из своих рудников (Испания и Португалия), или приобретают благодаря торговле (Италия, Фландрия, Голландия и позднее Англия и Франция)» [Косса, 1900. С. 180].

Составленные историками уже в XX в. ряды долговременной динамики цен [Люблинская, 1965. С. 17] позволяют сделать вывод, что наиболее яркие проявления «меркантилизма» падают на два длительных периода низких цен, когда покупательная способность звонкой наличности явным образом возрастала. Это период самого начала XVII в., когда после ошеломившего европейцев «революционного» скачка цен в XVI в. (вызванного обильным приливом драгоценных металлов из Нового Света) произошло их существенное падение (1600–1615) с последующим медленным повышением (до 1630); и период минимума цен в 1660–1680 гг. после их полувекового снижения. К первому периоду относятся издания трактатов А. Серра (о нем ниже) и Монкретьена де Ватвиля, формулировка доктрины активного «торгового баланса». К этому же времени относится формирование экономических взглядов знаменитого кардинала и герцога де Ришелье, отразившихся позднее в его практической деятельности как «суперинтенданта навигации и коммерции» [Люблинская, 1965. С. 298-299] и в его «Политическом завещании». А расцвет обоснований и практических воплощений доктрины торгового баланса приходится на 60–80-е гг. XVII в. Во Франции – кольбертизм. В Англии – усиление Навигационного акта Кромвеля, проведенное канцлером казначейства Дж. Даунингом, основателем Даунинг-стрит (1660). Оказавшаяся весьма ко двору публикация книги Т. Мана «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства» (1664), памфлеты директора Ост-Индской компании Дж. Чайлда (1668), английского посланника в Голландии У. Темпла (1673) и т.д. В Священной Римской империи германской нации – экономическое дополнение Ф.Л. фон Зекендорфа к его труду «Германское княжество» (1664), «Политическое рассуждение о том, как сделать страну богатой и густонаселенной» (1668) прожектера-полигистора И.Й. Бехера, основанный им же при императорском дворце в Вене «Мануфактурный дом» (1673), памфлет имперского секретаря Ф. фон Хорнига «Австрия превыше всего, если сама того пожелает» (1684) и др. В 1660–1670-е гг. отосланный самодержцем Алексеем «Тишайшим» подальше в Тобольск Ю. Крижанич предается «Политичным думам» о шансах России в «великой морской торговле» и славит британский Навигационный акт [Гловели, 2014. С. 256].

В заботах о расширении денежного оборота в своих странах доктринеры активного торгового баланса натолкнулись на противоречия в использовании звонкой налич-

ности. Она могла быть употреблена как *средство обращения* на поддержку «доходных профессий», но могла застыть как *сокровище* в кубышках, в ювелирной роскоши или в казенных сундуках в ожидании войн. Фон Хорнигк в изложении девяти экономических правил «хорошо организованного государства» подчеркнул: «Когда в стране имеется золото и серебро, добытое из собственных шахт или заработанное у других стран при помощи промышленности, оно... не должно храниться в ящиках или под матрасами, но должно оставаться в обращении. Нельзя позволять использовать значительное количество золота и серебра для таких целей, для которых они уничтожаются и не могут использоваться вновь» [Хорнигк, 2011. С. 346–347]. Но из-за мании германских князей «обладать собственным Версалем» [Кулишер, 2004. С. 378] призывы знатоков «камеральных наук» столь же мало сдерживали «уничтожение» драгоценных металлов, сколь мало препятствовал более высокий, чем где-либо, уровень рассуждений о деньгах в Италии [Schumpeter, 1954. P. 278] мелкодержавной порче монеты на полуострове.

Но погоня за активным торговым балансом влекла и иного рода несоответствие. Еще Т. Ман заметил, что присутствие в стране большого объема звонкой наличности способно вызвать противоположную тенденцию, так как повышает внутренние цены товаров и тем самым провоцирует затруднение экспорта и предпочтительность импорта. В XVIII в. из этого парадокса Д. Юм сделает вывод о бесполезности политики активного торгового баланса («механизм валютного перелива»), подготовивший атаку А. Смита на «меркантильную систему». А в XX в. Э. Хекшер назовет это противоречие «меркантилистской дилеммой» [Heckscher, 1962. С. 179]. Как мы видели выше, это была не единственная дилемма, с которой столкнулся «меркантилизм». А ниже рассмотрим и другие политэкономические дилеммы европейского мануфактурного периода.

Геоэкономические дилеммы

Сноб Й.А. Шумпетер, третируя в своей «Истории экономического анализа» Монкретьена де Ватвиля как автора «ниже среднего уровня эпохи», чей вклад в историю экономической науки определился только названием, но никак не содержанием его «Трактата политической экономии» (1615), гораздо более высоко оценивает неаполитанца Антонио Серра [Schumpeter, 1954. P. 163, 188, 335]. Хотя на первый взгляд как раз этот автор дал повод отнести свое сочинение к числу тех, которые можно не читать дальше заглавия, – «Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов» (1613). Сведений о загадочном неаполитанце так и не удалось найти, но это не помешало миланскому экономисту П. Кустоди провозгласить Серра «первым писателем по политической экономии» [Roncaglia A. 2005. P. 48], и с него начать издание «Scrittori classici italiani di economica politica» (1803–1816), убедившее не только итальянских историков экономических учений в том, что именно Серра заслуживает признания как основатель политэкономии [Вернадский, 1858. С. 29; Ингрэм, 1897. С. 65; Косса, 1900. С. 165]. Еще до них «со второго взгляда» высоко оценил трактат Серра глашатай «политэкономии национальных производительных сил» Ф. Лист, взявший под защиту «меркантилистов» от огульной смитианской критики. В недавнее время, следуя Ф. Листу, смутную фигуру итальянской старины высветил в поисках начал «Другого канона экономической науки» Э. Райнерт [Райнерт, 2011. С. 67–68].

Серра озадачился вопросом, почему бедно его родное, изобилующее плодоносными землями Неаполитанское королевство, тогда как Венецианская и Генуэзская республики, не имеющие сельскохозяйственных угодий, процветают. Ответ – потому что жители Неаполя «так ленивы, что не торгуют за пределами своей страны», а в Венеции и Генуе развиты многочисленные ремесла и торговля мирового размаха [Серра, 1935. С. 94, 100–101].

Э. Райнерт ставит в заслугу Серра понимание преимуществ, достигаемых при помощи «обычных», а не обусловленных природой «специфических» источников богатства, – структурного сдвига к преобладанию *отраслей с возрастающей отдачей* [Райнерт, 2011. С. 67]. Действительно, неаполитанец связывает процветание Венецианской и Генуэзской республик с рукотворным производством продукции, быстро умножаемой в количестве, более надежной в сохранности и дорогой, и потому приносящей стране изобилие денег от экспортных продаж. Но Серра не обошел вниманием и влияние «специфического» местоположения государства относительно других государств и частей света.

В XIX в., когда неаполитанское словцо «лаццарони» стало международно известным прозвищем бездельника-бедняка, довольствующегося щедростью окрестных плодовых деревьев, К. Маркс и сторонники «географической школы в социологии» пришли к выводу о замедляющем воздействии на экономическое развитие излишне щедрой природы, не стимулирующей трудолюбие и изобретательность. Однако Маркс ограничился делением природных ресурсов на богатство средствами жизни и богатство средствами труда [Маркс, 1960. С. 521]; тогда как работы историков геосоциологического направления «относительно пространственного распределения тех или иных проявлений культурной жизни человечества» [Синицкий, 1911. Стб. 87] показали, что необходимо отдельно учитывать *богатство средствами сообщениями*, и прежде всего морскими. В классификации ресурсов, обоснованной выдающимся русским экономико- и антропогеографом Вениамином Семеновым-Тян-Шанским [Гловели, 2010. С. 44], надо выделить особо *коммуникационные ресурсы* наряду с *зональными* (почвенными, растительными, животными) и *азональными* (минеральными).

Историки-экономисты не остались в стороне от *антропогеографии*, подчеркивая отражение в «меркантилизме» суровой эпохи, когда «все тянулись к морю, чтобы занять место на мировом рынке» [Солнцев, 1930. Стб. 379]. Трактат же Серра, не употреблявшего еще слова «мануфактура», но видевшего достижения североитальянских мануфактур, может считаться не только политэкономическим, но и антропогеографическим протоанализом, отразившим двоякую геоэкономическую дилемму. С одной стороны, богатство средствами жизни, или зональными ресурсами, может навлечь то, что с конца XX в. (применительно, правда, более к углеводородным аazonальным ресурсам) называют «ресурсным проклятием». С другой стороны, коммуникационные ресурсы являются несомненным «специфическим» источником богатства. Да, Неаполь богат земельными угодьями, отмечал Серра, но довольно неудобно расположен для перевозки товаров. Тогда как Венеция, близ которой впадает в море большинство итальянских рек, занимает исключительно выгодное для торговли местоположение на пути из Европы в Азию [Серра, 1935. С. 95].

Геоэкономические дилеммы меркантилизма оттеняют сравнение еще одной фигуры, высвечиваемой Э. Райнертом, – австрийского имперского секретаря фон Хорнигга – с французскими и английскими доктринерами активного торгового баланса. Все они, прожектеры и практики – У. Рэлей, Ман, Монкретьен, Ришелье, Кольбер, Темпл, Чайлд и т.д., – по определению И. Янжула, «подражатели» Голландии [Янжул, 1876. С. 72]. Они завидуют мощи ее флота, превосходящего по грузообороту едва ли не все вместе взятые прочие флоты Европы, легкости и дешевизне голландской транспортировки товаров по рекам, каналам и морям и высокодоходному транзиту между заокеанскими странами и разными частями Европы. Но впечатление производит и обогащение Голландии – Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов – не за счет собственных природных ресурсов, а промышленностью, улучшающую в мануфактурах продукцию, ввозимую из-за морей.

Обратимся теперь вновь к девяти правилам экономической политики, которые сформулировал фон Хорнигг, а Э. Райнерт переозаглавил как «правила эмуляции», особо выделив правило номер 2, отражающее, по словам Райнерта, «культ мануфактуры» евро-

пейского успеха, и содержащее идею, «которую мы могли бы назвать мультипликатором обрабатывающей промышленности» [Райнерт, 2011. С. 348]. Речь идет о требовании переработки в пределах страны ее естественных ресурсов в мануфактурные товары, «которые обычно стоят в 2–3–10–100 раз дороже, чем сырье» [Хорнигк, 2011. С. 346]. В других правилах фон Хорнигк настаивает на изучении «каждого клочка» для поиска растительного сырья и металлов; поощрении «всевозможных изобретений, искусств и ремесел»; минимизации импорта; продаже избыточных «товаров в завершенном виде» иностранцам за золото и серебро и т.д. Что бросается в глаза при сравнении с английскими и французскими меркантилистами – ни слова о флоте и доступе к морской торговле!

Шумпетер характеризует рекомендации фон Хорнигка как программу поощрения экономического развития для бедной страны, лишенной ресурсов и возможностей Англии [Schumpeter, 1954. P.192]. Каких же ресурсов и возможностей Англии была лишена Австрия? А как раз коммуникационных – морской торговли.

Австрийская столица Вена расположилась на берегах Дуная – крупнейшей реки Европы, выхода к морю не имела. Черноморское устье Дуная на несколько веков было захвачено Османским султанатом, не раз угрожавшим самой Вене (при ее решающей обороне от натиска турок-османов погиб среди прочих Ю. Крижанич). Но не только в этом была причина неразвитости торгового судоходства по Дунаю: между средним и нижним течением реки создала преграду кораблям теснина «Железные ворота» [Водовозов, 1913. Стб. 899]. Поэтому в Австрии, как и в большинстве мелких государств, входивших в Священную римскую империю германской нации, «меркантилизм» приобрел своеобразный «континентальный» отпечаток. Советники императора, королей и курфюрстов делали упор не на заморскую внешнюю экспансию, а на умение чиновников, обученных «камеральным наукам», управлять различными отраслями государственного хозяйства.

В понимании же ресурсов и возможностей Англии глубже всех прочих доктринеров торгового баланса и адептов «культы мануфактуры» оказался самый проникательный из них – британский бывалый моряк и прожженный «политический арифметик» У. Петти. Восхищение Голландией (где ни одно мануфактурное предприятие, перерабатывающее, как правило, дальнепривозное сырье, не отдалено более чем на милю от судоходных вод) сочеталось у него с уверенностью в том, что родная страна вполне способна превзойти флотской мощью Республику Соединенных провинций и приводить в движение «весь коммерческий мир» [Petty, 1899. P. 112].

Дилемма прикладной и «чистой» науки

Маркс, признавая У. Петти «отцом политической экономии», отметил, что как самостоятельная наука политэкономия возникла именно в мануфактурный период [Маркс, 1960. С. 377]. Однако в этот же период возникло и точное (математизированное) естествознание, заменившее логические экзерсисы прямым изучением (испытанием) природы посредством экспериментирования [Кирсанов, 1987. С. 7–8] и с использованием «языка чисел, весов и мер» [Петти, 1940. С. 156].

Маркс не раз ссылался на раскрытие Петти преимуществ мануфактурного разделения труда на примере фабрикация карманных часов, объединяющей 36 видов различных работников [Маркс, 1959. С. 40; Маркс, 1960. С. 354]. Часовая мануфактура, как никакая другая, стимулировала техническую изобретательность раннесовременной Европы (Early-Modern Europe), но совершенствование часовых механизмов по своему значению выходило далеко за рамки производства предметов потребления: как основной астрономический инструмент часы стали атрибутом навигации – главного эпистемогенного фактора становления современной науки.

А.А. Богданов, поставивший задачу дополнить марксистскую политэкономия марксистской социологией познания, связал воедино океаническое торговое мореплавание и распространение мануфактур как факторы возникновения исчисления бесконечно малых. «Для мореплавания огромное значение приобрела точность ориентировки, для промышленности – точность производства инструментов. Минимальная ошибка в линии курса при путешествиях на тысячи верст по великим водным пустыням угрожала не только усложнением и замедлением трудного пути, но зачастую даже гибелью всей «транспортной мануфактуры» – корабля с его экипажем. Стремление уменьшить эту ошибку до практически ничтожной стало жизненно насущным. В мануфактуре также минимальные ошибки и неточности в инструментах приобрели большое реальное значение благодаря доведенному до высокой степени техническому разделению труда. Если в ремесленной мастерской работнику, выполняющему свое дело при помощи целого ряда различных орудий, приходилось каждым из них делать несколько десятков движений в час, а то и меньше, то в мануфактуре, оперируя все одним и тем же инструментом, рабочий производит с ним тысячи однообразных движений за такое же время. Неуловимая для глаза погрешность в устройстве орудия, оказывая свое влияние тысячи и тысячи раз, производит весьма заметное ухудшение в результатах работы – в количестве продукта, в степени утомления работника и т. д. Всякую неровность и асимметрию инструмента требуется уменьшить, насколько это возможно, не удовлетворяясь окончательно никакой достигнутой степенью, т. е. именно требуется сводить к бесконечно малой величине. Понятно, что античное презрительное отношение к бесконечно малым должно было исчезнуть и смениться живым интересом: новые мотивы, чуждые древнему миру, были порождены новой социально-трудовой практикой... Когда бесконечно малые заняли свое настоящее место – как действительные элементы практических, конечных величин, тогда стал возможен анализ величин в их изменениях и в их связи» [Богданов, 1990. С. 388–389].

У. Петти биографы в XX в. стали называть «выдающимся выразителем научной революции XVII в.» [Strauss, 1954. С. 225]. Он был одним из членов-учредителей Лондонского Королевского общества, которое с момента основания предприняло усилия для усовершенствования часовых механизмов. Специально для мореплавания сын председателя госсовета Республики Соединенных провинций, голландский астроном, физик и математик Х. Гюйгенс сконструировал маятниковые часы (1658) и дал их математическую теорию (1673). Но часы Гюйгенса позволяли определить долготу на море лишь при хорошей погоде. Их усовершенствованием занялись физик Р. Гук и его протеже механик-часовщик Т. Томпион [Пируныров, 1982. С. 221]. В тот же год, что «отец английской политэкономии» У. Петти изложил на бумаге «Политическую арифметику» (1676), «отец английского часостроения» построил маятниковые часы для открытой в лондонском пригороде Гринвиче Королевской обсерватории [Пируныров, 1982. С. 221]. Эти часы отсчитывали исходное время для британских навигаторов, приближая предсказанное У. Петти опережение Британией Голландии и всех прочих стран в океанском мореплавании и морской торговле.

Младшим современником Петти и Гюйгенса и соперником Гука был И. Ньютон – первооткрыватель дифференциального и интегрального исчисления, создатель механической картины мира классической науки. Молодым профессором он инструктировал своего друга Астона разузнать, приносят ли часы пользу в дальних морских путешествиях при определении долготы; в своем эпохальном труде «Математические начала натуральной философии» (1687) анализировал данные английских океанических экспедиций о секундном ходе маятниковых часов; в составе парламентской комиссии готовил «Билль о долготе» (1714) для поощрения конструкции часового механизма, позволившей бы точно определить градус долготы на океанских рейсах [Гессен, 1933. С. 26, 30].

Но, как показал наукометрический анализ, проделанный американским социологом Р.К. Мертоном, из исследований Лондонского Королевского общества практическими нуждами была инициирована приблизительно половина [Кирсанов, 1987. С. 13];

другая половина попадает в категорию чистой науки, не выводимой непосредственно из потребностей экономики и техники мануфактурного периода. Стоит отметить и такую составляющую прикладных исследований того времени, как алхимия, нередко входившая в «меркантилистские» проекты (у Бехера, например) и, как известно, сильно привлекавшая Ньютона [Дмитриев, 1999]. Если стремление удешевить мануфактурную продукцию обусловило, как показал И. Кулишер, широкое использование принудительного физического труда, то соединение «алхимического меркантилизма» с практикой изысканных мануфактур на потребу придворной роскоши породило такой казус мануфактурного периода, как принудительный интеллектуальный труд.

Предшественником «основателя политэкономии социализма» И. Сталина и его «шараг» выступил саксонский курфюрст и польский король Август II, заточивший в одном из своих замков – Альбрехтсбурге под Мейсенем на Эльбе – алхимика И. Ф. Беттгера, обещавшего получить золото, но вместо этого получившего фарфор не хуже китайского [Буровик, 1996. С. 155–156]. Открытие Беттгера, прервавшее самую долгую в истории ремесленную монополию, не принесло самому изобретателю свободы, а возникшая Мейсенская мануфактура, как затем Севрская во Франции, Императорский фарфоровый завод в России, продолжила ряд придворных мануфактур, производивших предметы роскоши ради прихотей узкой верхушки «галантного века».

Как отметил А. Корсак, мануфактуры такого рода могли образоваться, «потому что роскошь в богатом классе Европы распространилась ранее, чем довольство в массе населения» [Корсак, 1861. С. 71]. Начало массового производства керамической утвари в Европе связано с именем современника А. Смита Дж. Уэджвуда из Стаффордшира, который не только изобрел новые виды фарфора и фаянса, но и первым применил в керамическом производстве паровую машину, сконструированную Дж. Уаттом [Манту, 1937. С. 322]. И это уже другая эпоха – промышленного переворота и фабричного машинного производства.

Химик-художник Уэджвуд и механик-теплотехник Уатт – едва ли не единственные британские ученые-профессионалы из числа новаторов и бизнесменов революции эпохи промышленного переворота, начавшейся притом не с гончарного производства и теплотехники, а с хлопчатобумажной промышленности, в которой все творцы революционных нововведений были самоучками, не связанными с профессиональной наукой. В связи с этим науковеды не раз ставили вопрос об отсутствии прямой связи между научной революцией XVII в. и британским промышленным переворотом [Бернал, 1956. С. 291; Hall, 1974]. Однако И. Кулишер выявил косвенную, но исключительно важную связь: все новаторы-текстильщики Англии XVIII в. владели навыками часового дела. А оно после Х. Гюйгенса стало производством точных приборов, основанных на достижениях математики и физики и служащих науке [Кулишер, 1908. С. 32–33].

Явно не зная об исследованиях российского ученого более чем вековой давности, его выводы недавно подтвердил в своей новой концепции промышленной революции британский историк Р. Аллен, показывающий, что изобретение и внедрение английских машин было бы невозможно без английской часовой мануфактуры, а она была побочным продуктом научной революции [Аллен, 2014. С. 295]. Однако Аллен показывает и другой аспект проблемы – фактор внутреннего спроса, с которым связана еще одна дилемма политэкономии «мануфактурного периода».

Дилемма низкой и высокой заработной платы

Марксистская традиция исходила из того, что зачинатель «классической политической экономии» У. Петти в «Политической арифметике» оставил меркантилистские воззрения своих ранних произведений [Плотников, 1935. С. 62]. С этим нельзя согласиться, так

как «политический арифметик», хотя и превосходил современников в экономической проницательности, несомненно, остался верен доктрине активного торгового баланса. А в чем Петти был «упертым» меркантилистом – в убеждении, что заработная плата должна быть закреплена на уровне прожиточного минимума. Доктринеры внешнеторговой экспансии были уверены, что иначе не «вырвать народ из безделья» и не преуспеть конкурентной дешевизне продукции на рынках, поставках иностранцам шерстяных материй и других продуктов. По мнению Петти, голландцы «отняли» у англичан суконный промысел, потому что научились «трудиться более усиленно и питаться хуже» [Петти, 1940. С. 47].

В хоре голосов за минимум зарплаты иное мнение – о значении дохода наемных работников как *фактора внутреннего спроса* – осталось неслышным обертоном¹. Однако высокая относительно остальной Европы заработная плата в Нидерландах [Фрис, 2016. С. 18] и Англии позволила за счет роста доходов низших классов расширить внутренний рынок карманных и маятниковых часов. Они в течение XVIII в. превратились в предметы довольно широкого потребления, сбыт которых поддерживал высокий уровень развития часовой мануфактуры, а тем самым – и рост числа умельцев, владеющих навыками часового мастерства.

К. Маркс писал, что технический базис мануфактуры «вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства», а мануфактурные рабочие не сыграли роли в изобретении машин [Маркс, 1960. С. 381, 361]. Однако часовая мануфактура, поддерживаемая ростом внутреннего спроса благодаря относительно высоким зарплатам, стала источником всплеска механической изобретательности, породившей внедрение машин – сначала пряделен, приводимых в движение водой, и ткацких станков, затем – универсальных паровых двигателей. Главным часостроительным регионом Англии было графство Ланкашир [Аллен, 2014. С. 297–298]. И именно оно стало «почти синонимом» [Cameron, 1997. Р. 184] хлопчатобумажной промышленности – отрасли, «запустившей» ход промышленного переворота, заменявшего ручной мануфактурный труд машинным фабричным. Контроль над применением внедряемых машин требовал инженерных навыков, которые могли быть только у мастеров, освоивших передовую технологию того времени, а этой технологией было часовое производство, и оно же только и могло дать необходимые для первых машин компоненты.

Считая относительную (по европейским меркам) высоту оплаты труда одним из опорных пунктов для прорыва Британии в промышленную цивилизацию, Р. Аллен в качестве другого называет низкие затраты на топливо и энергию благодаря изобилию и дешевизне каменного угля в стране. Еще У. Петти зафиксировал увеличение каботажной доставки каменного угля из Ньюкасла в растущий Лондон [Петти, 1940. С. 198], но старая английская поговорка «Ньюкасл – это твое Перу» обрела новый смысл, когда от драгоценных металлов Перу, пролившихся в абсолютистскую Испанию ко вреду ей, остались одни воспоминания, тогда как Англия с паровой энергетикой «начала все решительнее выступать как главный деятель на поприще всемирной промышленности» [Корсак, 1861. С. 79].

А. Смит, атаковавший «меркантилизм», когда промышленная революция набирала ход, хотя и отметил, что изготовление машин сделалось особым видом бизнеса [Smith, 1776. Р. 12], не упоминал о конкретных машинах-нововведениях, повлекших структурные сдвиги в промышленности, подталкивающие ее к освобождению от раскритикованных Смитом стеснений свободы предпринимательства. Но книга Смита стала знаменем институционального обновления торговли и промышленности при переходе от мануфактурного периода к стадии капиталистического машинного производства. «Счастливая судьба Адама

¹ Мимоходом высказанное, напр., Д. Дефо: «...Если заработная плата – низкая и жалкая, такой же будет и жизнь; если люди получают мало, они смогут мало и тратить, и это сразу скажется на торговле». Цит. по: [Ананьин, 2000. С. 36–37].

Смита состоит в том, что он... защищал те идеи, которые назрели, и поставил свой анализ им на службу» [Schumpeter, 1954. P. 180].

Но дилеммы, с которыми столкнулись ушедшие в тень славы «обобщающего экономиста мануфактурного периода» его предшественники, не исчезли. На протяжении XIX и XX вв., пожалуй, наиболее острой была дилемма низкой и высокой заработной платы. Она привела к расколу внутри ведущей экономической школы, которую ее приверженцы называли «либеральной», а оппоненты – «ортодоксальной» [Гловели, 2019. С. 84–85]. Если следовать определению Маркса, то это был раскол на завершающем этапе «классической» политэкономии: между британцем Рикардо, теоретиком «рабочего фонда» (или «железного закона» заработной платы наемных работников за заработную плату на уровне прожиточного минимума) и французом Сисмонди, призвавшим к социальным гарантиям и введению системы участия рабочих в прибылях. Рикардо холодно назвал снижение благосостояния бескапитальной рабочей массы, растянувшееся почти на 60 лет, «периодом временного страдания»; Сисмонди же «поднял вопль» против страданий переходного периода от ручного к фабричному машинному производству [Миклашевский, 1909. С. 203].

Сисмонди первым указал на то, что повышение доходов рабочей массы восполнит тот недостаток совокупного спроса, который является причиной торгово-промышленных кризисов, но рикардянцы в Англии и школа Сэя во Франции ответили ему разгромной критикой [Блауг, 2005. С. 275], а век спустя основателю антикризисной макроэкономики Кейнсу признать Сисмонди своим предшественником помешал кембриджский снобизм.

В наше время небесполезно ретроспективное рассмотрение геоэкономических дилемм. Ж.А. Бланки, хоть и воздавший должное Сисмонди, считал преходящими печальные последствия того периода, который сам, возможно, первым и назвал «индустриальной революцией» [Blanqui, 1837. Pp. 209, 270]². Бланки, вероятно, с недоумением бы воспринял дискуссии нашего времени о «ресурсном» (чаще всего подразумевается – углеводородном) «проклятии». Ему и его современникам было бы странно говорить об «угольном проклятии» Англии. Напротив, они были уверены, что Британия достигла «всемирной монополии» [Blanqui, 1837. P. 222] «благодаря географическому своему положению и неистощимым производительным силам, которые заключает ее минеральная почва» [Корсак, 1861. С. 89]. С экономистами XIX в. отчасти солидарны и современные историки, не упускающие из виду фактора угольного ресурсного изобилия в завоевании Англией европейского и мирового промышленного лидерства [Померанц, 2017. С. 14]. Голландия же, экономически лидировавшая в Европе мануфактурного периода, лишилась своих позиций в том числе из-за отсутствия минерального топлива и опоре на торф, ограниченный сравнительно с английским каменным углем и диапазоном использования, и пределами запасов [Валлерстайн, 2016. С. 65]. Таким образом, обнаруженные политэкономией мануфактурного периода геоэкономические дилеммы еще далеки от разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллен Р. (2014). Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: ИИГ.
 Ананьин О.И. (2000). Кристаллизация научных знаний: XVI–XVIII вв. // История экономических учений / Под ред. В.С. Автономова и др. М.: ИНФРА-М.
 Бернал Дж.Д. (1956). Наука в истории общества. М.: Изд-во иностр. лит-ры.
 Блауг М. (2005). Сто великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономическая школа.
 Богданов А.А. (1990). Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат.
 Брикнер А.Г. (1876). Иван Посошков. Ч. 1. Посошков как экономист. СПб.: Тип. Академии наук.

² В России первым был, по-видимому, А. Корсак [Корсак, 1861. С.90], заимствовавший понятие и описание «индустриальной революции» у германского химика, экономиста и социального прожектера Марло (К.-Г. Винкельблеха, 1810–1865).

- Буровик К. А. (1996). Красная книга вещей. М.: Экономика.
- Валлерстайн И. (2016). Мир-система Модерна II. Меркантилизм и европейская консолидация европейского мира-экономики (1600–1750). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Вернадский И.В. (1858). Проспект политической экономии. Отдел I. СПб.: Тип. П.А. Кулиша.
- Водовозов В. (1913). Дунай // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 16. СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Гессен Б.М. (1933). Социально-экономические корни механики Ньютона. М.-Л.: Государственное технико-теоретическое издательство.
- Гловели Г.Д. (2011). А. Корсак – первый русский экономист-компаративист // Вопросы экономики. № 7.
- Гловели Г.Д. (2014). Меркантилистская геокультура и «прозельная горячность»: наследие Ю. Крижанича и И. Посошкова в контексте мир-системного подхода // Историко-экономические исследования. № 2 (Иркутск).
- Гловели Г.Д. (2010). Российские экономико-геополитические школы. М.: МЭиМО. № 11. С. 37–49.
- Гловели Г.Д. (2019). Индустриализм и линии раскола в политической экономии // Вопросы политической экономии. № 4. С. 78–93.
- Даль В.И. (1881). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. СПб.: М.С. М.О. Вольф.
- Даль В.И. (1882). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.: М.С. М.О. Вольф.
- Дмитриев И.С. (1999). Неизвестный Ньютон: силуэт на фоне эпохи. СПб.: Алетейя.
- Ингрэм Дж.К. (1897). История политической экономии. М.: К.Т. Солдатенков.
- Кирсанов В.С. (1987). Научная революция XVII века. М.: Наука.
- Корсак А.К. (1861). О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М.: Тип. Грачева.
- Косса Л. (1900). История экономических учений. Киев – Харьков: Южно-русское книгоизд-во.
- Кулишер И.М. (2004). История экономического быта Западной Европы. 9-е изд. Челябинск: Социум.
- Кулишер И.М. (2007). Крупная промышленность в XVII и XVIII веках С. Франция, Германия, Россия // Анналы экономической и социальной истории. Избранное. М.: ИД Территория будущего. С. 60–96.
- Кулишер И.М. (1906). Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 1. СПб.: Тип.-Лит. А.Г. Розена.
- Кулишер И.М. (1908). Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 2. СПб.: Тип.-Лит. А.Г. Розена.
- Левитский В.Ф. (1914). История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков.
- Люблинская А.Д. (1965). Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л.: Наука.
- Манту П. (1937). Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.: Соцэкгиз.
- Мануфактура (1978) // История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера: Пер. и прим. Н.В. Ревуненковой / Под общ. ред. А.Д. Люблинской. Л.: Наука.
- Маркс К. (1959). К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М.: Политиздат.
- Маркс К. (1960). Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат.
- Миклашевский А.Н. (1909). История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века. Юрьев-Дерпт: Тип. К. Матисена.
- Онкен А. (1908). История политической экономии до Адама Смита. М.: Тип. М. Александрова.
- Петти У. (1940). Экономические и статистические работы. Т. I–II. М.: Соцэкгиз.
- Пипуныров В.Н. (1982). История часов с древнейших времен до наших дней. М.: Наука.
- Плотников И.С. (1935). Меркантилизм и его разложение // Меркантилизм: Сборник. М.: Огиз, Соцэкгиз.
- Померанц К. (2017). Великое расхождение. М.: ИД Дело.
- Райнерт Э. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Серра А. (1935). Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов // Меркантилизм: Сборник. М.: Огиз, Соцэкгиз.
- Синицкий Л.Н. (1911). Антропогеография // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Смирнов Н.А. (1910). Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб.: Тип. Имп. Академии наук.
- Соболев М.Н. (1898). Политическая экономия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/Т. 47. СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Солнцев С.И. (1930). Экономия политическая // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 51. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат.
- Туган-Барановский М.И. (1899). Экономическая наука // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/Т. 55 (Россия). СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Фрис Я. де. (2016). Революция трудолюбия. Потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: ИИГ.

- Хорнигк Ф. фон (2011). Девять правил эмуляции богатых стран // Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Чупров А.И. (1898). Очерки истории политической экономии. М.: Лит. ОРПК.
- Шмоллер Г. (1901). Меркантильная система в ее историческом значении // Научное обозрение. № 10.
- Янжул И.И. (1876). Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Вып. 1. Период меркантильный. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К.
- Blanqui J.-A. (1837). Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours . Tome Deuxième. Paris: Guillaumin, Libraire-éditeur. (In French).
- Cameron R. (1997). A Concise Economic History of the World. From Paleolithic Times to the Present. Oxford. Oxford University Press.
- Heckscher E. (1962). Mercantilism. Vol. II. L.: George Allen & Unwin.
- Hall A.R. (1974). Was Did the Industrial Revolution in Britain Owe to Science? // Historical Perspectives. Studies in English Thought and Society. London. Europe Publications.
- Montchrétien A. de (1889). Traicté de l'oeconomie politique, ed. Th. Funck-Brentano. Paris, Librairie Plon, E.Plon, Nourrit et Cie.
- Petty W. (1899) The economic writings. Ed. Ch. H. Hull. Vol. 1. Cambridge University Press. oll.libertyfund.org/titles/petty-the-economic-writings-of-sir-william-petty-vol-1.
- Roncaglia A. (2005). The Wealth of Ideas. A History of Economic Thought.
- Schumpeter, J.A. (1954). The History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press.
- Small A.W. (1909). The Cameralists: The Pioneers of German Social Polity. Chicago: Burt Franklin.
- Smith A. (1776). An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London: Printed for W. Strahan and to T. Cadell in the Strand.
- Strauss E. (1954). Sir William Petty: Portrait of a Genius. London: Bodley Head.

Гловели Георгий Джемалович

ggloveli@hse.ru

Georgii Gloveli

doctor habilitatus in economics, professor of National Research University

«Higher School of Economics» Moscow, Russia

DILEMMAS OF POLITICAL ECONOMY OF MANUFACTURING PERIOD

Abstract. The article insists on the historical and methodological relevance of the concept of “political economy of the manufacturing period” introduced by K. Marx. It is shown that this concept allows a deeper understanding and appreciation of the contribution of various authors attributed in the literature to “mercantilism”, “cameralistics”, “the Other Canon” or even (like W. Petty) to “classical political economy”. The topical dilemmas for the current economic discourse have been explicated with which the political economists of the manufacturing period faced.

Keywords: *manufacturing period, mercantilist dilemmas, geo-economic dilemmas, “resource curse”, scientific revolution of 17th century, watch manufacture, low-high wage dilemma, industrial revolution.*

JEL Classification: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

REFERENCES

- Allen R. (2014). The British Industrial Revolution in Global Perspective. M.: GIE (in Russian).
- Ananyin O.I. (2000). Crystallization of Scientific Knowledge: XVI–XVIII Centuries // History of Economical Teachings. Ed. by V.S. Avtonomov and oth. M: INFRA-M (in Russian).
- Bernal J.D. (1956). Science in History. M.: IL (in Russian).
- Blanqui J.-A. (1837). Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours . Tome Deuxième. Paris: Guillaumin, Libraire-éditeur. Tome remier (in French).
- Blaug M. (2005). 100 Great economists before Keynes. SPb: “Economicheskaya shkola” (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1990). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian).
- Brikner A.G. (1876). Ivan Posohkov. Vol. 1. Posohkov as Economist. SPb: Academy of Science (in Russian).
- Burovik K.A. (1996). Red Book of Things. M.: Ekonomika (in Russian).
- Cameron R. (1997). A Concise Economic History of the World. From Paleolithic Times to the Present. Oxford. Oxford University Press.

- Chuprov A.I.* (1898). Essays on the history of political economy. M.: Lit. ORPK.
- Dal V.I.* (1881). Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. II (in Russian).
- Dal V.I.* (1882). Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. IV (in Russian).
- Dmitriev I.S.* (1999). Unknown Newton: Silhouette against the Backdrop of the Era. SPb.: Aletheiya (in Russian).
- Gloveli G. D.* (2011). A. Korsak – the First Russian Comparative Economist // Problems of Economics. No. 7. Pp. 62–78 (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2019). Industrialism and Discount Lines in Political Economy // Problems of Political Economy. No. 4. Pp. 78–93.
- Gloveli G.D.* (2014). Mercantilism's Geoculture and Russian «High Vehemence»: Yu. Krizhanich and I. Posohkov's Heritage in the World-System Approach Context // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics, Vol. 15. No. 2. Pp. 239–269 (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2010). Russian Economic and Geopolitical Schools. M.: MEiMO. No. 11. Pp. 37–49 (in Russian).
- Hall A.R.* (1974). Was Did the Industrial Revolution in Britain Owe to Science? // Historical Perspectives. Studies in English Thought and Society. London. Europa Publications.
- Hecksher E.* (1962). Mercantilism. Vol. II. L.: George Allen & Unwin.
- Hessen B.M.* (1933). Social and Economic Roots of Newtonian Mechanics. M.-L.: Gos. teoret.-tekhn. Publ. house.
- Hornigck F. von* (2011). Nine Rules of Rich Countries Emulation // How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. M: EH SU-HSE (in Russian).
- Inghram J.K.* (1897). A History of Political Economy. M.: K.T. Soldatenkov (in Russian).
- Kirsanov V.S.* (1987). The Scientific Revolution of the XVII Century. M.: Science (in Russian).
- Korsak A.K.* (1861). On the Forms of Industry in General and on the Importance of Home Industry (Domestic-Systems) in Western Europe and in Russia. M.: Grachev's Type (in Russian).
- Kossa L.* (1900). A History of Economic Doctrines. Kiev – Kharkov: South-Russian books ed. (in Russian).
- Kulisher I.M.* (2007). Large-Scale Industry in the XVII and XVIII centuries. France, Germany, Russia // Annals of economic and social history. Favorites. M.: Publishing House Territoriya buduschego. Pp. 60–96 (in Russian).
- Kulisher I.* (1906). Evolution of Return on Capital Due to Development of Industry and Commerce in Western Europe. Vol. 1. S.-Pb.: A.G. Rozen (in Russian).
- Kulisher I.* (1908). Evolution of Return on Capital Due to Development of Industry and Commerce in Western Europe. Vol. 2. S.-Pb.: A.G. Rozen (in Russian).
- Kulisher I.M.* (2004). The History of the Economic Life of Western Europe. Chelyabinsk: Socium (in Russian).
- Levitsky V.* (1914). A History of Political Economy Relative to History of Economic Life. Kharkov (in Russian).
- Lyublinskaya A.D.* (1965). French Absolutism in first XVII Century. M.-L.: Nauka (in Russian).
- Mantoux P.* (1937). The Industrial Revolution in the 18th Century in England. M.: Sotsekgiz (in Russian).
- Manufacture (1978)* // History in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert. Transl. and notes by N.V. Revunenikova. Ed. by A.D. Lublinskaya. L.: "Science". Pp. 160–163 (in Russian).
- Marx K.* (1959) A Contribution to the Critique of Political Economy // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 13. M.: Politiazdat (in Russian).
- Marx K.* (1960). Capital. Vol. 1 // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 23. M.: Politizdat (in Russian).
- Miklashevskii A.N.* (1909). A History of Political Economy. Yuriev–Derpt: K. Matisen.
- Onken A.* (1908). A of Political Economy before Adam Smith. M.: M. Aleksandrov (in Russian).
- Petty W.* (1899) The economic writings. Ed. Ch. H. Hull. Vol. 1. Cambridge University Press. oll.libertyfund.org/titles/petty-the-economic-writings-of-sir-william-petty-vol-1.
- Petty W.* (1940). Economic and statistic works. M: Socekgiz (in Russian).
- Pipunirov V.N.* (1982). The History of Watches from Ancient Times to the Present Day. M.: Science (in Russian).
- Plotnikov I.S.* (1935). Merkantilism and its decay // Merkantilism. Collection. M.: Ogiz, Socekgiz (in Russian).
- Pomeranz K.* (2017). The Great Divergence. M.: Delo (in Russian).
- Reynert E.* (2011). How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. M.: EH SU-HSE (in Russian).
- Roncaglia A.* (2005). The Wealth of Ideas. A History of Economic Thought. Cambridge: University Press.
- Schmoller G.* The Mercantile System and its Historical Significance // Nauchnoe obozrenie. No. 10 (in Russian).
- Schumpeter J.A.* (1954). The History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press.
- Serra A.* (1935). A Brief Treatise on the Causes That Can Make Gold and Silver Plentiful in Kingdoms Where There Are No Mine // Merkantilism. Collection. M.: Ogiz, Socekgiz (in Russian).
- Sinitzky L.N.* (1911). Anthropogeography // New Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: Brockhaus and Efron (in Russian).
- Small A.W.* (1909). The Cameralists: The Pioneers of German Social Polity. Chicago: Burt Franklin.
- Smirnov N.A.* (1910). Western Influence on the Russian Language in the Petrine Era. SPb.: Typ. Imp. Academy of Sciences (in Russian).
- Smith A.* (1776). An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London: Printed for W. Strahan and to T. Cadell in the Strand.

- Sobolev M.N.* (1898). Political Economy // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. S/V. 47. SPb.: Brockhaus and Efron. Pp. 305–312 (in Russian).
- Solntsev S.I.* (1930). Political Economy // Granat Encyclopedic Dictionary. Vol. 51. M.: Rus. Granat Bibliogr. Inst (in Russian).
- Strauss E.* (1954). Sir William Petty: Portrait of a Genius. London: Bodley Head.
- Tugan-Baranovsky M.I.* (1899). Economic Science // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. S/V. 55 (Russia). – SPb.: Brockhaus and Efron. Pp. 851–854 (in Russian).
- Vernadsky I.V.* (1858). A Scetch of Political Economy. Part I. SPb.: P.A. Kulish (in Russian).
- Vodovozov V.* (1913). Danube // A New Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 16. SPb.: Brockhaus and Efron (in Russian).
- Vries J. de.* (2016). The Industrious Revolution: Consumer Demand and the Household Economy, 1650 to the Present. M.: IIG (in Russian).
- Yanzhul I.I.* (1876). English Free Trade. The Historical Outline of the Development of Ideas of Free Competition and the Foundations of State Intervention. Vol. 1. The Period is Mercantile. M.: Typ. A.I. Mamontov and K. (in Russian).
- Wallerstein I.* (2016). The Modern World-System, vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. M.: Dmitry Pozharsky's University (in Russian).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Лукьянова

*д.ю.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ, КОРРУПЦИЯ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Аннотация. Вплоть до последнего времени вопросы противодействия коррупции и проблемы конституционного права изучались изолированно друг от друга. Хотя именно антикоррупционный взгляд на многие правовые вопросы позволяет расширить инструментарий государственного управления.

Автор анализирует так называемое уравнение коррупции Роберта Клитгаарда: «Коррупция = Монополия + Свобода действий – Подотчетность». В статье предлагается формулировка «уравнения антикоррупции», переведенная на юридический язык: «Регулярная сменяемость власти + Власть, ограниченная правом + Система сдержек и противовесов». Автор выдвигает и обосновывает гипотезу, что совокупность антикоррупционных требований составляет формулу демократического правового государства, функционирующего в условиях приоритета прав человека и соблюдения принципа верховенства права. И наоборот, «коррупционное» уравнение Клитгаарда в том же юридическом переводе составляет формулу авторитарного политического режима.

В статье анализируются различные классификации коррупции и отмечается особая опасность политической коррупции. Только она носит всеобъемлющий системный характер и использует для достижения коррупционных целей инфраструктуру всего политического процесса, а не отдельного ведомства или отдельной публичной должности. В условиях республиканского правления власть как правило не афиширует своих коррупционных целей и вынуждена имитировать демократические процессы, подменяя их на деле авторитарными практиками. Механизмы политической коррупции, таким образом, становятся средством для нивелирования конституционализма. Вместе с тем, среди факторов питательной среды коррупции авторитарный политический режим не всегда первичен. В ряде случаев он создается искусственно специально под определенные коррупционные цели.

В обоснование заявленных тезисов автор анализирует конституционные трансформации в странах СНГ в свете антикоррупционных исследований.

Ключевые слова: *политические режимы, конституционализм, коррупция, верховенство права, система сдержек и противовесов, разделение властей.*

JEL: D72, D73, K00, K19, L38.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10108

Эту статью можно начать с двух, казалось бы, парадоксальных утверждений, а потом попытаться доказать их право на существование. Первое утверждение состоит в том, что уравнение коррупции, выведенное классиком антикоррупционных исследований американским экономистом профессором Робертом Клитгаардом «Коррупция = Монополия + Свобода действий – Подотчетность» есть формула авторитарной власти [Klitgaard, 1988. P. 230].

Второе утверждение заключается в том, что конституционные трансформации многих стран – бывших республик СССР могут быть охарактеризованы как имеющие заведомо коррупционный характер. Попробуем разобраться.

Российский ученый-государствовед Станислав Шевердяев в своей работе «Конституционное право и коррупция: введение в проблему» констатирует, что вплоть до последнего времени вопросы противодействия коррупции и проблемы конституционного права

изучались изолированно друг от друга. Хотя в последние годы был накоплен огромный массив знаний, позволяющих выявлять глубинные причины коррупционной болезни, которые, как выясняется, во многом лежат в недостатках государственного строительства [Шевердяев, 2016а. С. 13, 39]. «Несмотря на то, что современные политологические и экономические исследования о проблемах коррупции, а также общий курс международной антикоррупционной повестки явно указывают на необходимость анализа глубинных причин коррупции, которые могут скрываться в особенностях государственной организации разных стран, – пишет он, – конституционно-правовая наука до последнего времени стояла в стороне от этой проблематики».

К сожалению, все обстоит именно так. Не только в России, но и в других странах юристы при проверке своих выводов практически не используют тот огромный багаж знаний, который накоплен за последние полвека в области борьбы с коррупцией. Хотя, похоже, что именно антикоррупционный взгляд на многие правовые вопросы является самой лучшей оптикой, позволяющей государствоведению разглядеть невиденное и понять непознанное. В свою очередь, выводы юристов, сделанные с учетом антикоррупционной теории, тоже могли бы усилить и уточнить ее. Невероятно ценны антикоррупционные знания для процесса познания сути и смыслов современных политических режимов. Примененный в этом процессе инструментарий и угол зрения антикоррупционных исследований можно, пожалуй, сравнить с техникой последнего штриха резца мастера, после которого глыба мрамора превращается в законченное и выпукло-цельное произведение – в Пиету. Это прекрасно видно на примере анализа современных конституционных трансформаций ряда постсоветских государств.

Коррупция – власть – политический режим

Коррупция как явление сопровождает развитие человеческой цивилизации с древнейших времен. Изначально латинский термин «*corruptio*» (греческое – «грязь») имел больше десятка значений – от повреждения желудка плохой пищей, расточения состояния, упадка нравов и истощения источника до ущемления свободы и обольщения женщин и др. Это слово касалось самых разных сторон жизни, но всегда имело негативно-разрушительную коннотацию. Позже в римском праве образовался самостоятельный термин, который предполагал участие в противоправной деятельности нескольких лиц, целью которых являлась порча или повреждение нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества, а также подкуп судьи (претора) [Бондаренко, 2002. С. 8]. То есть понятие коррупции как грязи стало ассоциироваться именно с государством. Таким оно дошло до наших дней. Но вопрос о том, является ли феномен коррупции онтологически присущим всякой публичной власти, продолжает будоражить ученые умы. Действительно ли «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно»? Верна ли эта максима английского историка лорда Дж. Актона?

Безусловно одно – в коррупционном взаимодействии стороной всегда должен быть некто располагающий публичным статусом и возможностями распоряжаться вверенной ему властью. Причем возможности этого статуса используются им не по прямому назначению, не в связи с достижением задач, ради которых данная публичная позиция была создана, а в соответствии с собственными интересами или личными представлениями [Шевердяев, 2016а. С. 19]. То есть все-таки именно власть (властное полномочие) является основой и лучшей питательной средой для коррупции. Но не только государственная власть и не всякая государственная власть.

Поэтому из всех определений коррупции наиболее точным является то, в соответствии с которым коррупцией признается злоупотребление возложенными на должност-

ное лицо полномочиями с целью личного обогащения [*Основные понятия и концепции антикоррупционной деятельности*, 2015. С. 12]. Это определение, используемое международной организацией Transparency International, шире и точнее, нежели определение ООН¹, в котором речь идет о злоупотреблении только государственной властью. Ограничение понимания коррупции исключительно государством выводит за рамки антикоррупционной дискуссии проблемы коррупции в органах местного самоуправления, в общественных организациях и в коммерческих структурах. Понимая это, здесь мы все же будем говорить о коррупции, связанной именно с властью, поскольку трансформация политических режимов происходит при ее непосредственном целеполагании и участии.

Анализируя условия возникновения коррупционных отношений, американский экономист Роберт Клитгаард вывел так называемое уравнение коррупции. Это то самое уравнение, о котором мы говорили в начале статьи: «Коррупция = Монополия + Свобода действий – Подотчетность». Данная формула означает, что коррупция всегда возникает при сочетании следующих условий: 1) решение, которое хотел бы «купить» коррупционер для своей выгоды, принимается только одним субъектом (монополия); 2) границы полномочий субъекта-монополиста размыты (не вполне определены), отсутствуют критерии и четкая процедура вынесения решения (свобода действий); 3) не предусматривается действенных инструментов контроля за качеством выносимых решений (подотчетность). Соответственно, это уравнение является и уравнением антикоррупции. То есть, если власть является регулярно сменяемой (отсутствие монополии), если установлен четкий и закрытый перечень полномочий, минимизированы условия для административного усмотрения (правовая определенность), созданы жесткие регламенты и процедуры деятельности органов власти и должностных лиц (отсутствие свободы) и учреждены механизмы внешнего контроля со стороны других (специальных и/или руководящих) органов, СМИ и институтов гражданского общества (подотчетность), то пространство для коррупционного поведения сужается или исчезает совсем [*Бондаренко*, 2002. С. 40].

Переведенное на юридический язык уравнение антикоррупции будет выглядеть примерно так: «Регулярная сменяемость власти + Власть, ограниченная правом + Система сдержек и противовесов». Некоторые ученые включают в содержание этого уравнения принципы разделения властей, народовластия и верховенства права [*Шевурдяев*, 2016b. С. 77; *Троицкая*, 2016. С. 493, 496, 500].

Получается, что совокупность антикоррупционных требований составляет формулу демократического правового государства, функционирующего в условиях приоритета прав человека и соблюдения принципа верховенства права. И наоборот, «коррупционное» уравнение Клитгаарда в том же юридическом переводе составляет формулу авторитарного политического режима: «Монополия и несменяемость власти + концентрация и размытость полномочий при отсутствии процедур + отсутствие сдержек и противовесов, подавление оппозиции, уничтожение независимых СМИ и контрольных институтов гражданского общества». Отсюда предварительный вывод – коррупция онтологически в меньшей степени присуща демократической власти, потому что ее политические институты сами по себе более эффективны. Да и по своей мотивации такая власть отрицательно-коррупционна и в ее конструкции присутствует институциональный потенциал для сужения пространства коррупционного поведения. Демократия обеспечивает существование сильного гражданского общества, которое обеспечивает заслон коррупционному поведению. А авторитарной власти коррупция присуща онто-

¹ В Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией 1995 г. (A/CoNf. 169/14. 1995. 13 Apr.) коррупция понимается как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях».

логически. Эта власть изначально коррупционно патогенна, а ее институциональная конструкция идеально предназначена для реализации и воспроизводства коррупционных практик.

Поэтому вполне закономерно, что развитие представлений о коррупции и о способах борьбы с ней по времени и по смыслу непосредственно связано с идеями о надлежащем порядке управления общими делами, чему коррупция всегда препятствует. И чем большее внимание уделяется справедливому демократическому устройству государства и общества, тем больше требований предъявляется к освобождению этого устройства от коррупционных практик и тем больше сужается пространство для коррупционного поведения. Если раньше коррупция традиционно связывалась лишь с индивидуальными противоправными актами отдельно взятых морально неустойчивых коррупционеров, то современные исследования убедительно показывают, что в основе коррупции лежат не просто корыстные мотивы плохо воспитанных семьей и школой злоумышленников, а негодное устройство системы взаимодействия по поводу власти и собственности, которая не только не препятствует, но прямо способствует развитию коррупции.

Не менее закономерно и то, что начало научного исследования коррупции как явления совпадает по времени со сменой абсолютных монархий на демократические формы правления государств (ограниченные монархии или республики). До этого в феодальной абсолютистской Европе многие действия, которые сегодня относятся к коррупционным, считались совершенно нормальной практикой ведения дел. И иначе быть не могло. В абсолютистских государствах различий между публичными и частными интересами носителей власти не существовало. Государства были личным уделом и наследуемой собственностью монарших фамилий, а, значит, постановка вопроса об использовании публичного статуса для частной выгоды была по меньшей мере лишена смысла. Этот смысл появился только тогда, когда государство стало рассматриваться как оплачиваемая налогоплательщиками услуга, качество которой они вправе оценивать. То есть с высоты сегодняшних представлений и знаний вся абсолютная монархическая власть была по своей природе политически коррупционной. И, наверное, самым коррупционным в силу своих особенностей было российское самодержавие. Но современники его таковым не считали. Идея о необходимости познания феномена коррупции и борьбы с ним стала востребована только тогда, когда в общественном сознании была проведена жесткая разделительная черта между публичными и частными интересами представителей власти и изменились критерии оценки их деятельности.

В постиндустриальном мире все больше людей стали воспринимать институт государства не как некую данную им свыше сакральную сущность, а как добровольную политическую ассоциацию, основанную на договоре. В силу этого договора люди передают часть своей свободы и власти государству. В договорном государстве источником власти являются только его граждане. И именно они определяют границы участия государства в регулировании общественных отношений и пределы полномочий публичной власти по принципу «мы ваши работодатели». Именно граждане наделяют государственные органы необходимыми для этого правами и обязанностями, контролируя качество государственных услуг. Коррупция же, наоборот, исходит из позитивистского принципа «принято – извольте исполнять». Поэтому любая внеконституционная поправка текущего законодательства в условиях действия этого принципа разрушает правила функционирования договорного государства. Именно поэтому государственная коррупция стала восприниматься людьми как проявление социальной несправедливости и угроза не только государству, но и лично каждому из граждан.

Возникшая в середине XX в. международная антикоррупционная повестка ознаменовала собой период массового осознания новой роли и значения государства. 1 октября 1996 г., когда на ежегодном собрании Всемирного банка его президент Дж. Вулфенсон

открыто назвал коррупцию «раковой опухолью» и барьером на пути развития, эта повестка достигла своего пика и обозначила начало современного этапа транснациональной антикоррупционной мысли. Именно с середины 90-х годов прошлого века после окончания холодной войны и прекращения финансирования коррупционных режимов для образования блоков коррупция и борьба с ней стали восприниматься как мировая, общая для всех государств проблема, требующая пристального внимания и всесторонних исследований [Нисневич, 2015. С. 95].

Да, конечно, массовая трансформация общественного сознания, приведшая к постановке вопроса о необходимости объединения усилий разных стран для противодействия коррупции произошла только тогда, когда в мире резко уменьшилось число абсолютистских государств. Но изменение формы правления вовсе не означает автоматического перехода к демократическому политическому режиму. Республика и ограниченная монархия, безусловно, предоставляют больше возможностей для его установления. Но так, увы, бывает не всегда. Даже конституционно провозглашенный и институционально легитимированный демократический режим может быть изменен на противоположный, поскольку политические режимы в процессе жизнедеятельности государств по самым разным причинам трансформируются от авторитарных к демократическим и наоборот. Например, в 1984 г. около половины всех стран в мире были авторитарными и только около четверти демократическими. Через 20 лет – в 2004 г. ученые зафиксировали уже совсем другую ситуацию – половина стран в этот период была демократической и только 15% авторитарными [Фьелде Ханне, Хегре Хавард, 2014]. Еще через десять лет демократия в ряде стран вновь качнулась в сторону авторитаризма. И вместе с этими трансформациями режимов колебались уровни коррупции, поскольку, как уже говорилось, высокий уровень коррупции прямо пропорционален высокому уровню авторитаризма и обратно пропорционален высокому уровню демократии.

Высокий и очень высокий уровни коррупции характерны практически для всех государств с правящими тоталитарными и авторитарными режимами личной власти или корпоративного типа. Исключение составляет остров-государство Сингапур, публичную власть которого с 1959 по 1990 годы возглавлял и до самой своей смерти в 2015 г. контролировал уникальный политик Ли Куан Ю, мотивированный с момента прихода к власти исключительно служением делу искоренения коррупции и экономического развития своей страны. В решении этих задач Сингапур под руководством Ли Куан Ю добился впечатляющих успехов. По результатам исследований Трансперенси Интернешнл² и Всемирного банка³ он уже на протяжении многих лет входит в группу государств с низким уровнем коррупции и лидирующих по темпам экономического развития.

Еще одно исключение – военный авторитарный режим Пиночета в Чили. Важнейшим фактором его экономического успеха было последовательно проведенное *разделение власти и собственности*. Государство полностью, за исключением добычи меди, ушло из экономики. У государственных институтов и отдельных чиновников не было собственных экономических интересов, и они не контролировали собственника через механизмы прямой и завуалированной коррупции. По данным «Transparency International», Чили – наименее коррумпированная из всех латиноамериканских стран, далеко оторвавшаяся по этому показателю от их основного массива [Ворожейкина, 2009. С. 65].

Несколько лучше, чем в других странах с правящими тоталитарными и авторитарными режимами, обстоят дела с коррупцией еще в десяти небольших по численности населения и территории государств Персидского залива с монархической

² Transparency International Corruption Perceptions Index.

³ The World Bank. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project.

формой правления и авторитарными режимами личной власти (в частности, Катар и ОАЭ). Обусловлена такая ситуация тем, что правители этих государств выступают в роли «стационарного бандита» – являясь главными бенефициарами национальной экономики. Эти правители рассматривают коррупцию должностных лиц государственного аппарата среднего и нижнего уровня как угрозу их личным интересам и потому нещадно ее искореняют.

Во всех остальных государствах с тоталитарными и авторитарными режимами, которые составляют порядка одной трети от всех суверенных государств современного мира, коррупция, по результатам исследований Трансперенси Интернешнл и Всемирного банка, находится, как уже говорилось, на высоком и очень высоком уровнях. В том числе даже там, где против коррупционеров применяются жесткие карательные меры вплоть до смертной казни, как, например, в Китае [Нисневич, 2014. С. 39]. Такое положение более чем закономерно. Вероятность того, что авторитарный режим избежит коррупционной участи очень-очень мала, поскольку лежит исключительно в плоскости целеполагания своего лидера.

Справедливости ради надо отметить, что и демократия не является абсолютной панацеей от коррупционной болезни. Даже стабильные демократические государства иногда оказываются достаточно высоко коррупционными. Из 194 суверенных государств-членов ООН только 22–23 государства побороли эту болезнь и живут с низким уровнем коррупции. Но одно безусловно – все эти государства, кроме Сингапура, являются устойчивыми демократиями [Нисневич, 2013]. В любом случае уровень коррупции в недемократических режимах кратно выше, нежели в демократических. Потому что как бы не приспособивался и не мутировал коррупционный вирус, борьба с ним вручную и поинститутно в демократических государствах дает гораздо более быстрый результат, нежели при системно-коррупционных авторитарных режимах.

Политическая коррупция

Австрийский писатель и публицист Карл Краус сравнил коррупцию с первой древнейшей профессией. «Коррупция хуже проституции, – написал он, – проституция ставит под угрозу нравственность одного человека, коррупция ставит под угрозу нравственность целой страны» [Многоликая коррупция, 2010. С. 31]. Но коррупция бывает разная. Учеными выявлено большое число различных видов коррупции [Аверкиев, Калягин, 2005. С. 66; Шевердяев, 2016а. С. 15–28, 90–126]. Из всех этих видов самой опасной является коррупция политическая, потому что поставить под угрозу нравственность целой страны может только она. Наверное, именно поэтому только о ней идет речь в определении ООН. В отличие от всех других видов только политическая коррупция не является эпизодической, а носит всеобъемлющий системный характер и использует для достижения коррупционных целей инфраструктуру всего политического процесса, а не отдельного ведомства или отдельной публичной должности (в том числе для незаконного удержания власти, укрепления политического статуса, накопления богатства и т.д.). Особая ее опасность состоит также в том, что в условиях республиканского правления она осуществляется субъектами политики, уполномоченными принимать решения от имени народа. Поэтому такая власть, как правило, не афиширует своих коррупционных целей и вынуждена имитировать демократические процессы, подменяя их на деле авторитарными практиками.

Подобную политическую коррупцию называют экстрактивной институциональной. Под этим термином понимается синтез административной и политической коррупции, когда политическая элита или класс использует аппарат государства в качестве

инструмента для извлечения ресурсов из общества, при котором распространение коррупции достигает таких масштабов и уровня структурированности, что государственно-властные решения принимаются не в интересах общества и даже не в интересах частного бизнеса, а исключительно в интересах коррумпированных бюрократических структур. Институциональная экстрактивная коррупция не является побочным продуктом развития социально-политической системы, а целенаправленно выступает в качестве главного стержневого механизма, обеспечивающего повышение управляемости коррумпированной государственной системой перед риском потери нитей управления для извлечения ренты и для контроля власти и богатства под угрозами любого давления. В результате она может трансформироваться в коррумпированную государственную систему и даже в мафиозное государство [Роуз-Аккерман, 2003. С. 149–150, 175–179; Amundsen Inge, 1999. Рр. 3, 7; Лазарев, 2011. С. 5].

Но для того, чтобы использовать ресурсы публичной власти в целях личного или группового материального обогащения, эту власть сначала нужно завоевать, а потом удерживать в своих руках, *создав соответствующий политический режим*. Инструментами решения этой задачи служат различные виды политической коррупции. Это в первую очередь электоральная и законодательная коррупция. Потому что только с помощью электоральной коррупции как центрального элемента политической коррупции возможен захват представительной власти, через которую путем законодательной коррупции происходит формально-правовое обеспечение деятельности коррупционного режима. Далее для удержания власти и достижения коррупционных целей могут использоваться другие виды политической коррупции: электоральная коррупция (включая использование административного ресурса, мошенничество с подсчетом голосов, вбросы избирательных бюллетеней, покупку голосов и др.); 2) непотизм (включая политический патронаж) и покупка должностей для занятия невыборных государственных постов; законодательная коррупция (в том числе противозаконный лоббизм) в форме технологии «приватизации государства» для «покупки» или обеспечения потенциально-коррупционных государственно-властных решений; присвоение публичных фондов с использованием политических процедур или для достижения политических целей (в том числе посредством методов «бюрократического» рэкета) – для приобретения имущества в личных целях или для решения групповых коррупционных задач; злоупотребление полномочиями в политических целях (в том числе в обход законно установленных демократических процедур) – для укрепления личной или групповой власти, обеспечения поддержки высокого должностного статуса [Шевердяев, 2016а. С. 101–102].

Профессор Нисневич разделяет формы политической коррупции по стадиям процесса взаимодействия политических акторов с публичной властью на завоевание (удержание) публичной власти и ее использование [Нисневич, 2016].

То есть среди факторов питательной среды коррупции авторитарный политический режим не всегда первичен. В ряде случаев специально под определенные коррупционные цели с помощью политической коррупции он создается искусственно. Поэтому профессор В.В. Лунеев определяет политическую коррупцию как форму политической борьбы за власть [Лунеев, 2000. С. 102]. Д. Аджемоглу с соавторами пошли дальше – посредством формального моделирования они проанализировали соотношение коррупции и политического процесса и провели аналогию между *клеттократическими режимами и режимами личной власти* как ориентированными на использование власти в целях извлечения прибыли [Acemoglu, 2003; Acemoglu and Robinson, 2006; Acemoglu, Robinson and Verdier, 2004; Лазарев, 2011. С. 53–54]. То есть взгляд на проблему политических режимов может быть совершенно иным в зависимости от целеполагания политических элит. Их характер может быть обусловлен совершенно иными причинами – целью извлечения политической, а, в конечном счете, экономической выгоды.

Именно механизмы политической коррупции являются наиболее надежным и весьма популярным средством для нивелирования влияния конституционализма. Исследования показывают, что в этом случае политическая коррупция является еще и средством универсальным – в нестабильных государствах она выступает в виде «премии за риск» (парламентариям, судьям, сотрудникам правоохранительных органов) при создании определенной, отличной от конституционной модели правопонимания и правоприменения. В стабильных авторитарных режимах коррупция является инструментом контроля над бюрократией, бизнесом и другими «системно значимыми» группами для обеспечения их политической лояльности. Контроль над бюрократией и бизнесом достигается через так называемый «механизм заложников». Все вовлеченные в коррупционный рынок получают определенную прибыль, но при этом попадают в зависимость от карательных органов. Тем самым коррупция создает основу для политики «кнута и пряника». «Кнут» применяется ко всем, кто выступает против режима, и примеры многочисленных избирательных антикоррупционных дел против оппозиционеров лучшее тому подтверждение. Пряником же является выгода от участия в коррупции, распределяемая индивидуально-вручную за лояльность режиму [Шевердяев, 2016а. С. 81–83].

Поэтому большинство основных элементов современных универсальных международных антикоррупционных стратегий имеют конституционно-правовой характер. Современное антикоррупционное знание достигло такой степени системности и точности, что на его основе вполне можно определять, как будут меняться коррупционные практики в зависимости от специфической коррекции властных отношений. В этой связи системное исследование состояния конституционной трансформации России и других постсоветских государств могло бы стать благодатным предметом для анализа антикоррупционной науки. С точки зрения теории политической коррупции крайне любопытным является сравнительно-правовой анализ конституционных трансформаций в странах СНГ, которые вполне могут быть охарактеризованы (по Нисневичу) как политически коррупционные на стадии удержания власти.

Конституционные трансформации в странах СНГ в свете антикоррупционных исследований

Как известно, в начале 1990-х годов во всех странах СНГ были приняты конституции, устанавливающие определённый срок нахождения в должности президента (обычно 5 или 4 года) и лимит на занятие президентской должности одним лицом (не более 2 сроков подряд). В ряде стран имелось также ограничение на возраст кандидата в президенты. Однако очень быстро во многих странах возникли инициативы, а затем и практика продления президентских полномочий, в результате чего находившиеся в должности президенты получили право баллотироваться на третий или даже последующие сроки, либо просто существенно эти сроки продлевали.

При этом использовались схожие конституционные и внеконституционные механизмы. А именно:

- признание первого срока «нулевым», так как он начался до принятия действующей конституции, и разрешение баллотироваться на третий срок как на второй (Леонид Кучма – Украина⁴, Ислам Каримов – Узбекистан, Эмомали Рахмон – Таджикистан, Аскар Акаев – Кыргызстан);

⁴ Леонид Кучма не воспользовался решением Конституционного суда, которым ему предоставлялось право избираться на третий срок.

- устранение путём референдума поправки к Конституции об ограничении на последовательные сроки (Александр Лукашенко – Белоруссия, Нурсултан Назарбаев – Казахстан, Ильхам Алиев – Азербайджан);
- личное пожизненное президентство – в виде исключения – без внесения поправок в Конституцию (Сапармурат Ниязов – Туркмения);
- увеличение президентского срока посредством внесения поправок в Конституцию с автоматическим продлением полномочий действующего президента (Назарбаев – Казахстан, Каримов – Узбекистан). При принятии белорусской конституции 1996 г. полномочия Лукашенко, избранного в 1994 г., были «обнулены» и продлены на два года согласно переходным положениям. В России в 2008 г. сроки конституционных полномочий Президента и Государственной Думы были увеличены до 6 и 5 лет соответственно;
- снятие верхнего ограничения на возраст кандидата в президенты (Борис Ельцин – Россия, Назарбаев – Казахстан, Рахмон – Таджикистан).

Использовались также различные сочетания этих методов (например, Ниязов сначала отсрочил применение положения о двух сроках президентских полномочий, а потом был объявлен пожизненным).

В результате такого искусственного продления полномочий некоторые президенты получили право находиться у власти более 20 лет, считая со времен СССР (Назарбаев и Каримов). В России с учётом возможности «тангема» с председателем правительства один и тот же президент теоретически может находиться у власти бесконечно. То есть налицо конституционные трансформации с целью удержания власти. Таким образом, в конституционные трансформации многих стран – бывших республик СССР вполне могут быть охарактеризованы как имеющие заведомо коррупционный характер. Закономерно, что в результате такого похожего «завоевания власти» режимы этих стран по признаку нераздельности власти и собственности очень быстро стали похожи на другие авторитарные политические режимы. Только скорость, с которой властные группировки в странах СНГ прибрали к рукам все наиболее прибыльные экономические активы, существенно превышает ту, с которой, например, получили свои страны в собственность традиционалистские авторитарные режимы в Центральной Америке [Ворожейкина, 2009. С. 50–68].

Эти режимы постоянно имитировали демократические институты и тоталитарную риторику, без объяснения меняли пропагандистские модели, в отношении потенциальных оппонентов сочетали точечные репрессии и точечную же кооптацию, заменяли политическую конкуренцию соревнованием бюрократических кланов, а конституционную систему сдержек и противовесов – организацией административной биржи, где торгуют ресурсами, полномочиями, угрозами и обещаниями. Тем не менее экономическим фундаментом этого «барочного палаццо» являлась и является покупка лояльности за деньги: как правящий класс, так и граждане наделяются своей долей распределенных доходов, а взамен от первых ожидается участие, а от вторых – пассивность [Шульман, 2015].

Во взаимосвязи с проблематикой политической коррупции на основе подобных конституционных трансформаций Е.А. Лазарев выделил типологию постсоветских режимов и разделил все постсоветские страны на несколько групп. Первая группа – демократическое равновесие, к этому типу режимов он отнес страны Балтии [Taube, 2001]. Вторая группа – демократическое неравновесие – на момент выхода его статьи в 2010 г. к этому типу режимов он относил Украину, Молдову, Армению и Грузию. Третья, четвертая и пятая группы – режимы разной степени авторитарности: авторитарное неравновесие (Киргизия); авторитарное равновесие (Россия, Казахстан и Азербайджан) и закрытый авторитарный режим (Беларусь, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан) [Лазарев, 2010. С. 117–120].

Правда, по поводу равного демократического равновесия в странах Балтии есть серьезные сомнения. Например, А. Рябов и Е. Мишина полагают, что единственным успешным проектом создания постсоветского национального государства, которое завершило посткоммунистический транзит и, несмотря на проблему русскоязычного меньшинства, никакого отношения к постсоветскому пространству не имеет, является Эстония (unique case по совокупности показателей экономики, реформы полиции и судебной системы) [Рябов, 2013; Мишина, 2014. С. 98]. В то же время двухобщинная парламентская Латвийская республика, в которой значительная часть населения лишена избирательных прав, а национальные политические партии коалиционным путем осуществили захват парламента и удерживают его на протяжении четверти века, вряд ли может быть отнесена к демократически-равновесному типу политического режима. По мнению К. Таубе, позиция по вопросу гражданства, которую заняла Латвия, вызывает целый ряд вопросов с точки зрения демократии и политической стабилизации. Установление прямой и жесткой связи гражданства и свободного владения государственным языком превратилось в символ возрождения Латвии и одновременно с этим в инструмент политического воздействия, использовавшийся для исключения части населения страны из демократических процессов [Лукьянова, Шаблинский, 2018. С. 190].

Тем не менее исследование Е.А. Лазарева само по себе крайне интересно, потому что анализ идет «от обратного». Если мы доказываем, что авторитарные и демократические режимы различаются своей потенциальной коррупционностью, то Лазарев, наоборот, выводит тип политического режима на основе антикоррупционных данных. И его типология практически полностью совпадает с данными международной организации «Всемирная конференция по конституционному правосудию» [Лазарев, 2011].

Коррупционные политические режимы и ценности политических элит

Один из самых влиятельных философов XX в. Карл Поппер утверждал, что политические институты – как крепости: их надо не только хорошо спроектировать, но и правильно населить [Поппер, 1992. С. 448]. И он совершенно прав. В дискуссии о том, является ли феномен коррупции онтологически присущим всякой публичной власти, недостаточно исследовать только лишь институциональное состояние режима (проектирование крепости). Очень многое зависит от личностей носителей власти (населения крепости). То есть у коррупции есть две важнейшие составляющие – институциональная возможность бесконтрольного и безнаказанного недолжного использования своих полномочий и система личных ценностей людей, принимающих решения, которая вступает или не вступает в противоречие с коррупционным поведением.

В поисках ответа на вопрос, верна ли максима лорда Дж. Актона, А. Рогоу и Г. Лассуэлл методом анализа конкретных ситуаций (*case-study*) исследовали в исторической ретроспективе политические карьеры 30 политиков, которые доминировали в системе публичной власти США в конце XIX – начале XX вв. По результатам исследований они пришли к выводу, что максиму Актона нельзя признать фундаментальной аксиомой и сформулировали следующий вывод: «Честность не расходится с властью. Власть не обязательно ведет к коррупции или, наоборот, не всегда облагораживает» [Рогоу, 2005. С. 55–77]. В этом с ними солидарен Ю.А. Нисневич [Нисневич, 2014], который считает, что, хотя структура и способна в значительной степени предопределять возможности и ресурсы политических акторов, но власть не существует помимо воли субъекта. Субъект является не пассивным носителем роли, а активным агентом. И только его личные действия (бездействия) влияют на результат власти.

То есть налицо зависимость общественно-политических явлений от уровня освоения элитами конституционных и иных общечеловеческих ценностей. В любом коррупционном взаимодействии некто, располагающий публичным статусом и возможностями распоряжаться вверенной ему властью, использует возможности этого статуса не по прямому назначению, не в связи с достижением задач, ради которых данная публичная позиция была создана, а в соответствии с собственными интересами или личными представлениями. Но если его личные представления и интересы совпадают с прямым назначением публичной должности, то шансы его участия в коррупционном взаимодействии будут минимальны.

Склонность к коррупции лиц, мотивированных жадой наживы, обусловлена прежде всего тем, что для таких соискателей должностей публичной власти принцип «цель оправдывает средства» если и не является главным, то во всяком случае рассматривается как вполне приемлемый. Причем первоначальный смысл, заложенный иезуитами в этот принцип, трансформируется: «цель оправдывает любые средства». Поэтому для личной выгоды и обогащения допустимо и возможно использовать должностные полномочия и права, распределять подконтрольные ресурсы в обход любых установленных правил [Нисневич, 2014. С. 37–38]. Под эту цель возможно перекраивать конституционные принципы, менять их смыслы, ломать и коверкать государственные институты, обманывать, жульничать, беспредельничать и даже убивать, создавать любыми способами специальные институциональные коррупционные механизмы.

Итак, на состояние коррупции в сфере публичной власти огромное влияние оказывает внутренняя мотивация тех, кто приходит занять публичные должности. Такая мотивация определяется уровнем развития личности и характером ее ценностных ориентаций (население крепости). Да, она, безусловно, важна. Без нее не случится коррупционного взаимодействия. И все же Карл Поппер прав – хорошо спроектированные крепостные стены (институциональная составляющая) будут серьезно препятствовать коррупционному поведению. Если крепость спроектирована правильно, то тогда для реализации коррупционных целей возможно только два варианта – либо сломать крепость и построить другую, либо снести все внутренние перегородки, оставив фасад сооружения. Это, собственно, и есть тот самый образ имитационного политического режима, если его истинной целью является обогащение и нажива.

В итоге получается, что коррупционные государства и авторитарные политические режимы имеют одинаковые причины и институциональные основы. Развитие коррупционных и авторитарных государств в подавляющем большинстве случаев происходит по одному сценарию. Задачей псевдодемократической имитации авторитаризма может являться попытка сокрытия истинных коррупционных целей и задач власти. В такой ситуации конституционализм становится безусловной жертвой коррупции, поскольку является серьезной преградой на ее пути, которую коррупционному режиму необходимо устранить.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиев И.В., Калягин Г.В. (2005). Спрос и предложение государственных властных услуг: институциональный анализ. М.: Спрос М.
- Бондаренко С.В. (2002). Коррупцированные общества. Ростов-на-Дону: Ростиздат.
- Ворожейкина Т. (2009). Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия // Вестник общественного мнения. № 4. С. 50–69. www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.4_102.pdf (проверено 16.01.2020).
- Лазарев Е.А. (2010). Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций // Полис. Политические исследования. № 2. С. 106–121.

- Лазарев Е.А. (2011). Коррупция и политическая стабильность: институциональная перспектива // *Полития*. № 1(60). С. 50–68.
- Лукьянова Е.А., Шаблинский И.Г. (2018). Авторитаризм и демократия. М.: Мысль.
- Лунев В.В. (2000). Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Тезисы доклада // *Государство и право*. № 4. С. 99–102.
- Мишина Е.А. (2014). Длинные тени советского прошлого. М.: Фонд «Либеральная Миссия».
- Многоликая коррупция. Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления (2010) / Под ред. Д. Кампос, С. Прадхан. М.: Альпина Паблишерз.
- Нисневич Ю.А. (2013). Коррупция – излечимая болезнь? // *Republic*. republic.ru/posts/1/964787 (проверено 16.01.2020).
- Нисневич Ю.А. (2014). Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход // *Полис*. Политические исследования. № 6. С. 32–51.
- Нисневич Ю.А. (2015). Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 90–100.
- Нисневич Ю.А. (2016). Коррупция: инструментальная концептуализация // *Социологические исследования*. № 5. С. 61–68.
- Основные понятия и концепции антикоррупционной деятельности: учебное пособие (2015). Совет Европы. gm.coe.int/-/16806eed0c (проверено 16.01.2020).
- Поппер К.Р. (1992). Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива».
- Рогоу А.А. (2005). Власть, коррупция и честность. М.: Издательство РАГС.
- Роуз-Аккерман С. (2003). Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос.
- Рябов А. (2013). Постсоветские государства: дефицит развития на фоне политико-экономического многообразия // *Вестник Института Кеннана в России*. Вып. 23. С. 7–17.
- Троицкая А.А. (2016) Современные международные правовые и этические антикоррупционные стандарты и российское конституционное законодательство // *Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом. Учебно-методический комплекс (учебное пособие)* / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Юстицинформ. С. 459–507.
- Фьелде Х., Хегре Х. (2014). Политическая коррупция и институциональная устойчивость // *Studies in Comparative International Development*. № 49(3). С. 267–299. lap.hse.ru/data/2014/04/01/1317122317/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.docx (проверено 16.01.2020).
- Шевердяев С.Н. (2016а). Конституционное право и коррупция: введение в проблему // *Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом. Учебно-методический комплекс (учебное пособие)* / Под ред. Авакьяна С.А. М.: Юстицинформ. С. 13–126.
- Шевердяев С.Н. (2016б). Конституционно-правовые подходы к разработке антикоррупционной проблематики: основные маршруты // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 4. С. 73–91.
- Шульман Е. (2015). Верховенство права: Зима близко // *Ведомости*. № 3904. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/08/26/606392-zima-blizko (проверено 16.01.2020).
- Acemoglu D. (2003). Why Not a political Coase theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. No. 4. Pp. 620–652.
- Acemoglu D., Robinson J. and Verdier T. (2004). Alfred Marshall Lecture: Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 2. No. 2–3. Pp. 162–192.
- Acemoglu D. and Robinson J. (2006). *Economic origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amundsen I. (1999). *Political Corruption: An Introduction to the Issues*. Bergen: Chr. Michelsen Institute.
- Klitgaard R. (1988). *Controlling Corruption*. Oakland: University of California Press.
- Taube C. (2001). *Constitutionalism in Estonia, Latvia & Lithuania: A Study in Comparative Constitutional Law (Skifter Fran Juridiska Fakulteten Uppsala, 86)*. Lustu Forlag.
- The World Bank. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. info.worldbank.org/governance/wgi/ (accessed 16.01.2020).
- Transparency International Corruption Perceptions Index. www.transparency.org/research/cpi/overview (accessed 16.01.2020).

Лукьянова Елена Анатольевна
pravoslovo@mail.ru

Elena Lukyanova

professor of Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, National Research University
Higher School of Economics, Doctor of Law Sciences
pravoslovo@mail.ru

POLITICAL REGIMES, CORRUPTION AND CONSTITUTIONALISM

Abstract. Until recently, the issues of anti-corruption and the problems of constitutional law were studied separately. Although it is the anti-corruption approach to legal issues that allows to expand the constitutional law instrumentarium.

The author analyzes the so-called corruption equation of Robert Klitgaard: “Corruption = Monopoly + Freedom of action – Accountability.” The article proposes the “anti-corruption equation” translated in legal language: “Regular alternation of power + Power, limited by the law + System of checks and balances”. The author puts forward and substantiates the hypothesis that the totality of anti-corruption requirements constitutes the formula of a democratic law-bound state that operates in conditions of the human rights priority and the rule of law. And vice versa, the Klitgaard’s “corruption equation” in the same legal translation constitutes the formula of an authoritarian political regime.

The article analyzes various classifications of corruption and notes the particular danger of political corruption. It has a comprehensive systemic nature and uses the infrastructure of the entire political process, rather than of a separate department or a separate public office, to achieve corruption goals. Under the conditions of the republic state, the government usually does not show its corruption goals and is forced to imitate democratic processes, replacing them with authoritarian practices. The mechanism of political corruption, therefore, becomes a means for leveling constitutionalism. At the same time, an authoritarian political regime is not always a primary and necessary factor of corruption. In some cases, such regime is created artificially specifically for certain corruption goals.

In support of the stated theses, the author analyzes constitutional transformations in the CIS countries in the light of anti-corruption research.

Keywords: *political regimes, constitutionalism, corruption, rule of law, system of checks and balances, separation of powers.*

JEL: D72, D73, K00, K19, L38.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. and Verdier T.* (2004). Alfred Marshall Lecture: Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 2. No. 2–3. Pp. 162–192.
- Acemoglu D. and Robinson J.* (2006). *Economic origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amundsen I.* (1999). *Political Corruption: An Introduction to the Issues*. Bergen: Chr. Michelsen Institute.
- Averkiev I.V., Kalyagin G.V.* (2005). Spros i predlozhenie gosudarstvennykh vlastnykh uslug: institutsional’nyy analiz [Demand and Supply of Government Power Services: Institutional Analysis]. M.: Spros M.
- Bondarenko S.V.* (2002). *Korrumpirovannye obshchestva [Corrupt societies]*. Rostov-on-Don: Rostizdat.
- F’elde Kh., Khegre Kh.* (2014). Politicheskaya korrupsiya i institutsional’naya ustoychivost’ [Political corruption and institutional sustainability] // *Studies in Comparative International Development*. No. 49(3). Pp. 267–299. lap.hse.ru/data/2014/04/01/1317122317/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.docx (accessed 16.01.2020).
- Klitgaard R.* (1988). *Controlling Corruption*. Oakland: University of California Press.
- Lazarev E.A.* (2010). Politicheskaya korrupsiya: ob”yasnyaya prirodu postsovetskikh transformatsii [Political corruption: explaining the nature of post-Soviet transformations] // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2. Pp. 106–121.
- Lazarev E.A.* (2011). Korrupsiya i politicheskaya stabil’nost’: institutsional’naya perspektiva [Corruption and political stability: an institutional perspective] // *Politiya*. No. 1(60). Pp. 50–68.
- Luk’yanova E.A., Shablinskiy I.G.* (2018). *Avtoritarizm i demokratiya [Authoritarianism and democracy]*. M.: Mysl’.
- Lunev V.V.* (2000). Korrupsiya: politicheskie, ekonomicheskie, organizatsionnye i pravovye problemy (tezisy doklada) [Corruption: political, economic, organizational and legal problems (theses of the report)] // *Gosudarstvo i pravo*. No. 4. Pp. 99–102.

- Mishina E.A.* (2014). *Dlinnye teni sovetskogo proshlogo* [Long shadows of the Soviet past]. M.: Fond "Liberal'naya Missiya".
- Mnogolikaya korruptsiya. Vyyavlenie uyazvimykh mest na urovne sektorov ekonomiki i gosudarstvennogo upravleniya (2010). [Many-sided corruption. Identification of vulnerabilities at the level of sectors of the economy and public administration]. Ed. by Kampos D., Pradkhan S. M.: Al'pina Pablisherz.
- Nisnevich Yu.A.* (2013). Korruptsiya – izlechimaya bolezнь? [Is corruption a treatable disease?] // Republic. republic.ru/posts/l/964787 (accessed 16.01.2020).
- Nisnevich Yu.A.* (2014). Publichnaya vlast' i korruptsiya: sotsial'no-antropologicheskii podkhod [Public authority and corruption: a socio-anthropological approach] // Polis. Politicheskie issledovaniya. No. 6. Pp. 32–51.
- Nisnevich Yu.A.* (2015). Korruptsiya v istoricheskoy retrospektive s utochneniyami i dopolneniyami [Corruption in historical retrospective with clarifications and additions] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. No. 3. Pp. 90–100.
- Nisnevich Yu.A.* (2016). Korruptsiya: instrumental'naya kontseptualizatsiya [Corruption: instrumental conceptualization] // Sotsiologicheskie issledovaniya. No. 5. Pp. 61–68.
- Osnovnye ponyatiya i kontseptsii antikorrupcionnoy deyatel'nosti: uchebnoe posobie (2015). [Basic concepts and concepts of anti-corruption activities: a training manual]. Council of Europe. rm.coe.int/-/16806eed0c (accessed 16.01.2020).
- Popper K.R.* (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vrugi* [Open Society and its Enemies]. M.: Feniks: Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa».
- Rogou A.A.* (2005). *Vlast', korruptsiya i chestnost'* [Authority, corruption and honesty]. M.: Izdatel'stvo RAGS.
- Rouz-Akkerman S.* (2003). *Korruptsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* [Corruption and the State. Reasons, consequences, reforms]. M.: Logos.
- Ryabov A.* (2013). Postsovetskie gosudarstva: defitsit razvitiya na fone politiko- ekonomicheskogo mnogoobraziya [Post-Soviet states: development deficit amid political and economic diversity] // Vestnik Instituta Kennana v Rossii. Vol. 23. Pp. 7–17.
- Sheverdyayev S.N.* (2016a). «Konstitutsionnoe pravo i korruptsiya: vvedenie v problemu» [Constitutional Law and Corruption: Introduction to the Problem] //Konstitutsionno-pravovye osnovy antikorrupcionnykh reform v Rossii i za rubezhom. Uchebno-metodicheskiy kompleks (uchebnoe posobie) [Constitutional and legal foundations of an anti-Corruption reforms in Russia and abroad. Methodical Complex (textbook)] / Ed. by Avakyan S.A. M.: Yustitsinform. Pp. 13–126.
- Sheverdyayev S.N.* (2016b). Konstitutsionno-pravovye podkhody k razrabotke antikorrupcionnoy problematiki: osnovnye marshruty [Constitutional and legal approaches to the development of anti-corruption issues: main routes] // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. No. 4. Pp. 73–91.
- Shul'man E.* (2015). Verkhovinstvo prava: Zima blizko [Rule of law: Winter is coming] // Vedomosti. No. 3904. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/08/26/606392-zima-blizko (accessed 16.01.2020).
- Taube C.* (2001). *Constitutionalism in Estonia, Latvia & Lithuania: A Study in Comparative Constitutional Law* (Skrifter Fran Juridiska Fakulteten Uppsala, 86). Lustu Forlag.
- The World Bank. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. info.worldbank.org/governance/wgi/ (accessed 16.01.2020).
- Transparency International Corruption Perceptions Index. www.transparency.org/research/cpi/overview (accessed 16.01.2020).
- Troitskaya A.A.* (2016). Sovremennye mezhdunarodnye pravovye i eticheskie antikorrupcionnye standarty i rossiyskoe konstitutsionnoe zakonodatel'stvo [Modern international legal and ethical anti-corruption standards and Russian constitutional legislation] // Konstitutsionno-pravovye osnovy antikorrupcionnykh reform v Rossii i za rubezhom. Uchebno-metodicheskiy kompleks (uchebnoe posobie) [Constitutional and legal foundations of an anti-Corruption reforms in Russia and abroad. Methodical Complex (textbook)] / Ed. by Avakyan S.A. Moscow: Yustitsinform. Pp. 459–507.
- Vorozheykina T.* (2009). Avtoritarnye rezhimy XX veka i sovremennaya Rossiya: skhodstva i otlichiya [Authoritarian regimes of the twentieth century and modern Russia: similarities and differences] // Vestnik obshchestvennogo mneniya. No. 4. Pp. 50–69. www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.4_102.pdf (accessed 16.01.2020).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Одинцова

д.э.н., в.н.с., Институт экономики РАН, Москва

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЛОКАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции социально-экономического развития, связанные с утратой государством безусловной монополии на выражение общественного интереса. Изначальное содержание понятия общественного интереса, заложенное в концепции якобинцев, и которое отражало реалии централизованных государств, предполагало отсутствие промежуточных звеньев между гражданами и государством. В этих рамках государство является единственным выразителем общественного интереса. Реформы по децентрализации территориального управления, расширение полномочий местного самоуправления, расширение возможностей граждан определять направленность развития местных сообществ и участвовать в управлении местными делами – все эти процессы, начавшиеся в последней трети XX в., позволяют говорить о появлении локального общественного интереса. На основе анализа прежде всего зарубежного опыта, показано, что этот общественный локальный интерес сегодня все больше определяет деятельность местных органов управления. Об этом говорит, в частности, инкорпорирование принципов устойчивого развития в стратегии муниципальных образований. Заметные продвижения в этом направлении наблюдаются и в Российской Федерации. Достаточно сослаться на развитие практики стратегического планирования социально-экономического развития муниципальных образований, инициативное бюджетирование, получившее развитие во многих регионах страны. Вместе с тем как в практике муниципального развития, так и в существующих нормативно-законодательных документах имеется еще много пробелов, сдерживающих формирование общественного локального интереса, а значит и превращение его в реальный фактор социально-экономического развития страны в целом. С этих позиций дана оценка практики муниципального стратегирования, инициативного бюджетирования, а также содержания Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: *местное самоуправление, местное сообщество, местный локальный интерес, общественный интерес, пространственное развитие.*

JEL: B40, O20, R50.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10109

Общественный интерес: ассоциации и утрата монополии государства на его выражение

Поправки в Конституцию, заявленные в январе текущего года, дали новый импульс дискуссиям по всей совокупности вопросов, так или иначе касающихся вопросов государственного устройства. Помимо чисто практических вопросов, связанных с формированием верхних этажей российской государственной власти; помимо вопросов, касающихся включения местного самоуправления в систему публичной власти, есть более общие вопросы, которые, хотя и не находятся сегодня в центре обсуждения, однако, именно они, на наш взгляд, представляют тот теоретический базис, трактовка основных понятий которого во многом связана с сутью проводимых преобразований. Возможно, именно их нерешенность привела к двойственности трактовок и оценки принятого в свое время Конституционного положения об отделении местного самоуправления от системы органов государственной власти.

Традиционно, при рассмотрении теоретических вопросов государства, важное значение имеет проблематика, касающаяся взаимоотношения составных частей системы «государство – общество – общественный интерес». Как понимать общественный интерес? В каком отношении он находится с государством? В целом общественный интерес традиционно рассматривался в качестве составной части отмеченной триады. Общий интерес идентифицировался с интересом общественным, единственным представителем и определенным гарантом которого являлось государство.

Подобное понимание общего интереса в качестве краеугольного камня публичного права или «общей воли» восходит к работам Ж.-Ж. Руссо. «Всякий человек добродетелен, – заявляет Руссо, – когда его частная воля во всем соответствует общей воле» [Руссо, 1968. С. 121]. Противопоставляя общую волю воле частной, Руссо постоянно подчеркивает, что эта общая воля (*la volonté générale*) направлена исключительно на общий интерес, в то время как частная воля, по существу, имеет дело только с частными интересами [Гурвич, 1918. С. 71]. Общая воля присуща каждому гражданину и всегда представляет собой индивидуальную волю, направленную на общее благо. «Нет и не может быть общей воли, господствующей надо мной, которая не была бы в то же время моей личной, индивидуальной волей. Я не могу быть свободным, если кто-либо понуждает мою волю» [Руссо, 1968. С. 170].

Оценивая воззрения Руссо, исследователи Института Пастера отмечают, что общая воля определяется как «сумма различий воли каждого». Иначе говоря, здесь элиминируются частные интересы, которые «взаиморазрушаются» самим фактом своей множественности и гетерогенности в целях сохранения того, что остается: гражданской концепции публичного интереса, или, иначе – общего интереса [*Etude sur la rénovation de l'intérêt general...*, 2013. P. 8].

Сегодня существует множество определений общего интереса. Так, согласно воззрения французского исследователя Ж.-П. Годена, общий интерес представляет собой «совокупность верований, эффективность которой зависит от отношений, которые устанавливаются между легитимацией публичных действий и периодической реструктуризацией интересов» [Gaudin, 1999. P. 55]. По мнению Ле Галэ, общий интерес формируется акторами в данный момент в целях ослабления конфликтов между различными социальными группами и организациями [Le Galès, 2003. P.37].

Существуют и другие традиции понимания общественного интереса. К одной из таких относятся взгляды английского социолога Г.Спенсера, который общественный интерес рассматривал как сумму интересов составляющих общество индивидов. Подробное освещение этого вопроса не входит в тему настоящей статьи. Однако отметим, что в демократических обществах с системой представительной власти традиционно именно государству принадлежала монополия легитимного определения общего интереса. В классическом понимании «государство представляет собой принцип унификации общества, а значит, – оно является единственным источником общего интереса ... оно объединяет, собирает, выявляет то, что рассредоточено, атомизировано, иррационально; оно является катализатором, который трансформирует социальные противоречия в коллективный проект» [Chevalier, 1978].

Таким образом, в определенном смысле, этот общий (общественный) интерес долгое время представлял собой политическую, юридическую и идеологическую конструкцию, основным предназначением которой было выявление некоего цементирующего социально-экономическую ткань общества начала.

В результате легитимность государственного вмешательства традиционно обосновывалась ссылками на «общий интерес», монополия на выражение которого принадлежала государству. Классическое государственное регулирование основывалось на признании специфических функций, которые присущи государственной власти, далеко не сводящи-

еся к чисто политическим задачам обеспечения государственности: для удовлетворения общего интереса (который определяется как общая воля, возвышающаяся над интересами частных лиц) государство мобилизует систему институтов в рамках государственного сектора. Понятие общественного интереса в том виде, в каком оно было задумано в концепции якобинцев, централизованного государства и демократии предполагает отсутствие промежуточных звеньев между гражданами и государством. В этих рамках государство является гарантом общего интереса.

Однако подобное представление, сформированное либеральными философами прошлого, не вполне адекватно отражают сегодняшние реалии. Новые механизмы регуляции сформировали гибридный сектор, соединяющий публичных и частных акторов.

По мере усложнения институциональной архитектуры общества стали появляться другие подходы к легитимности власти, отдающие приоритет принципам участия. Этот подход позволяет иначе посмотреть на монополию государства в определении общего интереса. Здесь носителями общего интереса помимо государства становятся институты гражданского общества, различные ассоциации (в широком смысле этого слова), основанные на принципах представительства и участия. Именно они начинают рассматриваться в качестве цементирующего фактора и вектора новых парадигм общественного действия [Etude sur la rénovation de l'intérêt general..., 2013. P. 9].

В какой-то степени этот вопрос поднимал Ю. Хабермас на примере обширного исторического материала, выделивший основные направления структурных изменений публичной сферы [Хабермас, 2016]. В его работах предпринята попытка разработать принципы рационализации политики, инклюзивности, толерантности и публичного диалога [Юдин, 2016. С. 123]. По его мнению, «то, что сегодня называется гражданским обществом не включает более ... основанную на принципах частного права экономику, регулирующую рынками труда или рынками капиталов и благ. Напротив, его институциональное ядро формируется негосударственными и неэкономическими, основанными на добровольных началах объединениями и ассоциациями, которые связывают все коммуникационные структуры публичного пространства в понятие общества. Таким образом, ядро гражданского общества формирует ассоциативное пространство, которое институционализирует в рамках организованного публичного пространства обсуждения, целью которых является решение проблем, связанных с общим интересом».

Таким образом, на смену монополизации вопросов общественного интереса государством (а также органами территориального управления) приходит система, основанная на признании различных, в какой-то степени гибридных, институциональных форм, которые приняли отношения между государством и гражданским обществом. На теоретическом уровне это нашло отражение в различных концепциях, рассматривающих в качестве важнейшего фактора институционального дизайна таких понятий, как взаимодействие, сотрудничество, консенсус, компромисс. Именно в результате компромисса между различными, подчас гетерогенными и, возможно, антагонистическими интересами и формируется, согласно данному подходу, общий интерес, где государству подчас отведена минимальная роль. В качестве примера таких подходов можно привести французскую школу конвенций (L. Boltanski, L. Thévenot) и школу регуляции (R. Boyer, M. Aglietta). Оба подхода, несмотря на имеющиеся различия, исходят из отказа от любой идеализации общего интереса, рассматривая его в качестве социального, интеллектуального и политического, и в какой-то степени динамического конструкта, локализованного и определенного во времени [Boltanski, Thévenot, 1991; Boyer, Saillard, 2002; Aglietta, 1997].

Своеобразным доказательством рассмотренной эволюции стала реконфигурация политического пространства, где гражданское общество (в какой-то мере в противоречии с изначальным содержанием этого понятия) берет на себя через коллективные проекты определенное количество социально-значимой деятельности. Возрастает и роль ассоциа-

тивных акторов в формировании общего интереса. Если раньше различного рода ассоциативные институты призваны были быть выразителями интересов определенных категорий населения, то теперь случаи, когда они становятся носителями интересов всего общества, перестали быть исключительными.

Наиболее показательным примером здесь могут служить различные ассоциации в области защиты природы и окружающей среды. За несколько лет они превратились из простых оппозиционных движений, выражающих протест против тех или иных действий (политики) правительств, в настоящую силу, которая делает предложения, играет существенную роль в реализации (теперь уже государственной) политики охраны окружающей среды. И если ранее многие экологические ассоциации определяли себя прежде всего в качестве сил давления на публичную власть, то сегодня они желают быть скорее силой, высказывающей предложения и ведущей диалог, превращаясь тем самым в скорее конструктивную, нежели оппозиционную силу. Участие ассоциаций востребовано и публичными властями в форме дискуссий, хотя и преимущественно в роли консультантов. Все чаще эти ассоциации действуют не против государства, а вместе с ним. Речь идет не о стратегии конфронтации, а, скорее, о стратегии интеграции, направленной на изменение системы через участие в ней.

Показательным примером эволюции содержания общего интереса являются тенденции, характерные практически для всех стран мирового сообщества и связанные с пространственно-территориальным фактором социально-экономического развития.

Длительное время общественному (общему) интересу, выразителем которого было государство, противопоставлялись частные интересы локальных сообществ. Подобная трактовка была не случайна. В ее основе – сложившаяся система территориального управления, основанная, несмотря на имеющиеся страновые различия, на директивах «сверху». Именно государство до последней трети XX в. определяло принципы и направления развития территорий. Однако в 70–80-е гг. XX в. практически во всех развитых странах прошли волны реформ по децентрализации территориального управления¹. При всем многообразии национальных моделей, которые сложились в разных странах, их направленность сводилась к расширению самостоятельности местных и региональных органов власти, децентрализации управления коллективными благами – в транспортной инфраструктуре, образовании, помощи безработным. На первом этапе реформ наблюдалась передача полномочий, связанных, прежде всего, с комплексным социально-экономическим развитием территорий, впоследствии (на втором их этапе) – с формированием комфортных условий жизни населения.

Расширение самостоятельности локальных сообществ, предоставленная им возможность самим (посредством множества механизмов, некоторые из которых будут упомянуты ниже) определять формы и направленность своего пространственного развития сформировали условия (по крайней мере, там, где эти механизмы стали реально работать) для институционализации нового вида общественного интереса – локального общественного интереса.

Подобный тезис может встретить возражения того плана, что общественный локальный интерес существовал и раньше, коль скоро существовали муниципальные образования, где проживали местные сообщества. Однако превалирование централизованных механизмов пространственного развития, отсутствие самостоятельности в проведении местной социально-экономической политики, преобладание различных форм априорного контроля за функционированием местных органов власти и т.п. институты, не позволяют принять это возражение. Да и о местном самоуправлении в полном смысле этого слова в этих условиях не приходилось говорить.

¹ Их причины и содержание выходят далеко за рамки темы настоящей статьи.

Особенностью любого института местного самоуправления заключается в том, что все они обладают собственной легитимностью. Все они формируются непосредственно населением или же при его участии, осуществляя свою деятельность в рамках закрепленных за ними полномочий.

Общественный локальный интерес и местное социально-экономическое развитие

Итак, реформы по децентрализации территориального управления, расширение полномочий регионов и местного самоуправления привели к ситуации, когда на местном уровне сформировались социально-экономические условия для институционализации нового вида общественного интереса – а именно *общественного локального интереса*. Лет 30 назад само словосочетание «общественный локальный интерес» означало несоединимое. Сегодня же оно используется все чаще как представителями различных уровней территориального управления, так и представителями бизнеса и населения. Анализ показывает, что глубина и конкретные механизмы отношений между местными акторами (фирмами, муниципалитетами, университетами, исследовательскими центрами, профсоюзами, населением и т.д.) непосредственно влияют на конкурентоспособность многих видов экономической деятельности. Так, аналоги итальянских дистриктов существуют в Баден-Вуртенберге в Германии, в некоторых префектурах Японии, в Силиконовой Долине, в т.н. полюсах конкурентоспособности Франции, а также в Индии (Бангалоре), Бразилии или в Западной Африке.

Важнейшей составляющей реформы по децентрализации, помимо расширения полномочий региональных и местных органов, стало развитие и углубление механизмов участия населения, что в итоге привело и к появлению коллективной ответственности граждан за реализацию системы общественных локальных интересов. Более того, можно утверждать, что именно механизмы участия населения, бизнеса и всех заинтересованных лиц (стейкхолдеров) в определении направленности развития территорий, в реализации локальных программ являются тем ключевым фактором, который позволяет говорить об общественном локальном интересе и в результате о реальном местном самоуправлении.

Еще Джефферсон, характеризуя демократию, признавал народ в качестве самого безопасного хранилища власти в последней инстанции и призывал к оставлению у него всех тех полномочий, в осуществлении которых он компетентен [Мутагиров, 2013. С. 274]. Согласно его взглядам, прямая демократия может осуществляться лишь в пределах небольших сообществ, которые в силу этого и являются тем уровнем, от эффективной институционализации которого зависят показатели социально-экономического развития всей страны. Логическим продолжением подобных взглядов в какой-то степени является и принцип субсидиарности, который сегодня является основой распределения функций и полномочий между различными уровнями территориального управления во многих странах.

Остановимся в этой связи на нескольких примерах, иллюстрирующих каким образом практическое признание наличия локального общественного интереса позволяет влиять на эффективность пространственного развития.

Как мы уже отмечали, одной из важнейших компетенций, которая была передана местным органам управления во многих странах, стала политика устройства территории. В результате вместо политики территориального развития, основанной на директивах «сверху», пришло «локальное развитие», основанное на поиске локальных, внутренних факторов экономического развития и направленное на реализацию локального общественного интереса.

Результатом произошедших изменений стало появление различных программных документов по пространственному развитию, устройству территорий сперва на национальном уровне, а затем и на уровне международном, использование (под различными названиями) практики стратегического планирования. Их отличительной чертой стало привлечение к их разработке и реализации местных сообществ.

Все это изменило само понятие территории. Если раньше она выступала в качестве абстрактного пространства и объекта исключительно государственного воздействия (регулируемого), то сегодня она все больше превращается в активную институциональную единицу, имеющую свой собственный потенциал развития, используемый для реализации местного общественного интереса. Из достаточно простых в структурном аспекте анклавов территории превратились в активные производственные системы. В современных условиях территории более не являются аддитивными множествами расположенных на территории экономических агентов [Минакири, Демьяненко, 2010. С. 26]. Речь идет о качественном изменении роли и места территориального (регионального и локального) фактора в источниках современного социально-экономического развития.

В самом общем виде стратегическое планирование представляет собой деятельность местных органов местного самоуправления, а также других заинтересованных акторов по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития территории соответствующего муниципального образования (или их объединения в случае наличия института межмуниципального сотрудничества). Эта деятельность направлена на реализацию локального общественного интереса, решение задач устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований. Важнейшими среди этих задач являются: проблемы социальной адаптации, использования возобновляющихся источников энергии, органического сельского хозяйства. Местные стратегии являются тем уровнем, где невозможно обойти вопросы устойчивого развития, связанные с национальными приоритетами как в том, что касается целеполагания, так и в том, что связано с участием населения в разработке и реализации муниципальной стратегии [*Territoires et Développement durable...*].

Как показывает мировой и отечественный опыт, важнейшей составляющей в формировании общественного локального интереса в процессе стратегического планирования является обеспечение условий для участия населения, представителей бизнеса и всех заинтересованных сторон в разработке и реализации стратегий социально-экономического развития, а также в бюджетном процессе. Именно степень и механизмы участия всех т.н. стейкхолдеров (как физических, так и юридических лиц, заинтересованных и причастных к локальному развитию) становятся предпосылкой эффективного пространственного развития, перехода от традиционного планирования развития муниципалитетов, основанного на разрабатываемых по преимуществу местными властями программам, к планированию стратегическому, требующему не только разработки долгосрочных стратегий, но и вовлечения большого числа субъектов в процесс их разработки и реализации.

Оценивая с этих позиций ситуацию в России, следует отметить, что первые муниципальные стратегии разрабатывались в значительной степени кулуарно, а население к этому процессу, по сути, не привлекалось (в лучшем случае, населению предоставлялось возможность вносить небольшие изменения в текст уже разработанных стратегий). Сегодня ситуация меняется: все большее число муниципалитетов используют активные формы взаимодействия публичной власти с населением и бизнесом, обеспечивая тем самым условия для институционализации общественного локального интереса.

Одним из последних примеров здесь может служить разработка Стратегии пространственного развития г. Ижевска. Предполагается, что процесс по ее разработке будет максимально открытым при активном участии городского сообщества в целях достижения необходимого консенсуса для всех составляющих сообщества: горожан, власти и бизнеса.

По словам управляющего партнера компании «Новая земля» И. Курячего, «стратегия должна стать делом общественного договора между горожанами, властью, бизнесом» [В Ижевске приступили к созданию ..., 2019].

Формированию общественного локального интереса способствуют и механизмы инициативного (партисипаторного) бюджетирования. Названный институт во всем мире рассматривается в качестве важнейшего механизма формирования общественного локального интереса, предпосылки повышения участия населения и бизнеса в определении направлений расходования бюджетных ресурсов.

Инициативное бюджетирование (далее – ИП) включает в себя совокупность разнообразных практик, связанных с решением вопросов местного значения. Отличительными особенностями всех этих практик является, во-первых, инициатива населения, которое и определяет направления расходования бюджетных средств, исходя из общесивенного локального интереса. Во-вторых, софинансирование населением, бизнесом и организациями принимаемых по инициативе граждан проектов. В-третьих, осуществление контроля со стороны граждан за расходованием средств.

Подобные механизмы сегодня используются под различными названиями во всем мире². По данным Всемирного банка, с 2000 г. в мире запущено более 1500 проектов партисипаторного бюджетирования [Hidalgo, 2014].

Впервые о партисипаторном бюджетировании заговорили в начале 1990-х гг. под влиянием опыта города Порту-Алегри в Бразилии, который был нацелен на использование практики публичного обсуждения городских проблем и повышение степени активности граждан в реализации местных интересов. Всемирный банк отнес опыт Бразилии к разряду лучших демократических практик. Затем этот опыт был взят на вооружение другими странами – вначале государствами Латинской Америки, а затем и Европы, и США.

Институт ПБ используется сегодня для решения множественных проблем локального характера. И в целом они обусловлены конкретными историческими и социально-экономическими условиями локального сообщества. Если для Бразилии на первом месте стояли такие проблемы, как обеспечение первичных потребностей населения, борьба с коррупцией, обеспечение прозрачности бюджетного процесса, то для западных стран приоритетами стали вопросы, связанные с благоустройством городского и сельского пространства, парки, экология и т.п.

В целом в последние годы во многих городах и столицах мира (Мадрид, Сеул, Дели, Тайбэй, Богота, Нью-Йорк, Париж) в рамках механизмов ПБ реализуются не только проекты традиционного типа, связанные с благоустройством, но и более радикальные проекты. Речь, в частности, идет о проектах по развитию городского сельского хозяйства, развиваемого иногда на крышах домов, проектах в области искусства и культуры, а также социальных проектах, имеющих целью предоставление пристойного жилья нуждающимся [Le Budget participative..., 2018].

В целом доля населения, участвующая в проектах ПБ, ежегодно растет. В 2018 г. в столице Франции, например, эта доля выросла в сравнении с предыдущим годом на 25,5%, составив 210793 жителя столицы [Jeudy, 2019].

Исследователи отмечают парадоксальный факт: сегодня выборы привлекают все меньше голосующих. Граждане, в частности молодежь, все чаще игнорирует традиционные механизмы участия. Механизмы же ПБ дают населению новые возможности выявления общественного локального интереса, определения направлений пространственного развития, тем самым создавая основу для новых форм демократии [Budget participative en France

² Так, во многих странах в данном случае используется термин «партисипаторный бюджет». В России практика инициативного бюджетирования реализуется в многочисленных формах: «Народный бюджет», «Твой бюджет», «Я планирую бюджет», «Мы планируем бюджет вместе», «Решаем вместе», «Народные инициативы» и др.

en 2017..., 2017]. Анализ динамики показателей доли населения, участвующих в голосовании за проекты ПБ, показывает, что эта доля сегодня во многих случаях превышает долю граждан, участвующих в муниципальных выборах. Особенно это касается населения с низкими доходами.

Так, в США еще в 2013 г. 39% голосов было отдано за проекты ПБ лицами с низкими доходами (ниже 35 тыс. долл. в год), в то время как в тот же год в местных выборах участвовало лишь 21% этой категории населения. Та же закономерность наблюдается и среди молодежи моложе 24 лет: здесь доля участвующих составила, соответственно, 4 и 7%. Прослеживается и тенденция роста доли участвующих в голосовании за ПБ среди иностранцев, молодежи, и маргинальных слоев населения [A New-York ..., 2016].

В России, на сегодняшний день опыт в такого рода проектах имеют более 50 регионов.

В Указе Президента РФ об основах государственной политики регионального развития от 16 января 2017 г. указывается, что одной из целей этой политики выступает максимальное привлечение населения к решению региональных и местных задач. Здесь же говорится о необходимости дополнительных механизмов привлечения граждан Российской Федерации к участию в государственном и муниципальном управлении, повышения их гражданской ответственности при решении вопросов социально-экономического и политического развития территорий.

В 2019 г. инициативное бюджетирование включено в госпрограмму Минфина России «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» [Государственная программа ..., 2018].

Названная госпрограмма содержит следующие основные мероприятия:

- ▶ создание нормативной правовой базы регулирования практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации;
- ▶ создание институциональной инфраструктуры для развития инициативного бюджетирования на региональном и муниципальном уровнях;
- ▶ сопровождение, регулирование и обеспечение информационной поддержки процесса развития инициативного бюджетирования;
- ▶ мониторинг и оценку развития программ и практик инициативного бюджетирования.

Госпрограмма направлена на повышение информированности населения о возможностях участвовать в определении и выборе направлений расходования бюджетных средств, в последующем контроле за реализацией отобранных проектов; повышение востребованности информации о формировании и исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Несмотря на непродолжительную историю развития практики ИБ в России, оно уже заняло достаточно прочное место в институциональной системе нашей страны³.

В 2017 г. в 57 субъектах Федерации на проекты, отобранные с участием граждан или с учетом их мнения, было направлено в общей сложности 14,5 млрд руб. При этом расходы бюджетов регионов составили 7,7 млрд руб. (2016 г. – 5,1 млрд руб.), софинансирование населением и бизнесом – 1,1 млрд руб. (2016 г. – 0,7 млрд руб.). Общее количество проектов (включая те, реализация которых была продолжена в 2018 г.) достигло 15 942 единиц [Доклад о лучшей практике ..., 2018, С. 5].

На сегодняшний день механизмы инициативного бюджетирования применяются главным образом на региональном уровне. Однако и на уровне муниципальном эти механизмы все больше привлекают к себе внимание как со стороны органов местного само-

³ По оценке НИФИ Минфина России, в 2018 г. в процесс развития инициативного бюджетирования было вовлечено уже более 50 субъектов Российской Федерации (в 2017 г. – 43, в 2016 г. – 27) [Доклад о лучшей практике ... 2018. С. 4].

управления, так и со стороны населения. Так, на территории Соснового Бора Ленинградской области реализуется Проект «Я планирую бюджет». Во многих муниципальных образованиях (как городских, так и сельских) сегодня уже приняты программы и созданы комиссии по проведению конкурсного отбора инициативных проектов населения в сфере развития общественной инфраструктуры. Речь, прежде всего, идет о таких проектах, как строительство детских и спортивных площадок, благоустройство населенных пунктов, ремонт и усовершенствование уличного освещения и т.п.

Анализ существующего опыта инициативного бюджетирования показывает, что данный институт является важным фактором выявления и реализации общественного локального интереса. Его использование в качестве одной из составляющих практики стратегического планирования может стать важнейшим фактором пространственного развития России [Одинцова, 2019].

Вместо заключения

Весь процесс многоэтапного реформирования местного самоуправления в России, расширение полномочий муниципалитетов в решении местных проблем, возможностей муниципально-частного партнерства, наконец, развитие практики инициативного бюджетирования, – все эти процессы объективно работают на институционализацию общественного локального интереса, повышение роли муниципалитетов и проживающего на их территории населения в обеспечении эффективной пространственной структуры экономики России.

Вместе с тем, несмотря на существующие позитивные подвижки в плане формирования общественного локального интереса в России, в целом говорить о каких-то принципиальных институциональных трансформациях в этом отношении пока рано.

Для иллюстрации нашего положения остановимся на трех моментах.

Первый касается перехода к стратегическому планированию на всех уровнях территориальной структуры страны. Принятие Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» было встречено с большим энтузиазмом. Казалось бы, данная новация, вернув уважение к институту планирования, притом долгосрочному, в качестве важнейшего механизма управления социально-экономическим развитием должна была в корне изменить ситуацию. Однако сразу же встал целый комплекс вопросов, важнейший среди которых (в контексте рассматриваемой проблематики формирования общественного локального интереса), на наш взгляд, заключается в следующем: что должна представлять собой стратегия муниципального образования? Это – полностью самостоятельный документ, основанный на специфических особенностях и проблемах конкретного муниципалитета, в основе которого лежит сформированный общественный локальный интерес и (в идеале) учитывающий возможные изменения внешних условий, в т.ч. и регионального и федерального законодательства, которое для муниципалитетов представляет во многом внешний фактор развития? Или – муниципальная стратегия представляет собой всего лишь проекцию региональных стратегий социально-экономического развития?

Анализ сложившейся практики стратегирования указывает, что возобладал второй из выделенных вариантов.

Полагаем, что единые рецепты и процедуры стратегического планирования (кроме тех, которые указаны в бюджетном законодательстве) неэффективны. Необходимо законодательно закрепить и методически обеспечить как большее разнообразие форм организации местного самоуправления, так и, соответственно, методов стратегирования, в т.ч. для «специфических» типов муниципальных образований. При этом разнообразие это не следует доводить до крайности, иначе оно может стать препятствием для согласования региональных и муниципальных стратегий, реализации межмуниципальных программ

и иных форм межмуниципального сотрудничества, при решении задач территориального планирования в субъекте Федерации и пр. Определенный шаг в этом направлении реализован в принятой Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Так, состав мероприятий долгосрочных планов социально-экономического развития городов предполагается дифференцировать в зависимости от наличия особого статуса (монопрофильное муниципальное образование (моногород), наукоград, историческое поселение), численности населения и роли города в системе расселения.

Второй момент связан с принятием Стратегии пространственного развития Российской Федерации (СПР). Как следует из ее текста, она направлена на обеспечение скоординированных действий федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов естественных монополий по реализации приоритетов пространственного развития Российской Федерации. Данное положение, безусловно, правильное. Однако скоординированность предполагает двустороннее «движение инициатив», четких механизмов взаимодействия. Однако в Стратегии эта скоординированность трактуется как-то однобоко. Так, в ней рекомендовано органам местного самоуправления руководствоваться положениями СПР при разработке и реализации стратегий социально-экономического развития муниципальных образований и документов территориального планирования, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации.

Возможно, предполагается, что муниципалитеты наделены широкими полномочиями по разработке предложений по определению основных направлений пространственного развития в части, касающейся интересов населения, проживающего в этих муниципальных образованиях? Однако, этот вопрос в тексте Стратегии не отражен. Вообще, вопрос привлечения населения и представителей бизнеса к разработке документов, связанных с пространственным развитием страны никак в Стратегии не поднимается.

Принятие Стратегии говорит о том, что пространственное развитие представляет собой один из приоритетов государственной региональной политики, однако ориентация преимущественно на развитие агломераций ставит ряд вопросов, касающихся будущего городов и населенных пунктов, не входящих в существующие и планируемые агломерации.

Это позволяет многим говорить об определенном противоречии между желанием сократить социально-экономическую дифференциацию различных территорий, с одной стороны, и приоритетом, отдаваемым в качестве точек роста крупным агломерациям. При этом к точкам роста отнесены либо региональные центры, либо другие, но в любом случае крупные поселения, которым и вменяется функция опережающего развития. Однако уже сегодня эти территории являются центрами притяжения населения и экономической деятельности. Все же прочие территории испытывают отток населения и капитала. Не подталкивает ли Стратегия к еще большему углублению этой тенденции?

В какой-то степени существующие проблемы мелких поселений могло бы решить развитие межмуниципального взаимодействия. И здесь мы подходим к третьему важному моменту. Институт межмуниципального сотрудничества во всем мире доказал свою эффективность не только в плане усиления финансовой основы местного самоуправления (что, несомненно, очень важно), но и в плане количественного и качественного расширения пространства формирования общественного локального интереса. В России же этот институт не получил развития. Кстати, о его нереализованном потенциале говорится в СПР. То, что содействует развитию межрегионального и межмуниципального сотрудничества выделено в СПР в качестве важнейшего принципа пространственного развития России, можно всячески приветствовать. Однако далее, в основном тексте о межмуниципальном сотрудничестве говорится только применительно к агломерациям.

Вместе с тем хорошо известно, что значительная часть населения страны проживает в малых и средних городах, поселках городского типа, сельских населенных пунктах вне

городских агломераций. Поэтому вопросы пространственного развития не следует решать, опираясь лишь на агломерации и различные сетевые и кластерные модели. Подобная модель, как отмечают многие исследователи и эксперты, «... приведет к дальнейшему «вымыванию» населения из сельских территорий, так как влияние агломерационных эффектов не может распространяться на всю территорию огромных по площади субъектов федерации» [Бухвальд, Ворошилов, 2018].

Развитие межмуниципального взаимодействия как форма реализации общественного локального интереса для решения насущных проблем населения, сегодня во всем мире показало свою эффективность именно для небольших городов и поселений.

Количество малых и средних городов у нас, по разным данным (формальным и неформальным) – от 800 до 1100. Иначе говоря, почти 90% городов – это малые и средние, в которых проживает более 65% населения страны. А значит, говоря о стратегии пространственного развития, никак нельзя игнорировать проблему малых и средних городов, необходимо искать источники их развития, механизмы включения в пространственную структуру российской экономики.

Внимание к выделенным вопросам, на наш взгляд, может стать важным фактором повышения эффективности пространственного развития России.

ЛИТЕРАТУРА

- Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. (2018). Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 1. С. 132–147.
- В Ижевске приступили к созданию стратегии пространственного развития города (2019) // Известия Удмуртской Республики. 20.06.2019. izvestiaur.ru/news/view/17394301.html.
- Государственная программа (2018). «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 29 марта 2018 г. № 340. government.ru/rugovclassifier/826/events.
- Гурвич Г.Д. (1918). Руссо и декларация прав. Идея неотъемлемых прав индивида в политической доктрине Руссо. Петроград: Типография Б. М. Вольфа.
- Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях (2018) // Министерство финансов Российской Федерации.
- Минакир П., Демьяненко А. (2010). Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. № 2. С. 7–25.
- Мутагиров Д.З. (2013). Джефферсоновская демократия: единство теории и практики // ПОЛИТЭКС. Т. 9. №3. С. 272–290.
- Руссо Ж.-Ж. (1968). Об общественном договоре или принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова. М.: Наука.
- Одинцова А.В. (2019). Инициативное бюджетирование в системе пространственного развития // Федерализм. № 1. С. 56–71.
- Хабермас Ю. (2016). Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир.
- Юдин Г. Б. (2017). Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества //Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. I. № 1. С. 123–133.
- A New-York, le budget participative renouvelle la participation démocratique (2016). janvier. lesbudgetsparticipatifs.fr/; lesbudgetsparticipatifs.fr/a-new-york-le-budget-participatif-renouvelle-la-participation-democratique/ (In French).
- Aglietta M. (1982). Régulation et crises du capitalisme. Paris, Calman-Lévy, 2e edition (In French).
- Boltanski L., Thévenot L. (1991). De la justification: Les économies de la grandeur. Paris: Gallimard (In French).
- Boyer R., Saillard Y. (Dir.) (2002). *Théorie de la Régulation. L'état des savoirs*. La Découverte. Paris, Nouvelle édition actualisée (In French).
- Budget participative en France en 2017: bilan (2017). Octobre 25. lesbudgetsparticipatifs.fr/budgets-participatifs-en-france-en-2017-bilan (In French).
- Le Budget participative: le pouvoir aux parisiens (2018) // P. Dossier de presse. 2 octobre. budgetparticipatif.paris.fr/bp/plugins/download/BP2018-DossierDePresse.pdf. P. 12. (In French).

- Chevalier J. (1978). Réflexion sur l'idéologie de l'intérêt general. Variation autour de l'idéologie de l'intérêt genera. (In French).
- Etude sur la rénovation de l'intérêt general en France/ Pour une definition évolutive et co-construite de l'intérêt general (2013). // Etude pilotée par Ph.-H. Duteil et A. Vaccaro. P, Institut Pasteur (In French).
- Le Gales P. (2003). Le retour des villes européennes. Paris, Presses de Sciences Po. P. 37.
- Gaudin J.-P. (1999). Gouverner par contrat. Paris, Presses de Sciences Po (In French).
- Hidalgo A..(2014). Le budget participatif, nouvelle tendance des villes du monde // Le monde 03 juillet. www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2014/07/03/donner-les-cles-du-budget-aux-citoyens-nouvelle-tendance-des-villes-du-monde_4449464_4355770.html (In French).
- P. Jeudy. (2019). Les Parisien.ne.s renforcent l'action pour le climat à travers le Budget Participatif // parisienne du climat. www.apc-paris.com/actualite/parisiennes-renforcent-laction-pour-climat-a-travers-budget-participatif (In French).
- Territoires et Développement durable. Guide des collectivites territoriales pour la mise en œuvre d'un développement durable. T. 2. www.comite21.org/docs/guides/guide_territoire_dev_durable2.pdf (In French).

Одинцова Александра Владимировна

Aleksod@yandex.ru

Alexandra Odintsova

*Dr. Sc. (Econ.), Leading Scientific Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Moscow
aleksod@yandex.ru*

GENERAL LOCAL INTEREST AS A FACTOR OF MODERN SPATIAL DEVELOPMENT

Abstract. In the article is analyzes current trends in socio-economic development associated with the loss by the state of a monopoly on the expression of common interest. The initial content of the concept of public interest, embedded in the concept of the Jacobins, which reflected the realities of centralized states, suggested the absence of intermediate links between citizens and the state. Within this framework, the state is the sole exponent of common interest.

Reforms on the decentralization of territorial administration, the expansion of the powers of local self-government, the empowerment of citizens to determine the direction of development of local communities and participate in the management of local affairs – all these processes that began in the last third of the twentieth century make it possible to talk about the emergence of local common interest. It is shown that this common local interest today increasingly determines the activities of local governments. This resume based on the analysis, first of all, of foreign experience. This is evidenced, in particular, by incorporating the principles of sustainable development in the strategy of municipalities.

Significant progress in this direction is also observed in the Russian Federation. The development of the practice of strategic planning of the socio-economic development of municipalities, proactive budgeting, which has been developed in many regions of the country to refer to it is enough. At the same time, both in the practice of municipal development, and in the existing regulatory and legislative documents, there are still many gaps that hinder the formation of a common local interest, and hence its transformation into a real factor in the socio-economic development of the country as a whole. From these positions, an assessment is given of the practice of municipal planning, proactive budgeting, and also the content of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation.

Key words: *local government, local community, local local interest, public interest, spatial development.*

JEL classification: B40, O20, R50.

REFERENCES

- Bukhval'd Y.M., Voroshilov N.V. (2018). Aktual'nyye voprosy razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy i reformirovaniya instituta mestnogo samoupravleniya [Actual issues of the development of municipalities and reforming the institution of local self-government] // Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. T. 11. № 1. Pp. 132–147.
- V Izhevskye nachalis' razrabotki strategii prostranstvennogo razvitiya goroda 2019 goda [In Izhevsk, they began to create a strategy for the spatial development of the city] (2019) // Izvestiya Udmurtskoy Respubliki. 20.06.2019. izvestiaur.ru/news/view/17394301.html.
- Gosudarstvennaya programma (2018). «Upravleniye gosudarstvennymi finansami i regulirovaniye finansovykh rynkov» v red. postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 marta 2018 g. № 340 [“Public Finance

- Management and Financial Market Regulation”, as amended by Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2018 No. 340] // <http://government.ru/rugovclassifier/826/events/>
- Gurvich G.D.* (1918). Russo i deklaratsiya prav. Ideya neot"yemlemykh prav individa v ofisial'nykh doktrine Russo [Russo and the declaration of rights. The idea of the inalienable rights of an individual in the political doctrine of Rousseau]. Petrograd: Tipografiya B.M. Vol'fa.
- Doklad o luchshey praktike razvitiya initsiativnogo byudzhetrovaniya v sub"yektakh Rossiyskoy Federatsii i munitsipal'nykh obrazovaniyakh [Report on the best practice of developing initiative budgeting in the subjects of the Russian Federation and municipalities]. (2018) // Ministerstvo finansov Rossiyskoy Federatsii.
- Minakir P. Dem'yanenko A.* (2010). Prostranstvennaya ekonomika: evolyutsiya podkhodov i metodologiya [Spatial economics: evolution of approaches and methodology] // *Prostranstvennaya Ekonomika*. № 2. Pp. 7–25.
- Mutagirov D.Z.* (2013) Dzheffersonovskaya demokratiya: yedinstvo teorii i praktiki [Jefferson's democracy: the unity of theory and practice] // *POLITEKS*. Т 9. №3. Pp. 272–290.
- Russo J.-J.* (1968). Ob obshchestvennom dogovore ili printsipakh prav cheloveka [On the social contract or principles of political law]. // *Russo ZH.-ZH. Traktaty / Per. s fr. A.D. Khayutina, V.S. Alekseyeva-Popova. M.: Nauka.*
- Odintsova A.V.* (2019). Initsiativnoye byudzhetrovaniye v sisteme prostranstvennogo razvitiya [Initiative budgeting in the system of spatial development] // *Federalizm*. № 1. Pp. 56–71.
- Habermas Yu.* (2016). Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva [Structural change in the public sphere: Studies on the category of bourgeois society]. M.: Ves' mir.
- Yudin G.B.* (2017). Retsenziya na knigu: Khabermas YU. Strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva [Book review: Habermas Yu. Structural transformation of the public sphere: Studies on the category of bourgeois society] // *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Т. YA, № 1. Pp. 123-133.
- A New-York, le budget participative renouvelle la participation démocratique (2016) janvier // lesbudgetsparticipatifs.fr // lesbudgetsparticipatifs.fr/a-new-york-le-budget-participatif-renouvelle-la-participation-democratique/ (In French).
- Aglietta M.* (1982). Régulation et crises du capitalisme. Paris: Calman-Lévy, 2e édition (In French).
- Boltanski L., Thévenot L.* (1991) De la justification: Les économies de la grandeur. Paris: Gallimard (In French).
- Boyer R., Saillard Y.* (Dir.) (2002) Théorie de la Régulation. L'état des savoirs. La Découverte. Paris: Nouvelle édition actualisée (In French).
- Budget participative en France en 2017: bilan (2017). Octobre 25. lesbudgetsparticipatifs.fr/budgets-participatifs-en-france-en-2017-bilan (In French).
- Le Budget participative: le pouvoir aux parisiens-ne-s (2018) // P. Dossier de presse. 2 octobre. budgetparticipatif.paris.fr/bp/plugins/download/BP2018-DossierDePresse.pdf. P. 12 (In French).
- Chevalier J.* (1978). Réflexion sur l'idéologie de l'intérêt general. Variation autour de l'idéologie de l'intérêt genera (In French).
- Etude sur la rénovation de l'intérêt general en France/ Pour une définition évolutive et co-construite de l'intérêt general (2013) // Etude pilotée par Ph.-H. Duteil et A. Vaccaro. Institut Pasteur (In French).
- Le Gales P.* (2003). Le retour des villes européennes. Paris: Presses de Sciences Po. P. 37 (In French).
- Gaudin J.-P.* (1999). Gouverner par contrat. Paris: Presses de Sciences Po. (In French).
- Hidalgo A.* (2014). Le budget participatif, nouvelle tendance des villes du monde // Le monde 03 juillet. www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2014/07/03/donner-les-cles-du-budget-aux-citoyens-nouvelle-tendance-des-villes-du-monde_4449464_4355770.html (In French).
- P. Jeudy.* (2019). Les Parisiens.ne.s renforcent l'action pour le climat à travers le Budget Participatif // *parisienne du climat* // <https://www.apc-paris.com/actualite/parisiennes-renforcent-laction-pour-climat-a-travers-budget-participatif> (In French).
- Territoires et Développement durable. Guide des collectivités territoriales pour la mise en œuvre d'un développement durable. T. 2. www.comite21.org/docs/guides/guide_territoire_dev_durable2.pdf (In French).

А.В. Мамаев

к.и.н., с.н.с., Институт экономики РАН, Москва

ДИСКУССИЯ О МУНИЦИПАЛЬНЫХ НАЛОГАХ В НАЧАЛЕ XX В.: ВОЗМОЖНАЯ, НО НЕ РЕАЛИЗОВАННАЯ ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Аннотация. Городское самоуправление в начале XX в. стало важным хозяйственным и политическим институтом, что поставило вопрос о реформировании его финансовой базы и изменении соотношения государственных и общественных финансов. В статье освещаются разработка и обсуждение желаемой реформы муниципальных налогов властями, правоведами, экономистами и в обществе. Премьер П.А. Столыпин предлагал передать городам часть подоходного и «реальных» налогов, но серьезных действий в этом направлении не предпринял. Предложенный кадетами законопроект закреплял передачу муниципалитетам «реальных» налогов и развитие субсидий при отказе от подоходного обложения и отмене «обязательных» расходов. Важную роль в обсуждении планов реформирования играли получившее оппозиционный оттенок. Общество финансовых реформ, куда входили видные ученые, практики, деятели Госдумы, а также собравшийся в 1913 г. Съезд по городским финансам. Наиболее популярным у общественности был взгляд, что органам самоуправления необходимо передать «реальные» налоги, однако ученые выдвигали и предложения о передаче части подоходного налога, введении налога с прироста ценности имущества. Экономисты подняли вопрос о субсидиях от государства. Спорным был вопрос о сроках: возможна ли муниципально-финансовая реформа одновременно с реформированием государственных финансов, или лучше проводить преобразования раньше или позже. Указывалось и на возможность более эффективно использовать уже имевшиеся у городов ресурсы. В статье выявлено, что проекты, предложенные Думой и правительством к 1916 г., оказались умереннее предложений Столыпина и кадетов, но включили идеи ряда экономистов. Делается вывод, что реформа муниципальных финансов была затянута и до 1917 г. не поднялась выше уровня правительственных и думских комиссий, дискуссий экспертов.

Ключевые слова: *Россия, начало XX века, городское самоуправление, местное обложение, муниципально-финансовая реформа.*

JEL: H72, L97, N43, N73, N93, P25, R51.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10110

Практика работы органов самоуправления в городах России конца XIX – начала XX в. показала, что их деятельность, несмотря на крайне ограниченный высоким имущественным цензом состав, обеспечивает динамичное развитие городского хозяйства. Одним из недостатков, снижавших эффективность и мешавших укреплению самоуправления как политического и хозяйственного института, была нехватка денег. Власти отводили муниципалитетам задачу удовлетворения «местных польз и нужд», создания коммунальной инфраструктуры, в то время как оппозиция рассматривала развитое местное самоуправление также как альтернативу самодержавию, зародыш представительной власти и демократии на местах.

И власть, и оппозиция соглашались с необходимостью улучшения муниципальных финансов – совокупности финансовых отношений вокруг формирования, распределения и использования ресурсов для решения задач, поставленных перед муниципалитетами. По мере развития городского хозяйства в конце XIX – начале XX вв. интерес к муниципальной

проблематике начинают проявлять экономисты, исследователи финансового права и обществоведы, преимущественно на зарубежном материале, опираясь на который они искали рецепты наилучшего варианта преобразований муниципальных финансов России. Так, вопросы коммунального обложения в странах Запада изучал П.П. Гензель; И.М. Кулишер в своей докторской диссертации сосредоточился на исследовании городских финансов Германии; обложение городских недвижимостей на Западе исследовал В.Н. Твердохлебов; ситуация в сфере городских финансов находилась в центре внимания в магистерской работе М.А. Курчинского, монографиях И.Х. Озерова, М.А. Сиринова. Л.А. Велихов изучал городское хозяйство как единое целое, формулируя основы особой муниципальной науки. Их наработки были использованы кадетами, представившими свой проект реформы Госдуме. Реформа разрабатывалась и правительством. В тесной связи с развитием муниципальных финансов находились планы введения подоходного налога, который сводил разные объекты обложения к общему знаменателю – доходу, отличался большей справедливостью, эластичностью и позволял обложить новые виды доходов: с личного труда, капиталов.

Исследователи, интересовавшиеся темой городского самоуправления в советское время, ставили в центр внимания общественно-политические проблемы, обходя стороной финансовые аспекты [Кружалова, 1982; Нардова, 1984; Вяликова, 1989], хотя вопрос затрагивался в рамках изучения политической истории России, например, в работе В.С. Дякина, который упоминал вопрос о реформе земских и городских финансов в контексте взаимоотношений общества, правительства и Госдумы в период премьерства П.А. Столыпина [Дякин, 1978]. В постсоветский период многие исследователи, изучавшие историю муниципалитетов в регионах, стали интересоваться и сюжетами финансовой тематики, но это еще больше подчеркнуло необходимость анализа проблемы реформирования муниципальных финансов на общероссийском уровне. Исследованию деятельности правительства и Госдумы в сфере городского самоуправления посвящена кандидатская диссертация О.А. Далиной [Далина, 2004], однако работа акцентирует внимание на политических, организационных и правовых аспектах преобразований, планах демократизации, проблема муниципальных финансов упоминается лишь вскользь. В ряде работ, посвященных биографии и взглядам ведущих российских экономистов начала XX в., зачастую рассказывается и об их позиции по муниципальным финансам, однако она не находится в центре внимания авторов [Виноградов, 2002; Нардова, 2007; Лушникова, Лушников, 2013].

Вопрос о муниципальных финансах стал и предметом специального историко-экономического изучения. Проблеме становления и развития налогового обеспечения местного самоуправления в России XIX–XX столетий посвятил свою докторскую диссертацию экономист И.В. Архипкин [Архипкин, 2008], позднее издавший на ее основе монографию об историко-экономических аспектах местного самоуправления в России [Архипкин, 2010]. Исследователь поставил своей задачей реконструировать налоговые системы местного самоуправления, характерные для российского общества в разные периоды его существования, и установить преемственность в преобразовании этих систем. Работа отличается широкими хронологическими рамками, автор помимо городов изучает и земства. Проблема реформирования муниципально-финансовой системы в начале XX в. в монографии почти не раскрыта. Этот вопрос нуждается в углубленном изучении.

Анализ общественной и научной дискуссии о наилучших путях реформы муниципальных финансов, обстоятельств разработки и обсуждения оппозиционного и правительственного проектов в начале XX в. позволит определить, какой виделась перспектива дальнейшего развития института самоуправления в России в начале XX в., какой шанс открывался перед ним в случае дальнейшей эволюции власти, прерванной революцией в 1917 г. Изучение этой проблематики позволяет выявить возможное, но не реализованное в имперской России направление реформирования налоговой системы, архаичность которой признавалась тогда многими, сравнить с современным положением в сфере муниципальных финансов.

Основы реформы: взгляды правительства и оппозиции

Установленная Городовым положением 1892 г. налоговая база муниципальных финансов была несовершенной и недостаточной для успешной работы городского самоуправления. Ее основой являлся оценочный сбор с недвижимых имуществ, который не платили государство, император и церковь. Относительно мелкими были дополнительные сборы с промысловых свидетельств, с трактиров, извозного промысла, экипажей. Помимо сбора с недвижимости в пользу городов собирался аналогичный сбор в государственный и земский бюджеты, что сужало финансовую базу муниципалитетов. После жалоб городов на значительный рост сумм государственного налога на городскую недвижимость (из-за переоценки и перехода от раскладочной системы к окладной) государство в 1913 г. передало городам $\frac{1}{6}$ сумм этого налога¹, но качественно это ничего не изменило. Были законодательно установлены пределы обложения. Так, оценочный сбор не мог превышать 10% с доходности или 1% стоимости недвижимости. Значительная часть заработков горожан оставалась вне внимания, например, плата за работу, прибыль от акций, сделок с недвижимостью. Накануне революции в доходах многих городов преобладали поступления частно-правового характера – от городских имуществ и предприятий. Процент налоговых источников в бюджетах упал с 43 до 22,6%, частно-правовые поступления выросли с 34,7 до 49,3%, причем особенно быстро росли доходы от городских предприятий – с 4,1% среднего бюджета до 28,6%, чему способствовала муниципализация [Мамаев, 2018].

Очевидным способом качественно улучшить ситуацию в городских финансах считалось принятие законодательных мер с использованием опыта Запада, прежде всего наиболее передовых в то время в сфере местного управления Англии и Пруссии. Так как сам институт самоуправления был заимствован из Европы, то, как казалось, вполне логично использование прогрессивных принципов обеспечения средствами муниципалитетов для эффективного развития муниципального хозяйства.

Власти озаботились преобразованием института городского самоуправления после первой русской революции. Реформой, «затрагивающей самые основы культурного развития нашей родины», признавал преобразование земских и городских налогов министр финансов В.Н. Коковцов в пояснительной записке в связи с проектом введения подоходного налога в 1907 г. По его словам, задача заключалась в «справедливом размежевании областей государственного и местного хозяйства», чтобы в руках самоуправлений оказались достаточные средства «для удовлетворения культурных нужд», при этом налоги должны были быть соизмеримы с платежеспособностью. Как отмечал Коковцов, реформе муниципальных финансов должно было предшествовать введение государственного подоходного налога, после чего, по его мнению, открывалась возможность передачи муниципалитетам «некоторой доли нынешних государственных доходов»².

Одной из реформ, запланированных премьером П.А. Столыпиным в рамках разработанных им Главных начал преобразования земского и городского управления 1907 г., было улучшение финансового положения городов в обмен на усиление административного контроля. Предполагалось передать муниципалитетам часть подоходного налога, введение которого в общегосударственном масштабе тогда прорабатывалось, увеличить предельный размер оценочного сбора вдвое – до 20% доходности или 2% стоимости. Власти планировали ввести систему денежных пособий земствам и городам как на отдельные мероприятия, так и для укрепления муниципальных финансов в целом, но с правом определять

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 33 : 1913. Отделение 1. Пг, 1916. С. 1392.

² Соображения министра финансов В.Н. Коковцова по поводу внесенных проектов установления новых налогов и преобразования некоторых существующих видов обложения 17 апреля 1907 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 8. Л. 71об.

порядок расходования и степень участия в мероприятиях администрации. Также следовало организовать правительственный земско-городской банк для долгосрочных ссуд земствам и городам³. Такие меры могли улучшить положение муниципалитетов уже в краткосрочной перспективе, а пособия и ссуды обеспечили бы значительный прогресс как в направлениях, в которых было заинтересовано правительство (например, образование, здравоохранение), так и в удовлетворении специфически городских нужд, к примеру, развитии коммунальной инфраструктуры. Укрепление взаимодействия самоуправления и администрации позволило бы преодолеть тенденцию их противопоставления друг другу.

Серьезных действий для подготовки муниципально-финансовой реформы в то время власть не предприняла, обсуждение введения подоходного налога также заглохло. Самоуправления правительственная власть опасалась как силы, которая потенциально могла противостоять ей политически, поэтому с укреплением финансовых возможностей городов медлили. После бездействия правительства в этом вопросе в течение нескольких лет проект о реформе муниципальных финансов разработали кадеты, ведущую роль при его составлении играл А.И. Шингарев.

В законодательном предположении кадетов за подписью 35 членов Госдумы об улучшении финансов местных органов самоуправления, внесенном в Думу 19 января 1911 г., отмечалась «крайняя отсталость расходов местных органов самоуправления в сравнении с общегосударственным бюджетом», «ничтожность местного обложения» и «ничтожное развитие помощи государства местным финансам». Задачу пополнения местных финансов авторы проекта считали одной из первоочередных государственных потребностей. Передачу самоуправлениям новых форм обложения предполагалось связать с введением государственного подоходного налога.

В основе проекта лежала мысль о необходимости децентрализации расходов. Предлагалось отказаться от «обязательных» расходов самоуправлений на общегосударственные потребности: полицию и войска, распространить местное обложение на церковное, монастырское, казенное имущество, железные дороги. В законодательном предположении отмечалась необходимость отказаться от введения новых «косвенных» сборов, так как они социально несправедливы и обременяют малоимущее население, распределяются неравномерно. Подоходное местное обложение, как фиксировалось в документе, также имело недостатки, например, неравномерность в обложении и уход богатых из общин, где такой налог слишком высок. К тому же подоходный налог тогда еще только разрабатывался как общегосударственная мера, поэтому было решено не использовать его для улучшения местных финансов. Сторонники законодательного предположения предложили сделать основой местного обложения имущественные, то есть «реальные» налоги: города должны были получить государственный поземельный налог, весь оценочный сбор на недвижимость, промысловый налог⁴.

Но так как «реальных» налогов, по мысли составителей проекта, было недостаточно, следующим шагом властей предлагалось сделать развитие субсидий, отчислений или дотаций по примеру Англии, отчасти Бельгии и Пруссии в области образования, здравоохранения, общественного призрения, дорожного дела. Распределять субсидии следовало по объективным признакам – в зависимости от тяжести местного обложения, количества населения, территории. Получение субсидий должно было обязать органы самоуправления не уменьшать их собственных расходов. Неиспользованную часть следовало направлять в специальный фонд на экстренные случаи, для выдачи единовременных пособий в случае

³ Столыпин П.А. Главные начала преобразования земских и городских общественных управлений. // П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2002. С. 280–293.

⁴ Законодательное предположение об улучшении финансов местных органов самоуправления, 1911 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2402. Л. 2, 14–17, 21–22, 60–64об, 65об, 68об, 71.

бедствий. Дополнительные средства города и земства могли бы расходовать либо непосредственно на расширение своих начинаний, либо использовать для платежей по кредитам на крупные строительные траты⁵.

Кадетский вариант основных начал муниципально-финансовой реформы предполагал отказ от передачи городам части подоходного обложения, опору на «реальные» налоги, развитие системы субсидий и дотаций при отказе от получения доходов от эксплуатации муниципальных предприятий; конкретные параметры реформы подлежали дальнейшему обсуждению. Проект обеспечивал существенное расширение финансовой базы городов, исходил из принципов справедливости и защиты малообеспеченных горожан. Но в 1911 г. он уже воспринимался как желаемый максимум, в реальности невозможный в тех условиях. Как подчеркивал участвовавший в обсуждении проекта экономист В.Н. Твердохлебов, принять предложения кадетов при имевшемся составе и «бессилии» Госдумы было «немыслимо», поэтому их следовало рассматривать как «план обращения поверх Думы» к общественному мнению⁶.

Эксперты о муниципальных финансах

В связи с замыслами реформы муниципальных финансов активизировалось общественное обсуждение. В 1910 г. было создано Общество финансовых реформ, призванное изучать финансы России и зарубежных стран, как особо отмечалось в его программе, «стоящее вне политических партий». Однако окрашено оно было оппозиционно. Одной из основных целей общества провозглашалось «упорядочение местных финансов»: говорилось о необходимости увеличить бюджеты городов и земств, децентрализовать управление, перенести удовлетворение местных потребностей с центрального правительства на органы самоуправления. Отмечалось, что «необходима строгая экономия в местных расходах, борьба с халатностью и кумовством и расширение участия населения в делах местного самоуправления»⁷. Вопросы о муниципальных финансах общество коснулось на нескольких заседаниях.

В докладе на первом заседании общества известный общественный деятель, член Госдумы, бывший профессор Харьковского университета М.М. Алексеенко развивал идеи децентрализации финансов. По его мнению, с развитием местного самоуправления государство могло отдать ему часть своих задач, которые требуют «местного вникновения в дело». Докладчик охарактеризовал органы местного самоуправления как «готовые организации, которые могут выполнить многое из того, что ...делается государством», причем не хуже. Передав многие функции на места, государство, как считал Алексеенко, получило бы возможность «сосредоточить настойчивую и планомерную деятельность на вопросах, которые подлежат ему как центру»⁸.

Четкого ответа, как нужно улучшать муниципальные финансы, Алексеенко не дал, обозначив лишь два противопоставленных друг другу взгляда на источник доходов самоуправления: часть прямых налогов или так называемое «реальное обложение», т.е. налоги с ценности или дохода имущества, находящегося в конкретном городе, например, дома, земли, фабрики, торгового предприятия. По его мнению, недостатком передачи органам самоуправления прямых налогов было то, что увеличение поступлений было бы небольшим и постепенным. В получении частно-правовых доходов городами он видел разновидность

⁵ Там же. Л. 68об-70, 71.

⁶ Известия общества финансовых реформ (Петербург). 1911. №4. С. 38–39.

⁷ Там же. 1910. №1. С. 3–5.

⁸ Там же. С. 15.

косвенных налогов с предметов потребления: пользователи платили не только за покрытие расходов на услуги или продукты, но и давали «известный излишек», в этом виделся и свой плюс: «легче с городского населения взять по мелочам эти несколько миллионов, чем обращаться к нему с прямым требованием к известному имуществу или доходу». Алексеенко отметил и иную позицию, воспринимавшую взятие с горожан излишка не как обложение потребления, а как доплату за то, что город избавляет обывателей от концессионеров, которые, владея хозяйственными предприятиями, старались бы максимизировать прибыль. Новой привлекательной податной формой, как считал экономист, являлось обложение прироста ценности, особенно в больших городах, где такой прирост был значительным⁹.

Выступление Алексеенко стало программным, определившим дальнейшую деятельность общества, в котором вопросы муниципальных финансов заняли одно из ведущих мест.

Улучшение муниципальных финансов путем передачи прямых налогов связывалось с введением в России подоходного налога. В 1910 г. в Обществе финансовых реформ были подняты вопросы: возможна ли передача части подоходного налога на места, стоит ли параллельно с введением подоходного налога реформировать местное обложение или лучше подождать. Профессор финансового права П.П. Мигулин, исходя из «невозможного» состояния муниципалитетов, поддержал единовременность реформы государственных и местных финансов и передачу в пользу земств и городов части прямых налогов. Более осторожно высказывался профессор И.Х. Озеров, считавший, что передать ряд налогов на места можно, только когда поступления от подоходного обложения достигнут «известного размера», и станет понятно, какие суммы можно передать самоуправлениям. По его мнению, необходимо было разрешить общинам делать надбавки к ставкам подоходного налога, как в Пруссии, что стимулировало бы муниципалитеты правильнее и тщательнее определять размер обложения. Представитель Минфина Г.М. Курилло и Н.Н. Кутлер указали, что вопрос о местных финансах слишком сложен, чтобы решать его попутно с введением подоходного налога, но Кутлер при этом допустил, что реформа местных финансов могла бы даже предшествовать введению подоходного налога, как и предлагали кадеты¹⁰.

Некоторые экономисты, например, И.Х. Озеров, М.И. Фридман, рассматривали введение общегосударственного подоходного налога как возможность для государства, благодаря дополнительным доходам, передать самоуправлениям «реальные» налоги – поземельный и подомовой, как в Германии. На невозможность прямолинейно следовать «прусскому» пути передачи «реальных» налогов самоуправлениям указывал на заседании Общества представитель Минфина Г.М. Курилло. По его мнению, ситуация в Пруссии была уникальной, так как во время передачи прямых налогов общинам прусское государство имело значительные средства, в том числе благодаря железнодорожной политике, в России с ее большим объемом нужд провести реформу было гораздо труднее¹¹.

Оживленные прения в Обществе финансовых реформ вызвал в феврале 1911 г. доклад А.И. Шингарева об улучшении финансов местных органов самоуправления, который базировался на законодательном предположении кадетов. Его предложения шли в русле общественных представлений о необходимости преодолеть «необычайную централизацию народных средств». Шингарев выступил против передачи самоуправлениям подоходного налога, что вело, по его мнению, к неравномерности доходов: «богатые общины богатели, а бедные беднели», муниципальным органам предлагалось передать «реальные» налоги: поземельный, государственный с недвижимости, а также отказаться от повышения доходов путем косвенного обложения. Кадетский публицист поддержал развитие системы целевого субсидирования муниципалитетов государством, распределение денег зависело

⁹ Там же. С. 25–28, 33–34.

¹⁰ Известия общества финансовых реформ (Петербург). 1911. №2. С. 16–19, 42–45.

¹¹ Там же. С. 27–28, 42–43.

бы от ряда критериев, на места можно было бы отдавать треть поступлений от новых государственных налогов. Реформу местных финансов предлагалось начать, не дожидаясь введения подоходного налога. По мнению Шингарева, госфинансы могли улучшиться только тогда, когда уже реформированные местные финансы поднимут производительность труда «культурными начинаниями»¹².

Речь Шингарева спровоцировала дискуссию экспертов о началах преобразования местных финансов. На невозможность радикально улучшить финансовое положение муниципалитетов без реформы государственных финансов указывали М.А. Сиринов, А.Н. Фон-Рутцен. Сиринов полагал, что в существовавшем тогда госбюджете «урвать», пожертвовать что-то в пользу самоуправлений нельзя, стоял вопрос о реформировании коренным образом «пьяного бюджета», его перестройке на новый путь. Экономист М.И. Фридман согласился с Сириновым, отметив, что переформатировать госбюджет, отдав часть доходов на места, не получится, увеличение местного обложения легло бы дополнительным бременем на население, которое и так было обложено в отношении к доходу выше, чем ведущие страны Европы, при этом обладало слабой платежеспособностью. По мнению экономиста, следовало действовать осторожно: резкое увеличение местного обложения или разорило бы народное хозяйство, или обернулось крупными недоимками. Деньги, как считал Фридман, можно было получить путем умеренного повышения обложения и займов¹³.

Сиринов отмечал возможность улучшения финансового положения самоуправлений за счет задействования резервов и более полного использования уже имевшихся источников, например, оценочного сбора, который во многих городах облагался не по максимальной ставке, а оценки были заниженными. Он полагал, что «колоссальный» потенциал в плане повышения поступлений имело развитие городских предприятий, если бы они эксплуатировались более эффективно. По словам Сиринова, дополнительные деньги принесло бы и решение проблемы недоимок, которые, по его словам, держались на уровне 20% от взимаемых налогов. «...Сами города могут расширить свои финансы, но только не хотят», – отметил экономист, напомнив об узком социальном составе муниципалитетов¹⁴.

Спорным оставался вопрос о передаче на места «реальных» налогов, при этом экономисты старались отойти от жесткого противопоставления прямых налогов и «реального» обложения. М.И. Фридман признал вполне осуществимой передачу на места «реальных» подомового и поземельного налогов, хотя у них были «свои немалые недостатки». Как полагал экономист, городам и земствам можно было передать часть доходов от обложения спиртных напитков, он поддержал введение прибавок к государственному подоходному налогу, но не сразу, а со временем. В сравнении с получением дохода от муниципальных предприятий недостатки «реального» обложения, прежде всего неравномерность, «бледнеют», полагал экономист¹⁵. Против местных добавок к подоходному налогу возражал Кутлер, опасаясь массовых уклонений и компрометации нового налога в критический момент его введения, к тому же при таком обложении средства стали бы распределяться между городами неравномерно, и платеж стал бы зависеть не от состоятельности человека, а от того, где он живет¹⁶.

В защиту прибавок к подоходному налогу в пользу самоуправлений выступил экономист В.Н. Твердохлебов, отметивший, что соображения об их неудобстве и невыгодности «несколько преувеличены». Он согласился с вредностью промыслового обложения и нецелесообразностью передачи его на места, отметив, что и другие «реальные» налоги –

¹² Известия общества финансовых реформ (Петербург). 1911. №4. С. 10–12, 67–69.

¹³ Там же. С. 22–27.

¹⁴ Там же. С. 16–18, 20.

¹⁵ Там же. С. 22–27.

¹⁶ Там же. С. 50–54

поземельный и подомовой – также отличались значительной неравномерностью поступлений, которая усилилась бы, если бы оценку для сбора этих налогов передали отдельным городам и земствам, к тому же «реальные» налоги не облагали лиц свободных профессий, получателей жалования¹⁷.

Нерациональной передачу городам «реальных» налогов считал Сиринов, так как это означало бы, по его мнению, задержку в развитии: города и земства, получив деньги, не станут «напрягать налоговых источников» и «замрут в бездействии». Он считал более рациональным полный отказ государства от этих налогов как устаревших, но без передачи самоуправления. Несмотря на общественную критику, Сиринов называл повышенные тарифы муниципальных предприятий вполне рациональным способом пополнить местный бюджет, полагая, что это лучше муниципальных концессий. Развивать предприятия, по мысли Сиринова, можно было путем коммунального кредита. Он считал проект кадетов, исходящий из «симпатичных» целей, проектом реакционным, так как города и земства получили бы возможность «заткнуть дыры и успокоиться на этом», что в итоге отложило бы демократизацию самоуправления¹⁸. Взгляд Сиринова был раскритикован Шингаревым, заявившим, что неиспользованные источники земств и городов были ничтожны по сравнению с их потребностями. Позднее Велихов, критикуя Сиринова, отмечал, что его теория о предоставлении муниципалитетам только налогов, имеющих местное значение (специальное обложение, налоги на ценности, собак, велосипеды, автомобили, зрелища), не могла дать городам достаточных средств и по сути вела к ликвидации «местных финансов» [Велихов, 1928. С. 356–357].

И.М. Кулишер подчеркнул, что передача «реальных» налогов на места, столь популярная в России в начале XX в. благодаря опыту Пруссии, была там мерой «исключительной», обусловленной особыми финансовыми условиями в Пруссии и Гессен-Дармштадте. Экономист призвал обратить внимание на новые для Запада налоги – обложение прироста ценности земли, недвижимости. Также, по его мнению, средства могла бы дать муниципализация предприятий. В указаниях на неравномерность прибавок к государственному подоходному налогу в разных городах, как считал Кулишер, было много преувеличений, из них был выход – передача надбавок в специальный фонд, который бы распределял средства между местными органами. В то же время Кутлер и Фридман справедливо отметили, что доходы от предложенных Кулишером новых налогов едва ли были бы существенными, их можно было получить лишь в отдельных городах спустя продолжительное время¹⁹.

Спорной оказалась и идея субсидий. Фридман назвал их одним из наименее совершенных способов, порождающим затруднения при распределении. Субсидии вели, по его мнению, к централизации и усилению влияния государства на самоуправления, что для России было «чрезвычайно опасно»²⁰. По мнению В.Н. Твердохлебова, субсидии в предлагаемой кадетами форме были нецелесообразны: они «несколько ограничивали» местное хозяйство, а выработка критериев их выдачи в центре вела бы к тому, что средства распределялись бы не на основании конкретных нужд. Если бы распределение было доверено местам, то это привело бы к отсутствию контроля, полагал Твердохлебов. Наиболее целесообразной формой пособий он считал софинансирование государством определенной части расходов муниципалитетов на конкретные потребности, точная доля софинансирования определялась бы платежеспособностью общины. По его мнению, свободную наличность профицитного госбюджета для выдачи городам пособий можно было закрепить в нескольких фондах²¹.

¹⁷ Там же. С. 39–44.

¹⁸ Там же. С. 66–67.

¹⁹ Там же. С. 44–54, 60–62.

²⁰ Там же. С. 60–62.

²¹ Там же. С. 39–44.

Шингарев отверг довод Фридмана, заявив, что не считает опасной централизацию сбора средств и субсидии, угроза ему виделась в централизации расходов. По его мнению, развитие субсидий помогло бы «отступлению государства». Не согласился кадет и с доводами Твердохлебова о доле участия государства в расходах самоуправлений: по его мнению, это трудно было реализовать на практике. Как указывал Шингарев, без правильных кадастров классифицировать и правильно определить потребности самоуправлений нельзя, государство, исчисляя бюджет, не знало бы точно расходов. Подводя итог обсуждению, он предложил не увлекаться «теоретическими спорами» и отметил, что «в вопросе о налогах и финансах истины нет», любое положение спорно²².

Дискуссии показали отсутствие единства мнений о путях улучшения муниципальных финансов и тот факт, что экономисты и правоведа оказались более осторожны, чем разработчики кадетского проекта. В своих предложениях эксперты использовали зарубежный опыт и предложили ряд новых налоговых мер. Экономисты и правоведа отметили тесную связь муниципально-финансовой реформы с введением подоходного налога и в целом преобразованием государственных финансов, ее первостепенную важность для динамичного развития не только городского хозяйства, но и в целом всей культуры, что отражало возрастающую роль института городского самоуправления в жизни страны. В то же время эксперты осознавали, что большинство горожан небогаты, поэтому внедрять новые налоги предлагали осторожно, акцентируя обложение более зажиточных слоев. Реформа должна была стимулировать самоуправления собирать и тратить доходы более эффективно и на наиболее общественно значимые цели.

Проект кадетов так и не был принят Думой. Общественная дискуссия продолжилась в 1913 г. на Первом Всероссийском съезде представителей городов по вопросам улучшения городских финансов, где все муниципальные деятели вновь заявили о неотложной необходимости реформы местных финансов, подчеркнув высокий уровень централизации средств у государства и нехватку денег у городов. По подсчетам киевского городского головы, председателя съезда И.Н. Дьякова, для приведения к европейскому уровню «бюджеты русских общин должны увеличиться в 6 с половиной раз». Съезд показал, что отстаиваемая кадетами, в том числе Шингаревым и членом Госдумы, издателем журнала «Городское дело» Л.А. Велиховым идея «прусского» пути с передачей «реальных» налогов на места преобладала среди городских деятелей, также им понравилась мысль о развитии субсидирования муниципалитетов на нужды государственного характера (образование, медицина, общественное призрение). Но съезд также высказался и за предоставление городским самоуправлениям части подоходного налога, отмену предельности обложения недвижимости²³.

Наряду с концепцией передачи на места «реальных» налогов свою позицию на съезде озвучил В.Н. Твердохлебов. Критикуя идею отдать все «реальные» налоги городам, экономист отмечал, что применение принципа «услуги и возмездия» в городском самоуправлении неверно, потому что «большая часть городских расходов имели общегосударственный характер», а противопоставление общегосударственных задач задачам местных союзов «звучит анахронизмом». Твердохлебов, развивая идею единого базиса налоговой системы государства и местного самоуправления, пришел к выводу, что нет необходимости строго разграничивать источники государственных и местных налогов [Твердохлебов, 1916б. С. 145–147]. Его проект предусматривал введение самостоятельного оценочного сбора или надбавки к государственному налогу с недвижимых имуществ (с отдельной оценкой земли и строений, с возможностью освобождать строения от налога), надбавки к промысловому и подоходному налогам, квартирного налога. Также предлагалось ввести налоги на чистый

²² Там же. С. 67–69.

²³ Труды Первого Всероссийского Съезда представителей городов по вопросам улучшения городских финансов. Киев, 1914. С. 18, 30, 139–143, 188–189, 323–324.

прирост ценности с недвижимости и специальные сборы с собственников недвижимости и предприятий, получающих особые выгоды от городских улучшений. Твердохлебов продолжал отстаивать идею софинансирования муниципальных расходов государством в виде пособий в дополнение к тратам городов на соответствующие цели, «причем доля казны в расходах должна быть обратно пропорциональна поступлениям в каждом городе подоходного налога на душу населения» [Твердохлебов, 1912. С. 88-89]²⁴. Развивать систему дотаций органам самоуправления предлагали П.П. Гензель и М.И. Сиринов [Сиринов, 1915. С. III, VII, 340; Гензель, 1917. С. 99].

Свои предложения об улучшении муниципальных финансов выдвигали и сами города. Оригинальные идеи подготовил в докладе главе МВД в 1912 г. городской голова Саратова В.А. Коробков. В пользу городов он предлагал передать определенный процент от ежегодного увеличения государственных доходов от всех или некоторых доходных статей, чтобы общая сумма отчислений составляла не менее 5 млн руб. в год. Эту сумму можно было бы ежегодно распределять между городами для использования как обеспечение дешевых кредитов на цели городского строительства. Дополнительный доход дал бы городам и земствам кредит в 100 миллионов рублей в год, «а население будет иметь на сотни миллионов рублей нового заработка», полагал Коробков²⁵. К ходатайству, направленному в МВД Саратовской городской думой, присоединились еще не менее 16 муниципалитетов²⁶.

После издания закона от 6 июня 1910 г. о государственном налоге с недвижимых имуществ, который привел к значительному увеличению платежей в казну за недвижимость, в МВД поступило более 150 ходатайств городов об усилении их средств. Предложения в основном были весьма приземленными и не предполагали радикальной перестройки финансовой системы. Правительство установило, что эти ходатайства «в конечном результате» сводились к понижению госналога с недвижимости и передаче освободившихся сумм городам. Также предлагалось изменить основания и порядок определения чистой доходности городской недвижимости для госналога. Муниципалитеты просили МВД ограничить земское обложение, выделив их в самостоятельные земские единицы, установить максимум земского обложения городской недвижимости, освободить недвижимость от казенных и земских сборов. В то же время предлагалось убрать ограничения в обложении городским оценочным сбором. Города хотели избавиться от расходов на полицию и воинскую квартирную повинность, отнести расходы на борьбу с эпидемиями в равной мере на города, земства и государства, получить сборы со зрелищ и увеселений, с квартирноаниматоров с одновременным прекращением взимать государственный квартирный налог [Навроцкий, 1913. С. 64].

Проблема муниципальных финансов в Госдуме

Внесенный в Госдуму проект кадетов подвергся обсуждению в финансовой комиссии, которая назвала необходимость решительных действий бесспорной и предложила признать желательным составить законопроект. Против инициативы Госдумы в этом вопросе на ее заседании в мае 1911 г. выступил товарищ министра финансов Н.Н. Покровский. Он заявил, что разработку законопроекта возьмет на себя правительство и представит его в Госдуму «с тою быстротой, какая только по существу достижима»²⁷.

²⁴ Реформа Городового положения. Законодательные материалы // Городское дело (Петроград). 1916. № 8. С. 397–399.

²⁵ РГИА. Ф. 1288. Оп. 7. Год 1913. Д. 82. Л. 21об - 22.

²⁶ Там же. Л. 35-35об., 37, 38-38об, 39, 41об, 49об, 52об, 59, 61об, 63, 74, 80-80об, 84-84об, 88, 91-91об, 95об-96, 102-102об.

²⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия 4-я. Часть III. СПб: Государственная типография, 1911. Стлб. 4355.

В марте 1912 г. в Госдуму поступил разработанный правительством проект о реформе местных финансов, который оказался весьма умеренным. При подготовке закона правительство исходило из того, что нельзя передавать на места госналоги, допускать в местном обложении косвенные налоги на предметы широкого потребления, устанавливать пособия нецелевого характера на общие потребности местных учреждений, то есть отрицало ряд предложений оппозиции и экспертов. Думская финансовая комиссия отметила, что проект не решал проблему коренным образом, но все же признала его полезным, так как он освобождал земства и города от расходов общегосударственного характера. После ряда мелких поправок Госдума приняла проект, он прошел Госсовет и был утвержден императором [Навроцкий, 1913. С. 5-8, 76].

Согласно принятому 5 декабря 1912 г. закону об улучшении земских и городских финансов, государство обязалось возмещать городам расходы на водоснабжение войск, принимало на государственный счет для губерний Европейской России все расходы на содержание полицейских управлений, для всей империи – половину расходов на содержание полиции, брало на себя содержание губернских присутствий по земским и городским делам, снимался еще ряд мелких обязанностей²⁸. Закон оказался паллиативом и не привел к серьезному улучшению муниципальных финансов. Расходы, от которых освобождались города, кроме трат на полицию, были незначительными.

Изначально правительственный законопроект содержал большее число пунктов и предполагал передачу органам самоуправления части некоторых государственных «реальных» налогов. Предполагалось ограничить государственный и земский налоги с городских недвижимых имуществ уровнем в 5% доходности, причем земствам запрещалось увеличивать обложение городской недвижимости, помещений фабрик и заводов без увеличения на тот же процент суммы земских сборов с прочей недвижимости в уезде. Было запланировано введение добавочных земских и городских сборов к государственному промысловому налогу: для муниципалитетов – не свыше 50% от передаваемых государству сумм. Акционерные предприятия предполагалось обложить дополнительным промысловым сбором в 25% от суммы государственного промыслового налога, причем деньги должны были поступать в общеимперский фонд. Из них две трети предлагалось распределять земствам и одну треть городам пропорционально суммам государственного промыслового налога [Навроцкий, 1913. С. 161–164].

Однако в финансовой комиссии Госдумы вопрос об этих мерах не стал подниматься под предлогом, что они нуждаются в серьезных обсуждениях, а срок полномочий Госдумы III созыва заканчивался. В итоге законопроект был принят лишь с пунктами, уменьшающими расходы, которые могли быть реализованы в 1913–14 гг. из-за их простоты и бесспорности.

Вновь правительство подняло вопрос о реформе муниципальных финансов в рамках разработки общего проекта реформирования Городового положения в начале 1914 г. В феврале было собрано совещание чинов отдела городского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства МВД, на котором председатель совещания К.А. Невиандт обрисовал задачу привести Городовое положение в соответствие «современным потребностям и условиям местной жизни». Основываться при разработке положений нового закона чиновникам предлагалось на многочисленных ходатайствах отдельных муниципалитетов, а также 22-летнем опыте применения Городового положения на практике и его «историческими началами». Рассмотрение вопросов городской реформы на более чем десятке заседаний, состоявшихся до начала войны, опиралось на подготовленные при Столыпине Главные начала преобразования земского и городского управления 1907 г. Однако начало

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32 : 1912. Отделение 1. Пг., 1915. С. 1631–1634.

войны прервало обсуждение²⁹. Обещанную правительством широкую реформу муниципальных финансов провести не удалось.

Мировая война, сопровождавшаяся огромными расходами, а также «сухой закон», который лишил казну приносившего серьезный доход питейного акциза, создали дыру в государственном бюджете. Когда стало ясно, что война затянется и будет изматывающей, а повышение существовавших налогов и окладных сборов оказалось недостаточным, вновь встал вопрос о введении подоходного налога и реорганизации всей налоговой системы страны на более совершенных и справедливых принципах.

Шестого апреля 1916 г. было утверждено положение о государственном подоходном налоге, устанавливавшее в России новый налог с 1 января 1917 г. Это открывало новые перспективы улучшения муниципальных финансов путем передачи части нового налога городам. Государственный контролер Н.Н. Покровский надеялся, что по мере возрастания поступлений подоходного налога и ослабления финансовых затруднений удастся передать местным самоуправлениям часть «реальных» налогов [Покровский, 1916. С. 5]. Экономист В.Н. Твердохлебов был более пессимистичен. По его мнению, в условиях войны вряд ли можно рассчитывать на отказ государства от «реальных» налогов, да и после войны такое решение одновременно с введением подоходного налога, как полагал экономист, было бы «поспешным и неосторожным» [Твердохлебов, 1916а. С. 10–12].

При Министерстве финансов 1 февраля 1916 г. открылось совещание для обсуждения податной реформы, в котором участвовали представители законодательных палат, науки, промышленности. При Главном управлении МВД также было образовано особое совещание для рассмотрения проекта Городового положения во главе с начальником управления Н.Н. Анциферовым³⁰.

Одновременно подготовка законопроекта о реформировании Городового положения, включая муниципальные финансы, началась в Госдуме. В думскую комиссию по городским делам в 1916 г. входили 28 членов, а также председатель комиссии, земец-октябрист, бывший городской голова Твери М.И. Арефьев, товарищи председателя кадет М.М. Новиков и бывший городской голова Кишинева, центрист П.В. Синадино. Секретарем являлся кадет Л.А. Велихов³¹. Законодательное предположение о реформе Городового положения 1892 г. было передано в комиссию по городским делам 3 марта 1916 г. за подписью 37 членов Думы после того, как его признало желательным общее собрание Госдумы. По данным М.И. Арефьева, МВД, которое также занялось разработкой положений проекта, предполагало его подготовить не ранее октября, поэтому комиссия Госдумы по городским делам решила начать параллельную работу. Ответственным докладчиком по вопросам, касающимся городских финансов, был назначен Л.А. Велихов [Далина, 2004. С. 129].

Известный российский городской деятель, редактор журнала «Городское дело» констатировал «критическое положение финансов большинства русских городов, доходящее нередко даже до невозможности оплаты в срок труда городских служащих». Согласно докладу Велихова о мерах к улучшению городских финансов в комиссии по городским делам 1 апреля 1916 г., следовало передать городам «реальные» налоги, «оставив вместе с тем в пользу государства обложения, имеющие по преимуществу подоходный характер». Такой принцип – передачи муниципалитетам по окончании военных действий «реальных» налогов – был принят Госдумой при прохождении закона о подоходном налоге.

Как отметил Велихов, в пользу городов должен был быть полностью передан оценочный сбор с недвижимых имуществ. Городской квартирный налог предполагалось

²⁹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1917 г. Д. 36. Л. 119, 124, 140.

³⁰ Вестник финансов, промышленности и торговли (Петроград). 1916. №14. С. 5; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1800. Оп. 1. Д. 151. Л. 160б-170б.

³¹ Государственная Дума. Созыв 4-й. Сессия 4-я. Обзор деятельности комиссий и отделов. 3 сентября 1915 г. – 20 июня 1916 г. Пг.: Гос. типография, 1916. С. 197.

полностью сохранить как сбор «в подкрепление городских доходов», по форме взимания его предлагалось установить или в виде прибавочного к государственному подоходному налогу, или в виде самостоятельного обложения всех квартирных помещений «известным процентом» с суммы их оплаты. Также следовало установить сбор с прироста ценности недвижимых имуществ. Обложение промысловых предприятий было решено сохранить³².

Комиссия согласилась с полной передачей городам оценочного сбора, если не сразу, то в определенный срок, например, 5 лет, предлагалось установить пределы обложения сбором: в городах, не выделенных из земства – не ниже 10% чистого дохода, или 1% стоимости, и не выше 20% чистого дохода, или 2% стоимости. Для городов, выделенных из уездного земства – от 13 до 23%, для выделенных из уездного и губернского земства – от 15 до 25%. Введение рамок обложения, по мысли Велихова, защищало от завышения сбора, которое могло привести к отказу капиталистов от вложений в предприятия, замедлению строительства и протестам богатых. По мнению Арефьева, полная передача оценочного сбора городам стимулировала бы переоценку недвижимости, которой муниципалитеты избегали, опасаясь соответствующего увеличения земского и государственного сборов³³.

Кроме оценочного сбора комиссия поддержала установление специального сбора с недвижимости на устройство и содержание муниципальных сооружений, дающих выгоды отдельным частям города или владельцам. Общая сумма обложения не должна была превышать затрат города на эту цель. Распределять сумму сбора должна была дума в одинаковом процентном отношении к доходности или ценности. Также комиссия высказалась в поддержку введения сбора с прироста ценности недвижимых имуществ, признав желательным установить точную классификацию процентных отчислений в зависимости от размера чистой прибыли при отчуждении имуществ и сроков, в которые происходит покупка и отчуждение³⁴. Вопрос о промысловом сборе Велихов предложил отложить до установления финансовой комиссией Госдумы основ взимания налога с промышленных предприятий, эта мысль была поддержана комиссией. Комиссия также выступила против введения косвенных налогов в пользу города, против большинства мелких сборов, падающих на беднейших. Было поддержано включение в источники городских доходов сборов с увеселений и зрелищ, заграничных паспортов, аукционных продаж, судебных и нотариальных пошлин и адресного сбора. Вопрос о надбавках в пользу городов к подоходному налогу комиссия признала «несвоевременным». Содержание полиции и квартирное довольствие войск было решено передать полностью госказначейству. Комиссия также признала желательной помощь со стороны правительства городам в таких отраслях, как народное образование, борьба с эпидемиями, канализация, но не определила, в какой форме она должна осуществляться³⁵.

Споры вызвал вопрос о процентной норме оценочного сбора с имуществ. М.И. Арефьев отметил, что установление минимального уровня сбора в 10% с чистого дохода в случае передачи городам государственного оценочного сбора приведет к тому, что налоговое бремя владельцев недвижимости на самом деле понизится. В итоге по предложению Велихова было решено обязать городские самоуправления при получении государственного оценочного сбора не понижать существовавшее городское обложение оценочным сбором. Переоценки имущества следовало проводить по государственным нормам, а после окончательной передачи налога в города – по правилам МВД. Высший предел обложения было решено снизить с 20 до 16% от чистой доходности, или 1,6% от стоимости³⁶.

³² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 561. Лл. 116об-118об.

³³ Там же. Лл. 122-122об.

³⁴ Там же. Лл. 123-123об., 124.

³⁵ Там же. Лл. 122об., 124-125.

³⁶ Там же. Лл. 210-214.

В 4-ю сессию Госдумы, до 20 июня, завершить рассмотрение законодательного предложения не удалось из-за разногласий по вопросу о выборах гласных в городские думы. Остальные части проекта были приняты в первом чтении³⁷. Члены комиссии надеялись, что к декабрю проект удастся провести и через комиссию, и через общее собрание Госдумы, однако этого не произошло [Далина, 2004. С. 138].

Осенью 1916 г. свой вариант городской реформы предложило МВД. Для пополнения городской казны предполагалось ввести 13 новых сборов. Среди предлагаемых правительством – дополнительный налог с недвижимости, квартирный, налог с прироста ценности недвижимости. При этом сохранялся максимум оценочного сбора в 1% оценочной стоимости с возможностью его увеличения до 1,5% при необходимости закрыть дефицит сметы, с разрешения губернского присутствия и при одновременном паритетном увеличении квартирного налога. Земское обложение городской недвижимости предлагалось ограничить 5% средней чистой доходности, но постепенно – чтобы не нанести ущерба земским кассам³⁸.

Правительственный проект оказался существенно умереннее думского, потому что не допускал передачи городам государственного сбора с недвижимости, сохранял земский сбор, а максимум оценочного сбора устанавливался ниже, чем предлагала Дума. Проект также был значительно консервативнее того варианта, который предлагал Столыпин в 1907 г.: городам не передавалась часть подоходного налога, ничего не говорилось о субсидиях, предел оценочного сбора был понижен с 2 до 1,5% стоимости. До начала революции думский и правительственный проекты так и не попали на рассмотрение Госдумы. Замыслы муниципально-финансовой реформы не были реализованы.

Заключение

Путь улучшения муниципальных финансов через расширение налоговой базы самоуправлений был сформулирован Столыпиным в 1907 г., дальнейшие споры о параметрах и масштабах реформы шли в русле этих предложений. Идея передачи муниципалитетам «реальных» налогов по «прусскому» образцу преобладала, хотя критиковалась экономистами, предлагавшими расширять финансовую базу самоуправлений за счет подоходного обложения, развивая субсидирование, вводя обложение прироста ценности имущества. Несмотря на разногласия, как именно укреплять муниципальные финансы, общественность, Дума, правительство и муниципалитеты сходились в том, что это насущная необходимость. Улучшение налоговой базы в будущем могло повысить самостоятельность городского самоуправления, обеспечить достаточные финансы для развития этого института гражданского общества, помочь децентрализации и развитию местной инициативы.

Однако во взглядах экономистов и общественности отсутствовал консенсус, нуждались в реформировании и архаичные государственные финансы, постреволюционное общественное успокоение лишило власти стимула к реформам, эксперты отмечали, что улучшение муниципальных финансов не является панацеей, и нужно повышать эффективность использования того, что города уже имели. Преобразование муниципальных финансов затягивалось, завязнув на уровне правительственных и думских комиссий, дискуссий экспертов, мелких законодательных уступок. Ускоренная разработка параметров муниципально-финансовой реформы вновь активизировалась в условиях войны и общественного недовольства властью в 1916 г. Разработанные Думой и правительством проекты оказались значительно умереннее, чем то, что предлагалось Столыпиным, в то же время в них

³⁷ Государственная Дума. Созыв 4-й. Сессия 4-я. Обзор деятельности комиссий и отделов. 3 сентября 1915 г. – 20 июня 1916 г. Пг.: Гос. типография. 1916. С. 197–198.

³⁸ ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 51. Л. 18-25об.

включили некоторые идеи, высказывавшиеся экономистами. Очевидно, власти пытались действовать более осторожно в связи с войной, усилением налогового бремени, введением государственного подоходного налога, а также ростом оппозиционности городских деятелей. В условиях революции 1917 г. отсутствие прочной финансовой базы муниципалитетов, наряду со многими другими причинами, помешало им укрепить легитимность и привело к муниципально-финансовому и хозяйственному кризису.

В современной России нашли воплощение некоторые предложения столетней давности. По данным Центра городской экономики КБ «Стрелка», проанализировавшего бюджеты 79 столиц российских регионов в 2013–2015 гг.³⁹, доходная база муниципальных бюджетов формируется на 25% муниципальной долей подоходного налога с горожан, вопрос о введении которого был одним из центральных в дискуссии начала XX в. Однако нормативы муниципальной доли НДФЛ сейчас устанавливаются на федеральном и региональном уровне, и города мало контролируют эти доходы. Городская недвижимость приносит муниципалитетам в среднем 16% доходов, в том числе 9% – операции с имуществом, 6% – земельный налог. Налог на недвижимое имущество горожан – жилые дома, квартиры, гаражи – дал в среднем 1% бюджета, что заметно меньше, чем в начале XX в. Как показывает опыт столетней давности, этот сбор имеет значительный потенциал более эффективного использования, движением в этом направлении стал переход на налогообложение по кадастровой, а не инвентаризационной стоимости имущества.

Особенностью современных российских городов также является их зависимость от безвозмездных поступлений адресного характера от властей региона и федерального центра – в региональных столицах они в среднем составляют 49% доходов, что ставит задачу повышения самостоятельности муниципалитетов для большей гибкости в решении городских проблем. В то же время очевидна и необходимость сохранения целевых адресных субсидий, в том числе для выравнивания в разных городах расходов на потребности общегосударственного характера. Изучение ситуации начала XX в. может помочь в совершенствовании муниципальных финансов в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипкин И.В. (2010). Местное самоуправление в России: историко-экономический аспект. М.: Маска.
- Архипкин И.В. (2008). Становление и развитие налогового обеспечения в России XIX–XX столетий: диссертация на соискание степени доктора экономических наук. Москва.
- Велихов Л.А. (1928). Основы городского хозяйства. М.–Лг.: Гос. изд-во.
- Виноградов С.М. (2002). Историко-экономические воззрения И.М. Кулишера. СПб: изд-во СПбГУЭФ.
- Вяликова Л.В. (1989). Московское городское самоуправление в 1912 – феврале 1917 гг.: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Москва.
- Гензель П.П. (1917). Перечень мер к немедленному осуществлению в области денежного обращения и государственного кредита // Финансовая реформа в России. Вып. III. Пг.: Тип. ред. период. изд. м-ва фин. С. 1–123.
- Далина О.А. (2004). Проблемы городского самоуправления в деятельности правительства и Государственной думы в начале XX в.: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Москва.
- Дякин В.С. (1978). Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Лг.: Наука, Ленинградское отд-е.
- Кружалова Н.Ю. (1982). Московское городское самоуправление в 1905–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Лушников М.В., Лушников А.М. (2013). Российская школа финансового права: портреты на фоне времени. Ярославль: ИНДИГО.
- Мамаев А.В. (2018). Институт городского самоуправления и проблема модернизации муниципальной инфраструктуры в России в начале XX в. // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 102–116.
- Навроцкий В. (1913). Закон 5 декабря 1912 г. об улучшении земских и городских финансов. СПб.: Сотрудник.

³⁹ КБ «Стрелка». Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым. Бюджеты региональных столиц 2013–2015 гг. s3.eu-west-1.amazonaws.com/strelka.storage/2018/11/317404e4-1620-44e1-a7f9-0be8e79aa800/181024_budget_1page.pdf (дата обращения: 15.09.2019).

- Нардова В.А. (1984). Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, Ленинградское отделение.
- Нардова В.А. (2007). Лев Александрович Велихов и реформа городского общественного управления (1907–1916 гг.) // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета. С. 165–178.
- Покровский Н.Н. (1916). Реформа прямого обложения // Вестник финансов, промышленности и торговли. №14. 3 апреля.
- Сиринов М.А. (1915). Земские налоги. Очерки по хозяйству местных самоуправлений в России. Юрьев: Тип. К. Маттисена.
- Твердохлебов В.Н. (1916а). Общепоимущественный налог и реальное обложение // Вестник финансов, промышленности и торговли. №14.
- Твердохлебов В.Н. (1912). Пособия государства местным союзам. СПб.: Типо-лит. Шредера.
- Твердохлебов В.Н. (1916б). Финансовые очерки. Вып. I. Пг.: Тип. Р.Г. Шредера.

Мамаев Андрей Владимирович

andreydx2006@yandex.ru

Andrey Mamaev, Ph.D (History), Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

andreydx2006@yandex.ru

THE DISCUSSION ABOUT MUNICIPAL TAXES IN THE EARLY XX CENTURY: POSSIBLE BUT NOT REALIZED FINANCIAL REFORM IN IMPERIAL RUSSIA

Abstract. At the beginning of XX century city self-government became an important economic and political institution, which raised the question of reforming its financial base and changing the ratio of state and public finances. The article highlights the development and discussion of the desired reform of municipal taxes by the authorities, lawyers, economists and society. Stolypin proposed transferring some of the income and “real” taxes to the cities, but did not take any serious steps in this direction. The draft law proposed by the cadets secured the transfer of “real” taxes to municipalities and the development of subsidies in case of refusal of income tax and the abolition of “compulsory” expenses. Important role in the discussion about reform was played by the Oppositional Society for Financial Reforms, which included prominent scholars, practitioners, leaders of the State Duma, as well as the Congress on Urban Finance, convened in 1913. The most popular view among the public was that local governments needed to transfer “real” taxes, but scientists also put forward proposals for transferring part of the income tax and introducing a tax on the increase in property value. Economists have raised the issue of state subsidies. The issue of timing was controversial: is municipal financial reform possible at the same time as public finance reform, or is it better to carry out the reforms sooner or later. The possibility of making more efficient use of the resources already available to cities was also indicated. The article revealed that the projects proposed by the Duma and the government by 1916 turned out to be more moderate than the proposals of Stolypin and the Cadets, but included the ideas of a number of economists. It is concluded that the reform of municipal finance was delayed and until 1917 did not rise above the level of government and Duma commissions, expert discussions.

Key words. *Russia, early XX century, city self-government, local taxation, municipal-finance reform.*

JEL: H72, L97, N43, N73, N93, P25, R51.

REFERENCES

- Arkhipkin I.V. (2010). Mestnoye samoupravleniye v Rossii: istoriko-ekonomicheskiy aspekt. [Local self-government in Russia: historical and economic aspect.] M.: Maska.
- Arkhipkin I.V. (2008). Stanovleniye i razvitiye nalogovogo obespecheniya v Rossii XIX–XX vekov: dissertatsion d.e.n. [Formation and development of tax security in Russia of XIX–XX centuries]. M.
- Velikhov L.A. (1928). Osnovy gorodskogo khozyaystva. [Basics of urban economy]. M.–Lg.: Gos. izd-vo.
- Vinogradov S.M. (2002). Istoriko-ekonomicheskiye vozzreniya I.M. Kulisher. [Historical and economic views of I. M. Kulisher.] SPb: izd-vo SPbGUEF.
- Vyalikova L.V. (1989). Moskovskoye gorodskoye samoupravleniye v 1912 – fevrale 1917 gg.: dissertatsion kand. ist. n. [Moscow city self-government in 1912 – February 1917]. M.

- Genzel' P.P.* (1917). Perechen' mer dlya nemedlennogo obrashcheniya v oblasti denezhnogo obrashcheniya i gosudarstvennogo kredita // Finansovaya reforma v Rossii. Vyp. III. [List of measures for immediate implementation in the field of monetary circulation and public credit // Financial reform in Russia. Issue III]. Pg. : tip. red. period. izd. m-v. fin. Pp. 1–123.
- Dalina O.A.* (2004). Problemy gorodskogo samoupravleniya v deyatelnosti pravitel'stva i Gosudarstvennoy dumy v nachale XX v.: diss. kand. ist. n. [Problems of urban self-government in the activities of the government and the state Duma in the early XX century]. M.
- Dyakin V.S.* (1978). Samoderzhaviye, burzhuaziya i dvoryanstvo v 1907–1911 gg. [Autocracy, bourgeoisie and nobility in 1907–1911]. Lg: Nauka, Leningradskoye otd-ye.
- Kruzhalova N.Y.* (1982). Moskovskoye gorodskoye samoupravleniye v 1905–1912 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. [Moscow city self-government in 1905–1912]. M.
- Lushnikova M.V., Lushnikov A.M.* (2013). Rossiyskaya shkola finansovykh prav: portrety na fone vremeni. [Russian school of financial law: portraits against the background of time]. Yaroslavl': INDIGO.
- Mamaev A.V.* (2018). Institut gorodskogo samoupravleniya i problemy modernizatsii munitsipal'noy infrastruktury v Rossii v nachale XX v. [Institute of urban self-government and the problem of modernization of municipal infrastructure in Russia in the early XX century] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. №1. S. 102–116.
- Navrotskiy V.* (1913). Zakon 5 dekabrya 1912 g. ob uluchshenii zemskikh i gorodskikh finansov. [Act of December 5, 1912 to improve County and city finances]. SPb.: Sotrudnik.
- Nardova V.A.* (1984). Gorodskoye samoupravleniye v Rossii v 60-kh – nachale 90-kh gg. XIX v. Pravitel'stvennaya politika. [Urban self-government in Russia in the 60s-early 90s of the XIX century. Government policy]. L.: Nauka, Leningradskoye otdeleniye.
- Nardova V.A.* (2007). Lev Aleksandrovich Velikhov i reforma gorodskogo obshchestvennogo upravleniya (1907–1916 gg.) // Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii: istoriya, istochniki, istoriografiya. [Lev Alexandrovich Velikhov and urban public administration reform (1907–1916) // Power, society and reforms in Russia: history, sources, historiography]. SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. S. 165–178.
- Pokrovskiy N.N.* (1916). Reforma pryamogo oblozheniya [Reform of direct taxation] // Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli. №14. 3 aprelya.
- Sirinov M.A.* (1915). Zemskiye nalogi. Ocherki po khozyaystvu mestnykh organov vlasti v Rossii. [Zemstvo taxes. Essays on the economy of local governments in Russia]. Yur'yev: tip. K. Mattisena.
- Tverdokhlebov V.N.* (1916a). Obshchepoimushchestvennyy nalog i real'noye oblozheniye [General property tax and real taxation] // Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli. №14.
- Tverdokhlebov V.N.* (1912). Posobiya gosudarstva mestnym soyuzam. [State benefits to local unions]. SPb.: Tipo-lit. Shreder.
- Tverdokhlebov V.N.* (1916b). Finansovyye ocherki. Vyp. I. [Financial essays. Vol. I]. Pg.: tip. R.G. Shreder.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН,
Финансовый университет (Москва)

ТОПОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И СТРУКТУРНОЙ ДИНАМИКИ (о творчестве профессора О.С. Сухарева)¹

Аннотация. Статья представляет обзор трех работ одного из самых известных российских экономистов институционального направления – О.С. Сухарева. Рассматривается предложенная автором теория институциональных изменений (включая институциональную инфляцию и передаточный механизм), а также новые достижения в теории структурной динамики.

Демонстрируются предложенные Сухаревым решения в части измерения качества и количества институтов, что делает возможным построение математических моделей институциональной трансформации. Основным приемом, используемым автором в структурной динамике, является хорошо известная статистикам аддитивная модель. С ее помощью автор оценивает влияние на экономический рост отдельных факторов, формулирует теорему «об оптимальном соотношении затрат».

Ключевые слова: институциональная инфляция, экономическая дисфункция, норма потребительной стоимости, теория институциональных изменений, структурная динамика.

JEL: B25, B52, O30, O40.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10111

Олег Сергеевич Сухарев является, по-видимому, одним из самых даровитых и плодотворных российских экономистов. Количество его публикаций, индексируемых в РИНЦ, на февраль 2020 г. составляло 765 (это притом, что одна из рассматриваемых здесь монографий, 2020 г. издания, еще не была отражена в elibrary), а индекс Хирша составлял 41. Это существенно больше, чем у таких выдающихся российских экономистов институционального направления, как академик В.М. Полтерович (219 работ, индекс Хирша – 36) или А.А. Аузан (67 работ, индекс Хирша – 19). Такое количество статей и монографий невозможно отразить в обычном журнальном обзоре, это требует большой статьи в энциклопедии. Целью же нашего очерка является привлечение внимания читателей к некоторым особенностям российского институционального дискурса, которые у О.С. Сухарева, на наш взгляд, проявляются наиболее ярко. Ниже рассматриваются некоторые важные концепты, используемые автором в трех его книгах, увидевших свет в 2005, 2007 и 2020 гг. соответственно.

Уже в работе 2005 г. начинаешь чувствовать особенности авторского стиля: «Экономисты предложили весьма интересное определение общественным благам, *свойства которых приписали и производимым институтам* (курсив мой. – П.О.): блага это –

¹ Сухарев О.С. Институты и экономическое развитие. М.: ДеКА, 2005; Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в экономике. М.: Экономика, 2007; Сухарев О.С. Теория структурной динамики экономики. М.: ЛЕНАНД, 2020. Обзор подготовлен по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

товары, услуги, которые удовлетворяют требованию, что если их потребляет любой индивид X_i , из группы X_1, X_n , то их могут потреблять все члены данной группы (Олсон М., 1995)» [Сухарев, 2005. С. 69]. Если институты, как и блага, можно производить, то встает вопрос об их оптимальном количестве. Это логично: «Оптимальное количество общественных благ (институтов) удастся произвести на линии квазиобщественных благ. В этом случае все произведенные блага оплачены всеми агентами и полный дифференциал выгод равен полному дифференциалу затрат рассматриваемой системы $dV = dC$ » [Там же. С. 70–71].

Тут же, не давая передохнуть, автор вводит понятие «институциональной инфляции». Следует предупредить неподготовленного читателя, что речь идет не об обесценении институтов, а об инфляции, порождаемой институтами. Опуская зубодробительные формулы (О.С. Сухарев использует здесь уже и частные производные, и интегральное исчисление), приведем краткое авторское описание этого феномена: «Приняв зависимость уровня цен от создаваемых институтов (количества общественных благ Q) $p = F(Q)$, эффект от общественных благ для государства будет состоять в разнице между привносимой общей ценностью вводимых благ и общими издержками на их производство... Тогда можно ввести понятие *институциональной инфляции, под которой подразумевается рост цен, обусловленный появлением новых институтов...* (курсив мой. – П.О.). Преобразуя, приходим к дифференциальному уравнению, связывающему изменение уровня цен, приращение затрат на введение новых институтов и количество создаваемых общественных благ при достижении максимального эффекта для правительства от вводимых институтов:

$$\frac{d^2 p}{dQ^2} + \frac{2dp}{qdq} - \frac{1d^2 C}{QdQ^2} = 0$$
 [Там же. С. 71].

Неустанная деятельность российского правительства по созданию федеральных округов, служб, агентств, слиянию и разъединению министерств, преобразование милиции в полицию, надвигающаяся в 2020 г. конституционная реформа, предусматривающая введение нового супер-органа: Госсовета – все это исчерпывающе описывается вышеприведенной формулой. Государство создает институты, они же – «общественные блага», в которых заняты чиновники; чем больше чиновников, тем больше издержки и выше институциональная инфляция. Видимо, так?

Эта блестящая, остроумная идея вполне соответствует авторитетному российскому институциональному дискурсу, в котором «у общества существует спрос на институты». Если какой-то спрос есть, а предложения нет, то возникает дефицит, а дефицит ведет к инфляции, не так ли? Государство предлагает новые институты обществу, удовлетворяя данный спрос, – так раскрывает эту тему О.С. Сухарев. К сожалению, феномен «институциональной инфляции» в целом остался незамеченным многими российскими экономистами, а сам автор в дальнейшем изложении ограничился рисованием очень любопытных кривых и введением дополнительных формул. В этом отношении хотелось бы большей конкретизации и верификации – вдруг верификация показала бы, что связь между количеством институтов и ростом цен отсутствует? Но, что еще важнее, по ходу была бы решена еще одна принципиальная проблема – в каких единицах измерения учитывать институты, чтобы потом вывести их общее количество, определить их темпы прироста (производные) и т.д. По-видимому, это – дело будущего.

Тем не менее не все так просто. Уже через несколько страниц можно наткнуться на следующий, выделенный автором, абзац: «У нас появляются основания утверждать, что действия государства непреднамеренно обесценивают данное экономистами и ставшее общепринятым определение общественных благ. Поэтому справедливо усилить критику употребления в анализе понятия институтов как общественных благ» [Там же. С. 79]. Это озадачивает. Однако на кажущееся противоречие с предыдущим текстом не стоит обращать внимания – повторимся, это особенности стиля О.С. Сухарева. На той же странице,

разбираясь с понятием «инвестиционного барьера», он указывает: «Гипотеза состоит в том, что барьер представляет собой результат дисфункции институтов и социальных структур» [Там же]. Далее О.С. Сухарев делает примечание: «Автор намеренно отказался от напрашивающегося термина «инвестиционная ловушка», поскольку считает, что этимологически, а также с позиции экономического смысла более удобно и правильно говорить о барьере (преграде), а не о ловушке. Подобное замечание, на наш взгляд, справедливо и относительно термина «институциональная ловушка», критический анализ которого проведен ниже» [Там же]. Уже в следующем разделе – «Концепция «экономической дисфункции» хозяйственной системы» – о «барьерах» постепенно забывается, вводится шесть новых определений, в т.ч. – микро- и макроэкономические дисфункции, выводятся формулы, определяющие монетарный диапазон (!), в рамках которого нужно проводить реструктуризацию экономики. Разница между «экономической дисфункцией» и «институциональной ловушкой» разбирается в разделе 1.7: «С одной стороны, развивается идея об институциональных ловушках – неэффективных устойчивых нормах поведения, а с другой, идея дисфункциональности института, согласно которой существование неэффективных норм является закономерным результатом хозяйственной динамики, при которой происходит снижение качественного состояния и фиксация его во времени» [Там же. С. 96]. Почему «с одной стороны» противопоставляется то, что «с другой стороны», читателю, не погруженному в институциональный дискурс, может быть неясно. Даже можно подумать, что институциональная ловушка и дисфункция институтов – одно и то же. Но это не так: «В оппонирующем ключе идее «институциональной ловушки» выступает авторская концепция «экономической дисфункции» (Сухарев, 2001), под которой понимается потеря качественных свойств системы, института» [Там же. С. 98]. Вот теперь должно быть все понятно, не так ли? Некоторые проблемы все же остаются – например, если институт утрачивает какие-то качественные свойства, это все тот же институт, только «дисфункциональный», или *другой*? И какой из них тогда вызывает «институциональную инфляцию»? Вопрос не праздный – если мутирующие институты рассматривать как новые, получается, что количество институтов может расти, как раковая опухоль...

На других разделах этой старой работы О.С. Сухарева мы не останавливаемся за недостатком места, хотя они содержат еще немало интересных идей. Вот, например, предлагаемый показатель НПС: «Норма потребительной стоимости (НПС) – это показатель, позволяющий дать обобщенную оценку качеству продукта и предпочтениям потребителей, определить уровень производства, необходимый для удовлетворения определенных потребностей, фактически измеряющий потребительную стоимость создаваемого блага и позволяющий дать некоторый прогноз относительно его рыночных перспектив» [Там же. С. 284]. НПС, по-видимому, решает проблему, над которой бились маржиналисты и их многочисленные последователи: оказывается, можно выразить как качество продукта, так и предпочтения потребителей в едином количественном показателе. И автор показывает, как это сделать, на соответствующем графике («Рис. 5.1. Соответствие фаз жизненного цикла продукта на рынке и нормы потребительной стоимости» [Там же. С. 285]). По оси абсцисс откладывается время, по оси ординат – объем продаж... оказывается, что вся загвоздка, над которой бились неоклассики – это объем продаж! Когда $НПС > 1$, объем продаж растет, при $НПС = 1$ он остается на одном уровне, при $НПС < 1$ – снижается. Остается только восхищаться изощренностью подхода автора, позволяющей ему легко справляться с такими трудными микроэкономическими проблемами.

Или вот другой заставляющий задуматься и выделенный самим автором в отдельный абзац под номером (2) пассаж в разделе о социальных порядках (которые в целом являются синонимом системы институтов): «Рост информационного потенциала ликвидирует имевшую место разницу в интеллектуальном развитии индивидов. Сейчас, в среднем, разница в интеллекте между индивидами составляет не более 1,5–2 раз, в то

время как разница в доходах составляет не более 10-15 раз, а при сравнении некоторых групп населения 20, 40 и даже 100 раз. Именно это несоответствие разницы в интеллектуальных способностях и доходах будет определять всю гамму социальных противоречий в XXI в. Забегая вперед, можно сказать о том, что эта тенденция полностью подрывает доктрину естественных прав, принятую в качестве базы развития либерального общества западного типа» [Там же. С. 345]. Действительно, современные гаджеты всех делают примерно одинаково умными (тупыми?), а доходы различаются. Непонятно, как это будет подрывать доктрину естественных прав, которая вроде бы предполагала равенство свобод при наличии, тем не менее, разных доходов и имущества (право на защиту собственности), но все может быть...

Следующая работа О.С. Сухарева «Институциональная теория и экономическая политика. К новой теории передаточного механизма» (2007) является знаковой² – среди его многочисленных статей и монографий по количеству цитирований она идет на четвертом месте (175 цитирований в РИНЦ). «Обращение к читателю», открывающее книгу, подписал тогдашний вице-президент РАН, академик В.В. Козлов, а «Вступительное слово» – тогдашний директор, нынешний научный руководитель ИЭ РАН, член-корреспондент ИЭ РАН Р.С. Гринберг. Рецензентами книги выступили академик В.И. Маевский и рано ушедший из жизни экономист институционального направления, заместитель директора ИЭ РАН, д.э.н., проф. А.Н. Нестеренко. Это первый том из двухтомника (и второй том также хорошо известен российскому читателю, но мы на нем останавливаться не будем), и он носит подзаголовок: «Книга 1. Институциональная теория. Методологический эскиз». Подробно рассмотреть эту работу объемом 32,5 п.л. в данном очерке также нет возможности, мы остановимся только на отдельных, особенно любопытных на наш взгляд, новациях в институциональной теории.

Вот, например: «...позиции ортодоксов наилучшим образом согласовывались с подходом старых институционалистов, поскольку они признавали влияние институциональных факторов в длительном периоде, но на коротких отрезках времени считали институты стабильными. Такое впечатление обманчиво. Конечно, неоклассики, условившись относительно влияния институтов во времени, не учли эффект «размазывания институционального действия» по шкале времени. Если рассматривается короткий период $[t_1, t_2]$ и скорость институциональных изменений равна нулю $\delta I/\delta t = 0$, что говорит о полной стабильности институциональных структур, отсутствии трансформаций и мутаций, то очевидно пренебрежение институциональными изменениями, могущими быть в периоды $[t_1 - 1, t_2 - 1]$, $[t_1 - 2, t_2 - 2]$ $[t_1 - n, t_2 - n]$, оказывающими воздействие на функционирование экономики на интервале $[t_1, t_2]$. Не найдя аналитических приемов учета исторического развития в своих моделях, ортодоксия выработала механизмы экономической политики, так и не справившись с ними, она признала их нормой... *...факт такого поведения представителей неоклассических школ указывает на мифический образ стабильности институтов в коротком периоде* (курсив мой. – П.О.)...

...допустим, что $\delta I/\delta t \neq 0$, тогда нужно принять два вероятных варианта – скорость изменений на отрезке $[t_1, t_2]$ постоянна, то есть происходит по линейному закону (этот вариант наименее вероятен), и скорость изменяется согласно некоторой зависимости, то есть изменения происходят по нелинейному закону, что наиболее вероятно. Математически это имеет вид:

² Это второе издание работы 2002 г. Именно за цикл из двух монографий: «Институциональная теория и экономическая политика» и «Теория экономической дисфункции» О.С. Сухарев стал лауреатом медали РАН (wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2,%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B3_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87).

$$1) \frac{\delta I}{\delta t} = L;$$

$$2) \frac{\delta I}{\delta t} = Z(t).$$

Кроме того, существует критический порог скорости институциональных изменений, при достижении которого экономическая система не может нормально развиваться – наступает дестабилизация, или, забегая вперед, макродисфункция...

...информация неотделима от понятия «институт». Она, как и деньги, является социальным порядком, иными словами, исходя из нашего определения, институтом. Для нее характерны все атрибуты института: информация живет самостоятельной жизнью, пронизывает все институциональные подсистемы общества, являясь аналогом нервных импульсов в человеческом организме, подобно тому, как деньги являются аналогом человеческой крови. Здесь возникает несколько важных проблем. Во-первых, потенциал институциональных изменений на отрезке $[t_1, t_2]$ будет определяться:

$$I = \int_{t_1}^{t_2} L dt$$

или

$$I = \int_{t_1}^{t_2} Z(t) dt,$$

что создает необходимость определения константы L и функции $Z(t)$, задающих скорость институциональных изменений на выбранном временном интервале. Во-вторых, с какого интервала, отстоящего от рассматриваемого, считать институциональные воздействия на него пренебрежимо малыми? В-третьих, какой период времени в количественном отношении охватывается каждым интервалом? Кстати, стрела времени в нашем случае имеет равномерную разбивку, то есть все временные отрезки одинаковые и равны, например, одному году. Однако что если они будут охватывать три года? Тогда вид подынтегральной функции должен быть другим...» [Сухарев, 2007. С. 87–88].

Надо сказать, что автор изобретает новый, оригинальный риторический прием. Т.е., скажем, что некто (ортодоксальный экономист) полагает, что в коротком периоде институты стабильны. А ему в ответ: «допустим, что $\delta I/\delta t \neq 0$. И что тут скажешь? Остается только руками развести.

В целом же этот большой пассаж из книги 2007 г. напоминает уже процитированные отрывки из монографии 2005 г. Это естественно, так как и в первом случае речь идет о создании новых институтов, и во втором – об институциональных изменениях. Как видим, и количество институтов (общественных благ), и институциональные изменения рассматриваются как измеримые, их можно выразить в количественных показателях, скорость определяется через производную, общее количество институтов – через интеграл. При этом, правда, куда-то исчезла отмеченная нами выше остроумная идея об институциональной инфляции. Вместо нее возникает другой вывод – если изменения (количество институтов) нарастают слишком быстро и превышают некоторый «критический порог» – «макроэкономическая дисфункция».

Немного странно, что О.С. Сухарев не интерпретирует «критический порог» как социальную революцию, и не пытается с помощью своего выражения $\delta I/\delta t$ вычислить (или хотя бы ввести на бумаге) некоторый момент T^* , после которого старые деньги ничего не стоят, информация становится фейком, а институты самоуничтожаются. Понятно, что революционная ситуация, описываемая с помощью подобного рода формул и «стрел времени», выглядит издевательством над революционерами всех стран и эпох, но – почему бы и нет. В конце концов, это не так уж отличается от дифференциального исчисления институциональных

изменений, развиваемого автором в его книгах. Кроме того, повторимся, этот стиль вообще характерен для современного институционального анализа. Правда, вместо функций, «задающих скорость изменений на данном временном интервале», многие институционалисты предпочитают задавать функции поведения различных экономических акторов, максимизирующих свою полезность в рамках заданной системы правил. Исчисление революций (впрочем, как и «институциональных изменений (реформ?)») в отличие от их практического осуществления – вполне респектабельное и безопасное занятие.

Много внимания в рассматриваемой работе уделяется авторскому осмыслению достижений предыдущей экономической мысли. Есть разделы, посвященные неомарксистам, подходу Коуза и Бьюкенена, австрийской традиции, экономическому империализму... Вероятно, этот вклад О.С. Сухарева еще будет оценен по достоинству историками экономической мысли. Однако в заглавии работы присутствует «новая теория передаточного механизма в экономике». Четкого определения «передаточного механизма» нам найти не удалось. Однако на стр. 256–258 приводится классификация передаточных механизмов, а табл. 3.4 озаглавлена как «Соответствие передаточного механизма экономической политики типу хозяйственной системы» [Сухарев, 2007. С. 257]. Типу экономической системы: «централизованная экономика с преобладанием государственной собственности и сниженным демократическим потенциалом» соответствует три типа передаточного механизма: традиционный, улучшенный, новый. Традиционный предполагает государственное управление экономикой и собственность (??!) на средства производства, директивные цены, товарный дефицит, суженный потребительский выбор; улучшенный – самоуправление и самофинансирование, арендную и кооперативную собственность, цены Ланге, расширение потребительского выбора; новый – китайскую модель передаточного механизма: либерализацию экономики, все виды собственности, импортозамещающую индустриализацию, расширение товарного рынка, адсорбцию технологий (??!) и государственные инвестиции в коммерциализируемые НИОКР, широкий потребительский выбор при ограничении политического выбора. Переходной экономике соответствует традиционный передаточный механизм для стран третьего мира и улучшенный – для постсоциалистических стран, нового механизма нет. Наконец, для «смешанной экономики с преобладанием частной собственности и высоким демократическим потенциалом» традиционным передаточным механизмом оказывается кейнсианство или неоклассика; улучшенный – «снабжен ограничительными нормами правового, социального и политического характера»; новый – «разрабатывается с позиции институциональной теории регуляции».

Таким образом, похоже, передаточный механизм – это некий комплекс мероприятий экономической политики, существующий в той или иной хозяйственной системе. Сам автор указывает: «...различие в эффективности развития разных стран во многом определяется способностью и возможностями правительства... выработать передаточный механизм, при помощи которого государственное управление становится адекватным хозяйственным реалиям» [Там же. С. 258]. Признаться, не очень понятно, каким образом введение в научный оборот категории «передаточного механизма» способствовало приросту экономического знания, но приходится допустить, что это – результат нашего поверхностного чтения. Вот, например, как О.С. Сухарев полемизирует с лауреатом нобелевской премии Д. Нортотом: «концепцию Нортона в этой части срезает под корень институциональная регрессия, принимающая очень интересное звучание.

Во-первых (курсив О.С.), что есть цена, если не институт?... цены являются сложным комплексом разных правил, а значит, представляют собой, согласно определению Нортона, институт.

Во-вторых (курсив О.С.), установление цены как института тоже требует правил, то есть институциональные изменения происходят в результате преобразования неких базовых институтов...» [Там же. С. 260].

Вот так-то. И, если признать цены институтами, то никаких проблем с измерением институтов, а заодно с их количеством, не остается. Посмеем предположить – сам Норт об этом никогда не подозревал.

Новая (2020 г. выпуска), относительно небольшая (12,5 п.л.) работа О.С. Сухарева «Теория структурной динамики экономики» интересна тем, что в ее содержании не встречается слово «институт». При этом сам автор пишет в предисловии: «Хотел бы верить, что эта книга позволит продвинуться в том, чтобы не только понять, каким образом структурные изменения влияют на экономическую жизнь, но что они являются и выражением этой жизни, а самой важной задачей становится обоснование и подбор методов влияния на экономическую структуру» [Сухарев, 2020. С. 9]. Смена дискурса несколько удивляет: раньше были институциональные изменения, теперь структурные; собственно, и выражением экономической жизни тоже были «институты», а теперь – «структура». Налицо серьезный методологический поворот (автор в предисловии отсылает к своим работам, выходявшим на протяжении 2014 – 2019 гг., но не ранее, хотя вездесущий РИНЦ находит популярные работы О.С. Сухарева и 2008, и 2010 гг., посвященные все той же проблематике).

Итак, «Структурная динамика – это прежде всего изменение доли элемента в границах экономики, а также скорости развития (темпа роста) этого элемента относительно других элементов и темпа роста экономики» [Там же. С. 10]. Пусть так, но что понимается под «элементом»? На следующей странице автор поясняет, что «элемент» – это одна из компонент ВВП по расходам (потребление, инвестиции, госрасходы, чистый экспорт). Далее формулируются семь основных положений теории структурной динамики [Там же. С. 20], которые по большей части являются следствиями обычной арифметики (удельный вес различных элементов ВВП и разные темпы роста по-разному влияют на общий темп роста ВВП). В курсе вузовского экономического анализа подобные построения называют аддитивными моделями, но «структурная динамика» звучит лучше.

Далее с помощью сравнительно простых вычислений определяются «вклады элементов» в ВВП России [Там же. С. 41–50]. При этом по оси абсцисс указывается удельный вес «элемента» в различные годы (2003–2018), а по оси ординат – «Вклад компоненты в ВВП России, в %%». Надо сказать, что последняя формулировка вводит в заблуждение – на самом деле имеется в виду «вклад в темп прироста ВВП», но это не так уж и важно.

Кроме обычных компонентов ВВП, автор проделывает то же самое с «сырьевым», «обрабатывающим» и «транзакционным» секторами России. Это полезное статистическое упражнение позволяет ему прийти к следующему выводу: «Возлагаемые надежды на инвестиции как главный локомотив экономического роста, если учесть структурный анализ ВВП, проводимый на основе сформулированных здесь положений теории структурной динамики (!), оказываются тщетными в случае, когда инвестиции рассматриваются «агрегатно», без учета факторов их распределения и влияния на экономическую динамику» [Там же. С. 49].

После чего в следующей главе выделяются два больших типа технологий – новые и уже используемые. В них осуществляются соответствующие инвестиции. С помощью все тех же аналитических приемов записываются уравнения, характеризующие экономический рост, однако какая-либо верификация здесь уже отсутствует. Что и констатирует автор: «Полученные условия... могут использоваться не только для идентификации сформировавшейся модели роста, но и для того, чтобы определить, какие факторы элиминируют (??!) условия экономического роста данной страны. Для их практической реализации нужны эмпирические исследования и расчеты, так как эти модели и условия получены аналитическим путем...» [Там же. С. 69].

Далее, в главе 3, О.С. Сухарев доказывает «Теорему о соотношении затрат». При этом рассматриваются два сектора – «транзакционный» и «трансформационный», оба генерируют прибыль. Казалось бы, далее должно последовать воспоминание о втором законе

Госсена, и ограниченные ресурсы должны перераспределяться между секторами до тех пор, пока не будет достигнута одинаковая отдача на последнюю единицу затрат, что приведет к максимизации прибыли. Однако нет, автор полагает, что «необходимо ориентироваться на показатель, показывающий соотношение транзакционных и производственных (трансформационных) издержек: $K_I = T_I/M$, где T_I – транзакционные, M – трансформационные... затраты... Чем ниже транзакционные издержки на единицу производственных ... издержек, тем эффективнее развивается экономика» [Там же. С. 75]. Почему? Бог весть.

Можно догадаться, откуда у автора такая нелюбовь к «транзакционному сектору» – ведь если вспомнить про институты, то они призваны экономить транзакционные издержки (недаром О.С. Сухарев в конце этой главы вспоминает про теорему Коуза [Там же. С. 83]). Но деление на два сектора играет с ним дурную шутку – в транзакционный сектор (сферу услуг) попадают ведь и сферы здравоохранения, образования, НИОКР. Поэтому сформулированная им теорема: «Оптимальная структура затрат (при $\Delta M \leq dTr$, $dm \leq dr$, то есть не за счет роста материальной компоненты издержек) достигается при условии, когда темп роста выработки равен сумме темпов роста эффективности и транзакционных затрат на одного занятого» [Там же. С. 82] вызывает сомнения в ее инструментальности – это оптимум *для кого?* Аналогичные вопросы, впрочем, возникают и по поводу анализа риска национальных проектов (графики приведены в Приложении: по оси абсцисс отложены темпы роста финансирования проекта, %, по оси ординат – темпы роста риска, %). Обычное понимание риска как вероятности наступления неблагоприятных событий (для проекта – вероятности того, что поставленная цель не будет достигнута) здесь, похоже, не применимо.

Любопытной особенностью последней монографии О.С. Сухарева является практически полное отсутствие ссылок (кроме тех, где он ссылается на самого себя). Учитывая объем написанного этим плодовитым экономистом, такой подход выглядит вполне обоснованным – действительно, «сформулирована и доказана «теорема о соотношении затрат»,... ..получены структурные формулы оценки влияния государственных ... проектов на темп экономического роста... построены модели оптимизации портфеля секторов..., позволяющие продемонстрировать проблему «структурного выбора» [Там же. С. 191]. Все эти результаты имеют огромное значение для российских министерств, отвечающих за проведение экономической политики. Остается надеяться, что чиновники, в отличие от нас, смогут осознать всю глубину академической мысли.

У О.С. Сухарева – счастливая судьба, к нему рано пришло признание его вклада в развитие отечественной институциональной теории. Его сдвиг в сторону изучения сложных проблем структурной динамики пока еще не оценен, хотя общее направление его исследований становится все более ясным. Остается только пожелать ему новых больших открытий.

ЛИТЕРАТУРА

- Сухарев О.С. (2005). Институты и экономическое развитие. М.: ДеКА.
 Сухарев О.С. (2007). Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в экономике. М.: Экономика.
 Сухарев О.С. (2020). Теория структурной динамики экономики. М.: ЛЕНАНД.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.

orekhovskya@mail.ru

**TOPOS OF DOMESTIC INSTITUTIONALISM AND STRUCTURAL DYNAMICS
(about the Works of Professor O.S. Sukharev)**

Abstract. The article presents an overview of three works of one of the most famous Russian economists of the institutional direction – O.S. Sukharev. Being considered proposes of author the theory of institutional changes (including institutional inflation and the transmission mechanism), as well as new achievements in the theory of structural dynamics.

Are demonstrated the solutions, proposed by Sukharev in terms of measuring the quality and number of institutions, which makes it possible to build mathematical models of institutional transformation. The main technique used by the author in structural dynamics is the additive model, well-known to statisticians. With its help, the author evaluates the influence of individual factors on the economic growth, formulates the theorem “on the optimal cost ratio”.

Key words: *institutional inflation, economic dysfunction, rate of consumer value, theory of institutional changes, structural dynamics.*

JEL classification: B25, B52, O30, O40.

REFERENCES

- Sukharev O.S.* (2005). *Instituty i ekonomicheskoye razvitiye* [Institutions and Economic Development]. M.: DeKA.
- Sukharev O.S.* (2007). *Institutsional'naya teoriya i ekonomicheskaya politika: K novoy teorii peredatochnogo mekhanizma v ekonomike* [Institutional theory and economic policy: Toward a new theory of the transmission mechanism in economics]. M.: Ekonomika.
- Sukharev O.S.* (2020). *Teoriya strukturnoy dinamiki ekonomiki* [Theory of Structural Dynamics of the Economy]. M.: LENAND.